

Белое движение и национальный вопрос в России

Под редакцией
доктора исторических наук, профессора В.Т. Тормозова,
кандидата исторических наук А.Г. Письменского

Москва 2009

УДК 94(47+57)«1918/1920»

ББК 63.3(2)612

Б 43

Рецензенты:

Письменский Г.И., доктор исторических наук, доктор военных наук,
профессор

Михеенков В.П., доктор исторических наук, профессор

Белое движение и национальный вопрос в России: коллективная монография / Под ред. д-ра ист. наук, проф. В.Т. Тормозова, канд. ист. наук А.Г. Письменского. Авторский коллектив: Тормозов В.Т., Иванова А.А., Маринчак Н.Е., Харсиев Б.М.-Г., Амбрутис Н.В., Степаненко Е.Ю., Никитина М.Э., Соболева О.Ю., Верещагин О.А., Токарева Т.В., Наумченко П.В., Аксенова Т.Н. – М.: Изд-во СГУ, 2009. 157 с.

ISBN 978-5-8323-0602-5

Монография предназначена для историков, преподавателей вузов и других учебных заведений, студентов и аспирантов, изучающих отечественную историю, для всех, кто интересуется историей России.

Цель разработки монографии ознакомить читателей с одним из ключевых направлений внутренней политики Белого движения – его деятельностью в национальной сфере, на примере Сибири, где в годы Гражданской войны действовали наиболее многочисленные силы антибольшевистского лагеря. В работе анализируется эволюция программы и политики Белого движения в национальном вопросе, и используются новые документы и материалы.

Рекомендовано к изданию Ученым советом СГА, протокол № 4 от 24.03.09.

УДК 94(47+57)«1918/1920»

ББК 63.3(2)612

ISBN 978-5-8323-0602-5

© Современная гуманитарная академия, 2009

© Издательство СГУ, оформление, 2009

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	4
1. НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВРЕМЕННОГО СИБИРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.....	19
2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМУЧА И ДИРЕКТОРИИ В НАЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ.....	64
3. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В СИБИРИ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОЙ ДИКТАТУРЫ А.В. КОЛЧАКА.....	84
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	129
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	134

Введение

Актуальность исследования. Гражданская война (1918–1920 гг.) – один из ключевых этапов отечественной истории. Он занимает важное место в вузовском курсе истории России. Многие проблемы развития советского общества и современного положения в нашей стране невозможно понять, не осмыслив значение и последствия событий начала XX века. Изучение истории Белого движения занимает одно из основных мест в исследовании сложной проблемы противоборства классово-политических сил в годы Гражданской войны в России. Развернувшись, прежде всего в национальных регионах, она превратила национальный фактор в важный инструмент борьбы за власть. Это придавало войне и развитию политического процесса в целом большую специфику и противоречивость. Задача настоящей монографии – познакомить студентов с одним из ключевых направлений внутренней политики Белого движения – его деятельностью в национальной сфере на примере Сибири.

Национальный вопрос оказал существенное влияние на идеологию и политику противоборствующих сил в 1917–1920 гг. Положение народов России, их политические симпатии и антипатии, роль и позиция национальных организаций и движений в борьбе за власть, в определении будущего государственного устройства России не могли не учитываться большевиками и их противниками. В конечном счете, это определяло их социальную опору в многонациональной стране.

Анализ политики Белого движения в национальном вопросе позволяет более точно определить динамику его социаль-

ной опоры, выявить уроки опыта решения национально-государственных задач в условиях гражданской войны, причины его недостаточной эффективности и нереализованный демократический потенциал, определить конкретно-исторические основания поражения Белого дела, как в целом, так и в национальном вопросе.

В многонациональной и поликонфессиональной Сибири Белое движение в 1918–1919 гг. имело весьма существенную специфику. В пестром спектре политических сил, объединившихся под флагом борьбы с большевизмом, отношение к формам и методам этой борьбы, межпартийному взаимодействию, роли национального фактора и путям удовлетворения требований народов Сибири переживало постоянную эволюцию.

Изучение деятельности белых правительств – Временного Сибирского, Директории и Временного Всероссийского во главе с А.В. Колчаком составляет актуальную научную задачу. Ее решение позволит проследить изменения политической программы, идеологии и практики Белого движения в национальной сфере, внутренние механизмы деятельности белых правительств, объяснить причины перехода от соглашения между национальными организациями и белым движением к разрыву и поражению как либерально-демократических, так и консервативных моделей национально-государственного развития России в начале XX века.

Анализ истории национального вопроса в Белом движении Сибири в 1918–1919 гг. дополняет научные представления о взаимосвязи социально-классовой и национальной компоненты в общественно-политическом процессе в условиях кризиса государственности и наиболее острой формы классовой и политической борьбы внутри страны – гражданской войны.

В условиях формирования многопартийности, крайнего разброса политических ориентаций населения современной России, злободневности урегулирования межнациональных отношений и достижения оптимального баланса прав и ин-

тересов федеральной власти и национально-государственных структур всестороннее изучение драматического опыта решения национального вопроса во время Гражданской войны в России необходимо для воспитания патриотизма, формирования научного исторического знания, учета уроков нашего прошлого в современной политике.

Изучение истории Белого движения и в целом разных аспектов истории Гражданской войны, в том числе национально-го вопроса началось уже в 20-е – начале 30-х годов XX века. Советские историки сделали немало для публикации документов, воспоминаний, научного изучения военной и политической истории гражданской войны в Сибири и места национального вопроса в ней¹. Следует отметить, что в литературе 20-х – начала 30-х гг. получила определенное отражение сложная и противоречивая история борьбы за власть в Сибири в 1917–1921 гг. Некоторое освещение в ней нашли вопросы взаимодействия белых с национальными движениями и массами. Однако как фактическая сторона проблемы, так и анализ всех сторон национальной политики белых, ее динамики, причин эволюции

¹ См.: Национальный вопрос и Советская Россия. М., 1921; Анишев А. Очерки истории гражданской войны. 1917–1920 гг. Л., 1925; Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т. 1–2. М.-Л., 1925–1926; Пионтковский С. А. Гражданская война в России (1918–1921 гг.). Хрестоматия. М., 1925; Хроника гражданской войны в Сибири (1918–1921 гг.). Сост. В. Максаков, А. Турунов. М., 1926; Временное правительство автономной Сибири // Красный архив. Т. 4. М., 1926. С. 86–138; Алаш-Орда. Сб. документов. Кзыл-Орда, 1929; Уфимское государственное совещание и Временное Сибирское правительство // Красный архив. Т.61 (6). М., 1933. С. 58–81; Минор О. С. Национальный вопрос в 1917–1918 гг. // Год русской революции (1917–1918 гг.). М., 1918. С. 94–103; Атнагулов С. Башкирия. М., 1925; Борьба за Урал и Сибирь. М., 1926; Гражданская война в Сибири и Северной области. М.-Л., 1927; Вегман В. Сибирские контрреволюционные организации в 1918 г. // Сибирские огни. 1928. № 1. С. 135–146; Мамет Л. П. Ойротия. Очерк национально-освободительного движения и гражданской войны на Горном Алтае. М., 1930; Революция и гражданская война в описании белогвардейцев / Под ред. С. А. Алексеева. Т. 1–5. М.-Л., 1926–1931 и др.

социальной базы антисоветского лагеря в многонациональной Сибири оставались во многом за рамками этих работ.

Существенным дополнением к этой литературе стали мемуары, которые являются одним из ценных, несмотря на их заданную субъективность, источников изучения темы. К ним примыкают носящие обзорный, иногда аналитический, характер статьи непосредственных участников событий с обеих сторон¹. Трактовка событий гражданской войны, данная современниками, – важный аспект всестороннего исследования этого сложного этапа в истории нашей страны. Определенное значение они имеют и для рассматриваемой в монографии проблемы.

В тот же период довольно солидная источниковая и историографическая основа для изучения темы создается за рубежом. Авторами опубликованных там трудов и мемуаров были военные, политические и общественные деятели Белого движения, свидетели и участники событий 1917–1920 гг. в Сибири².

В их публикациях нашли отражение многие конкретные эпизоды военной истории, деятельности различных управленческих структур, в том числе и по некоторым вопросам национальной политики, даются интересные психологические зарисовки и портреты ряда представителей лагеря белых. Это

¹ Ракитников Н.И. Сибирская реакция и Колчак. М., 1920; Буревой К. Распад. 1918–1922. М., 1923; Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке. Пг., 1923; Майский И. Демократическая контрреволюция. М., 1923; Болдырев В.И. Директория, Колчак, интервенты. Новониколаевск, 1925 и др.

² Зензинов В. Государственный переворот адмирала Колчака в Омске. Париж, 1919; Парфенов П.С. (Петр Алтайский). Уроки прошлого. Гражданская война в Сибири 1918, 1919, 1920 гг. Харбин, 1921; Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921; Сахаров К. В. Белая Сибирь. Мюнхен, 1923; Вологодский П. Из хроники антибольшевистского движения в Сибири. Харбин, 1924; Якушев И. А. Очерки областнического движения в Сибири // Вольная Сибирь. Т. 4–5. Прага, 1928–1929; Серебренников И.И. Мои воспоминания. Тяньцзинь, 1937; Филатьев Д. В. Катастрофа белого движения в Сибири, 1918–1922. Париж, 1985 и др.

существенно дополняет извлеченные из архивных источников и отечественной литературы сведения, объясняет мотивы, незримые пружины тех или иных явлений, в частности, в отношениях Белого движения с национальными организациями и массами. Безусловно, при этом необходимо учитывать политические ориентации авторов, их объективную роль в описываемых событиях, определяя научную достоверность излагаемых фактов и выводов.

Известные сегодня негативные явления в политической жизни страны и в советской историографии, начиная с 30-х годов XX века сделали фактически невозможным полноценное исследование истории Белого движения, в т.ч. в сфере национальной политики. Приоритет идеологических догматов, однозначная заданность оценок и выводов, закрытость целого ряда тем и источников для их изучения (это прямо относилось к истории национальных движений, многих политических партий и организаций) и другие негативные явления в развитии отечественной исторической науки по существу прервали исследовательский процесс в этом важном направлении. Многие ценные труды 20-х годов XX века стали недоступны для ученых, а их авторы оказались жертвами политических репрессий.

Со второй половины 50-х годов XX века в течение 30 лет специальные исследования внутренней политики белых правительств в национальной сфере не проводились. Важное значение имело появление трудов по истории политических партий России, по истории гражданской войны. Система административного управления на занятой белыми территории, их социальные мероприятия, отношения с разными слоями населения, политическими и общественными организациями в эволюции, на протяжении всего периода войны, чаще стали рассматриваться в 70-е гг. Большинство же трудов как обобщающего, так и монографического характера, лишь давали однозначно негативную оценку классовой всей сущности «не-

пролетарских» партий и белых режимов, противопоставляя ее политике советской власти¹.

Так, например, не утратившая научный интерес монография В.В. Гармизы «Крушение эсеровских правительств» (М., 1970) подробно характеризует создание и деятельность Кому-ча и Временного Сибирского правительства. Однако национальная политика эсеров в ней не рассматривается. В работах Г.П. Макаровой, Б.А. Томана освещается история национальных движений, национальная политика РКП(б) и борьба за утверждение Советской власти в разных регионах страны в 1917–1920 гг.²

Ряд монографических исследований посвящен истории политических партий и организаций, классов и общественных организаций, вооруженной борьбы в Сибири в 1917–1920 гг. В них на обширном фактическом материале анализируются программные установки, идеология и тактика основных политических сил, деятельность общественных организаций, положение и позиция рабочих и крестьян в условиях революции и гражданской войны, в целом расстановка классовых сил³.

¹ История гражданской войны в СССР. М., 1959; История Сибири. Т. 4. М., 1968; Бурмистрова Т. Ю., Гусакова В. С. Национальный вопрос в программах и тактике политических партий в России. 1905–1917 гг. М., 1976; Непролетарские партии и организации национальных районов России в Октябрьской революции и гражданской войне. М., 1980; Гражданская война в СССР. Т. 1–2. М., 1986; Басманов М.И., Гусев К.В., Полушкина В.А. Сотрудничество и борьба. Из опыта отношений КПСС с непролетарскими и некоммунистическими партиями. М., 1988 и др.

² Макарова Г.П. Из истории национально-освободительного движения в России в 1917 г. Восточные районы. М., 1979. Ее же. Осуществление ленинской национальной политики в первые годы Советской власти (1917–1920 гг.). М., 1969; Томан Б. А. За свободную Россию, за свободную Латвию. Латышские стрелки и красногвардейцы в первый год Советской власти. М., 1975.

³ Плотникова М.Е. Роль Временного Сибирского правительства в подготовке контрреволюционного колчаковского переворота в Сибири // Труды Томского университета. Т. 167. Томск, 1964; Ее же. К истории эсе-

В 70-е – 80-е годы XX века начинает привлекаться литература русского зарубежья. В работах Г.З. Иоффе, Н.Г. Думовой, Л.М. Спирина, С.Г. Лившица, К.В. Гусева и других подробно характеризуется история монархической и кадетской контрреволюции, борьба политических партий, что имело существенное значение для понимания социально-политической сути и механизма деятельности, внутривластной обстановки в антисоветском лагере¹.

Основной смысл политики белых был, по мнению ученых, заключен в возрождении великодержавного монархического строя, отрицавшего всякую национальную самобытность и самоопределение. Лозунг «единой и неделимой России» трактовался как призыв сторонников законности и порядка к спасению России и защите общенациональных интересов, стабильно удерживавших народы России в строго централизованной монархии. Однако деятельность белых правительств в национальной сфере не являлась предметом исследования.

Одной из немногих работ, специально посвященных национальному вопросу в Сибири в годы революции и гражданской войны, является монография В.А. Демидова². Однако в проведенном автором обзоре политических событий на примере деятельности Компартии, противопоставленной анти-

ровской контрреволюции в Сибири в 1918 г. // Вопросы истории Сибири. Вып. 4. Томск, 1969; Кадейкин В.А. Рабочие Сибири в борьбе за власть Советов и осуществление первых социалистических преобразований (ноябрь 1917 – август 1918 гг.). Кемерово, 1966; Познанский В. С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. Новосибирск, 1973; Журов Ю.В. Гражданская война в сибирской деревне. Красноярск, 1986; Черняк Э.И. Эсеровские организации в Сибири в 1917 – начале 1918 гг. Томск, 1987.

¹ Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977; Его же. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983; Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982; Спирин Л.М. Россия. 1917 г. Из истории борьбы политических партий. М., 1987.

² Демидов В.А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. 1917–1923 гг. Новосибирск, 1983.

советским силам, многие научно значимые сюжеты остались вне рамок работы, демократический потенциал национальных движений отвергался.

С конца 50-х годов был подготовлен ряд документальных сборников по истории гражданской войны, в том числе в Сибири¹. В них нашла отражение деятельность большевиков по утверждению советской власти на местах, события военной истории, партийных структур в регионе. Однозначно негативная оценка буржуазно-демократических, национальных и белого движения, отсутствие документов и материалов по их конкретной истории, в том числе в области национальных отношений, отказ от всестороннего анализа противоречивой и не всегда эффективной национальной политики РКП(б) – характерные черты этих изданий. Для изучения избранной темы т.о., наряду с учетом указанных публикаций, был необходим специальный поиск новых источников, как опубликованных, так и архивных.

Внутренние механизмы деятельности белых правительств, их ведомств в межнациональных отношениях, в разработке системы управления и самоуправления на местах, политические ориентации и цели, методы их осуществления, эффективность и значение в судьбе белого движения и национальных организаций – представляют не только познавательный, но и научный и политический интерес. Их детальное изучение позволяет представить конкретно-историческую картину гражданского противостояния в многонациональной и поликонфессиональной стране, точнее определить смысл и результаты исторических событий 1917–1920 гг., причины поражения белых, предпосылки и суть доставшихся в наследство от прошлого проблем.

С позиций сегодняшнего дня видно, что общественным наукам в целом и исторической, в частности, были присущи мето-

¹ Борьба за власть Советов в Бурят-Монголии (1917–1918). Улан-Удэ, 1957; Борьба за власть Советов в Восточном Забайкалье. Иркутск, 1967 и др.

дологические недостатки. Они проявились в обосновании преимуществ узкоклассового подхода к толкованию исторического процесса и большевистской модели решения национальных проблем и государственного устройства России, апологетической-комментаторской направленности, догматизме подходов и стереотипности выводов. Существенно мешала продвижению вперед и узость документальной базы исследований. Основной массив источников по истории Белого движения и национальных партий и организаций был труднодоступен для ученых.

С середины 80-х годов началось преодоление былых недостатков в исследовании многочисленных «белых пятен» нашей истории, в том числе и рассматриваемой в пособии темы. Восполняются пробелы в конкретно-исторической картине прошлого, публикуются новые источники, расширяется география, берутся для изучения новые темы и сюжеты, все более активно привлекаются опыт и достижения представителей разных научных школ – социальной истории и культурной антропологии, исследования политологов, этнологов, зарубежных ученых¹. В то же время проявляется сложность состо-

¹ Ненароков А.П. К единству равных. Культурные факторы объединительного движения советских народов 1917–1924. М., 1991; Дариенко В.Н. Революция и контрреволюция на Юго-Востоке страны: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1991; Кульшарипов С. С.З. Валидов и образование Башкирской Автономной Советской Республики (1917–1920 гг.). Уфа, 1992; Поляков Ю.А. Гражданская война в России: возникновение и эскалация // Отечественная история. 1992. № 6. С. 32–41; Национальный вопрос на перекрестке мнений. 20-е годы. Документы и материалы. М., 1992; Октябрьская революция: Народ: ее творец или заложник? М., 1992; Гражданская война в России. «Круглый стол» // Отечественная история. 1993. № 3. С. 102–115; Рыбников В.В., Слободин В.П. Белое движение в годы гражданской войны в России: сущность, эволюция и некоторые итоги. М., 1993; Венков А.В. Антибольшевистское движение на Юге России на начальном этапе гражданской войны. Ростов-н/Д., 1995; Литвин А.М. Красный и белый террор в России 1918–1922 гг. Казань, 1995; Федюк В.П. Белые. Антибольшевистское движение на юге России. 1917–1918 гг.; Национальная политика России: история и современность. М., 1997 и др.

яния историографии, когда наряду с утверждением историзма и объективности встречаются откровенно политизированные, догматические и конъюнктурные оценки, формируются новые стереотипы и мифы.

Появились исследования, освещающие отдельные вопросы национальной политики белых в Сибири. Проанализирована советская историография 60–80-х годов XX века по проблемам гражданской войны, кроме национальных районов, история областничества в Сибири. В монографии А.И. Ушакова характеризуется литература русского зарубежья по истории гражданской войны, в том числе в Сибири¹. В работах А.И. Зевелева, В.В. Журавлева, С.В. Кулешова, Ю.П. Свириденко, В.В. Шелохаева² с учетом новых фактических данных и методологических подходов рассматривается история и деятельность политических партий России начала XX в., в том числе по отдельным аспектам национального вопроса.

Специально национальной политике правительства Колчака посвящена кандидатская диссертация Н.И. Наумовой³. Это исследование, тем не менее не дает возможности проследить, как эволюционировали отношения белых с национальными элитами и массами, от «демократической контрреволюции» до военной диктатуры, представить цельную конкретно-историческую картину как национальной, так и в целом внутренней политики партий, входивших в антибольшевистский лагерь. А

¹ Гарипова М.Г. Советская историография гражданской войны в Сибири (конец 60-х-80-е годы). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1991; Шиловский М.В. Сибирское областничество во 2-й половине XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1992.; Ушаков А.И. История гражданской войны в литературе русского зарубежья. М., 1993.

² См., напр.: Шелохаев В.В. Национальный вопрос в России: либеральный вариант решения // Кентавр. 1993. №№ 2, 3; Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. М., 1995; Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995.

³ Наумова Н.И. Национальная политика колчаковщины. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1991.

именно такой подход позволяет выявить все аспекты истории Белого движения, причины изменения его социальной базы, провала демократических инициатив и поражения белого дела в целом.

В монографии А.А. Елаева, посвященной национально-государственному строительству в Бурятии¹, содержится краткий обзор истории национального движения бурят в начале XX века, дается общая оценка положения Бурятского национального комитета в годы гражданской войны, но конкретное развитие политических взаимоотношений его с белыми правительствами не исследуется.

Крупным исследованием, охватывающим взаимоотношения белого движения с казахским движением Алаш, наряду с историей движения в целом на протяжении 1905–1920 гг., является работа Д.А. Аманжоловой². Наряду с анализом политики белых в Казахстане показаны военные события на территории юга Западной Сибири, Зауралья и Казахстана. Однако национальная политика белого лагеря в регионе не исчерпывалась отношениями с Алаш-Ордой, хотя именно она была наиболее крупной национальной организацией. Национальной политике белых в Сибири, биографиям отдельных лидеров Белого движения в регионе посвящены специальные работы автора настоящего учебного пособия*.

Зарубежные исследователи истории гражданской войны в России (С. Фитцпатрик, А. Беннигсен, П. Флеминг, П. Кенез, Р. Пайпс, В. Розенберг, Р. Суни, А. Бровкин и др.) специально избранную нами проблематику не рассматривали. В их рабо-

¹ Елаев А.А. Бурятия: путь к автономии и государственности. М., 1994.

² Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. М., 1994.

* См: Тормозов В.Т. Белое движение и национальный вопрос в Сибири (1918–1919 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996; Он же Атаман Дутов: «Я люблю Россию...» // Утро России. 1995.; Он же. Война и белое дело в судьбе Борис Анненкова // История. Прилож. к газ. «Первое сентября». 1997. № 29.

тах содержится анализ программы, идеологии и тактики Белого движения, взаимоотношения внутри него, с союзниками, региональной политики в целом. Отнюдь не бесспорные, их выводы учитывались в настоящем исследовании.

Цель настоящей работы – ознакомление студентов с национальной политикой антибольшевистских сил в Сибири в 1918–1919 гг. В этом многонациональном регионе в названные годы действовали наиболее крупные и организованные силы белых: Временное Сибирское правительство, Директория и Временное Всероссийское правительство А.В. Колчака. В их деятельности в сфере национального вопроса отразились как общие закономерности Белого движения в России, так и конкретно-исторические особенности.

В рамках данной монографии студенты смогут:

- проанализировать состояние национального вопроса и программы основных политических сил в этой сфере в Сибири к началу гражданской войны;
- проследить эволюцию национальной политики Временного Сибирского правительства;
- рассмотреть взаимоотношения национальных движений с основными силами в лагере белых на примере Комуча и Директории;
- ознакомиться с динамикой идейных и организационных основ национальной политики колчаковского режима;
- изучить конкретно-исторический опыт взаимоотношений правительства А.В. Колчака с национальными движениями.

Взаимоотношения белых в Сибири с союзниками, интервенционистский фактор в ходе гражданской войны в регионе – предмет отдельного исследования и не входит в задачи данной работы.

Для исследования темы были привлечены разные типы источников. Среди них – опубликованные документы и материалы органов Советской власти и РКП(б), а также правитель-

ственных структур белых в Сибири¹.

Сборник документов, статей и писем председателя Бурятского национального комитета в 1917–1918 гг. Э.Д. Ринчино² позволяет конкретизировать ряд эпизодов изучаемой темы, уточнить позиции и взаимоотношения лидеров национально-го движения в Бурятии и органов власти белых, представителей разных политических партий, а также динамику и мотивы эволюции отношения национальных масс и элиты к советской власти. Ряд документов по истории национального движения в Сибири представлен также в сборнике материалов съездов, конференций и совещаний организаций Томской губернии в 1917–1918 гг.³

Основной массив использованных при изучении темы источников составили архивные материалы. В 13-ти фондах Государственного архива Российской Федерации – 132с, 192, 193, 667, 670, 671, 749, 1561, 1701 и др. достаточно широко представлены доклады, отчеты, инструкции, аналитические записки, деловые письма, протоколы разного рода совещаний, постановления и т.п. документы. В этих источниках освещаются эпизоды национальной политики Комуча, Временного Сибирского правительства, Директории, правительства Колчака, а также деятельности национальных организаций Сибири, их взаимодействие, механизмы управления и организации власти в «иностранческих» районах и т.д.

Многие документы использовались впервые. Ценная информация содержится, в частности, в личном фонде предсе-

¹ Временная Сибирская областная дума. Сессия 2-я. Зас. 1-е и 2-е. Томск, 1918.; Собрание постановлений и распоряжений Западно-Сибирского комиссариата Сибирского Временного правительства. Томск, 1918.; Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. Омск, 1918. и др.

² Ринчино Э.Д. Документы. Статьи. Письма. Улан-Удэ, 1994.

³ Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Томской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). В 2-х ч. Томск, 1992.

дателя Совета Министров автономной Сибири, Директории и Временного Всероссийского правительства П.В. Вологодского. Зримую картину взаимоотношений белых с национальными организациями в зависимости от их политических целей и симпатий позволяют восстановить протоколы Государственного совещания в Уфе (сентябрь 1918 г.). Значительный интерес представляют также материалы переговоров руководства антисоветских правительств с национальными деятелями, протоколы заседаний подготовительных комиссий по разработке вопросов о Сибирском и Всероссийском представительном собрании учредительного характера (Омск, 1919 г.) и др. Их дополняют сведения, извлеченные из фондов Государственных архивов Томской и Омской областей. Целый ряд важных сюжетов темы нашел отражение в фондах Российского государственного военного архива – военное сотрудничество белых с национальными организациями, положение на местах в условиях войны, настроения масс и др.

Весьма содержательным источником явилась периодическая печать. Газеты, бюллетени, журналы разных политических организаций, ведомств, правительств дополняют архивную базу данных, включают официальные решения органов власти, интервью отдельных деятелей, сводки и обзоры внутривнутриполитической, социально-экономической и культурной жизни в Сибири в 1918–1919 гг. В них имеется немало конкретных сведений по всем вопросам темы настоящей диссертации.

При изучении всех видов источников устанавливалась их достоверность, учитывались политическая направленность, происхождение и авторство. С этой целью использовался метод сравнения документов, их идентификации, сопоставление характера и содержания информации по документам разных, часто противоположных, политических сил. Немаловажную роль играл также учет достижений историографии проблемы.

Хронологические рамки исследования охватывают период от начала деятельности органов власти белых в Сибири до фактического ее прекращения – 1918–1919 годы. Регион исследования – Западная и Восточная Сибирь, где в это время наиболее активно проявили себя как белые режимы, так и структурированные национальные силы.

Методологической основой изучения избранной темы явились принципы историзма, объективности, системного и комплексного изучения общественных явлений. Это позволяет, во-первых, проанализировать проблему в процессе возникновения и развития, во-вторых, вписать ее в общий процесс политического развития России в годы революции и гражданской войны, в связи с объективными и субъективными факторами истории.

Автор использовал проблемно-хронологический и сравнительный методы, синхронистический анализ событий и явлений, сопоставление документов, фактов и данных с учетом их археографической оценки.

Научная и познавательная новизна монографии состоит в систематизированном изложении и анализе многоаспектной эволюции национальной политики Белого движения в Сибири, его взаимоотношений с национальными движениями и массами на примере трех наиболее крупных и последовательно сменявших друг друга правительственных структур. Они олицетворяли динамику определенных политических сил и их социальной базы в ходе борьбы за власть.

Собранный и проанализированный в пособии материал, выводы, содержащиеся в нем, могут привлекаться государственными структурами, политическими органами и общественными организациями при формировании современной модели национальной политики, определении баланса прав и обязанностей центра и регионов, гармонизации межнациональных отношений.

1. Национальная политика временного сибирского правительства

В начале XX века в Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях, Акмолинской, Семипалатинской областях нерусские этносы составляли более 27% населения. По данным переписи 1897 г. коренное население Сибири составляло 822 тыс. человек: бурят – 289 тыс., якутов – 226 тыс., алтайцев и хакасов – 108 тыс., эвенков – 57308, хантов и манси – 24700, чукчей 11771, ненцев – 9427, коряков – 7300. Численность тофаларов, юкагиров, энцев и других этносов Сибири каждого в отдельности не превышала 1 тысячи человек. Русское население достигало 4651 тысячи¹.

В настоящей монографии из рассмотрения исключаются русскоязычные и некоренные народности, представители которых в Сибири мало отличались от русского населения по уровню жизни и культуре. Среди коренных народностей региона преобладал аграрный тип развития. Процесс социальной дифференциации шел крайне медленно, и это наряду с особенностями традиционной организации общественной жизни, накладывало серьезный отпечаток на политическое развитие национальных масс. Влияние в них общероссийских партий было крайне незначительно в сравнении с русским и русскоязычным населением края. В то же время все более активно заявляла о себе немногочисленная интеллигенция и буржуазия.

Для понимания политических процессов в крае в годы гражданской войны необходимо иметь в виду также и то, что

¹ См.: Азиатская Россия. Т.1. СПб., 1914. С.67.

активная часть национальной интеллигенции и буржуазии тесно сотрудничала в дореволюционные годы с эсерами и либеральной общественностью. Их контакты были основаны на общих подходах к наиболее важному, с точки зрения либералов и эсеров Сибири, вопросу – о расширении прав и самостоятельности региона в решении местных хозяйственных, социальных, культурных задач. Оптимальными формами реализации идеи местного самоуправления это течение считало земство и областную автономию. Несомненно, это служило мощным стимулом для укрепления союза демократической общественности Сибири с прогрессивной частью местной национальной элиты.

Крайне низкий уровень жизни, культурного развития национальных масс, их забитость, бесправие и нищета, растущая социальная и межнациональная напряженность (одной из причин ее усиления стала переселенческая политика царского правительства) – все это подталкивало демократически настроенную часть национальной интеллигенции и буржуазии к активной политической деятельности. Ее подъем пришелся, как и в целом по стране, на 1917 г.

После падения самодержавия прошел ряд областных национальных съездов и собраний – бурят, алтайцев, хакассов, якутов, казахов. Они, по существу, зафиксировали культурно-автономистские и федералистские требования националистов и рост их организованности в виде различных самоуправленческих органов власти, поддержавших Временное правительство, и структур нарождавшихся партий. Половничатость и непоследовательность правительства, объявившего об отмене национальных и религиозных привилегий и ограничений, выразилась в неспособности разработать и реализовать действенную национальную и региональную политику. Оно шло вслед за стихией общественного подъема, фиксируя своими решениями самодеятельность местных организаций и движений. Нарастание сепаратизма и других форм автаркии

отражало общий системный кризис российского общества и одновременно толкало даже наименее готовые к новым формам самоорганизации и управления этносы на поиск способа самоопределения и союзников в нем.

В начале марта 1917 г. в Чите был образован Бурятский национальный комитет, ставивший задачу образования национальной автономии в рамках демократического курса, объявленного Временным правительством. В Забайкальской области и Иркутской губернии началось образование национальных органов самоуправления с выделением соответствующих территориальных единиц – сомонов, хошунов и аймаков. Лидер бурятского движения Ринчино отстаивал идею автономного управления «на основе широкой демократии и коммунизации всего быта и уклада жизни народа». Только это, считал он, могло положить конец вымиранию народов Сибири, обеспечить им достойное будущее¹. 23–25 апреля 1917 г. на 1 съезде бурят двух регионов под председательством Э.Д. Ринчино был принят проект национальной автономии, во главе которой стояла Бурятская национальная дума. Временно был выбран Бурятский национальный комитет. 4 аймака было образовано в Забайкальской области, 3 – в Иркутской губернии, хотя они не могли составить сплошную территорию и разделялись русскими поселениями².

В то же время в бурятской общественности имелись сторонники возвращения к дореволюционной системе управления у коренного населения Сибири, введенной реформой М.М. Сперанского в 1822 г. и замененной в начале века подобием русского волостного управления. Схема местного управления Сперанского была попыткой соединить традиционные формы самоорганизации народов края с централизованным

¹ См.: Жизнь Бурятии. 1925. № 1–2. С. 26; Сибирь. 1917. 14 апреля; Ринчино Э.Д. Документы. Статьи. Письма. Улан-Удэ, 1994. С. 74.

² См.: Хаптаев П.Т. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Бурятии. Улан-Удэ, 1964. С. 156.

контролем представителей царской администрации, имела в свое время определенное позитивное значение, но не могла быть возрождена в прежнем виде в условиях революционного времени. Кроме того, Бурнацком тесно связывал организацию национального самоуправления с введением земства в Сибири, как одной из его форм¹.

Эти инициативы не нашли поддержки у властей. Забайкальский облкомиссар Временного правительства обратился к областному съезду бурят, состоявшемуся в сентябре 1917 г., с призывом создавать не национальные, а смешанные земства на основе учета средств на их содержание и хозяйственно-экономическое обеспечение, а также с учетом «бедности культурных сил бурят». Однако съезд не счел эти аргументы убедительными. Делегаты заверяли, что за 2–3 года и именно благодаря национальным земствам бурят подготовлены учащиеся и специалисты, обеспечен рост культурных сил, тогда как смешанные земства не смогут удовлетворить национальные интересы.²

Однако остановить разбухшую энергию национальных чувств Временному правительству было не под силу. 7–15 октября 1917 г. прошел общебурятский съезд в Верхнеудинске. Он избрал депутацию для ходатайства перед Временным правительством о введении аймачного земства и призвал бурят Сибири поддержать инициативу создания национального добровольческого отряда «для защиты Забайкалья» при активном участии атамана Семенова³.

В соответствии с решением съезда Бурнацком в декабре 1917 г. приступил к созданию аймачных земств, приравняв их к уездным, на основе принятого Временным правительством положения о земствах Архангельской губернии и Сибири. В Иркутской губернии в комиссию по организации аймаков и

¹ См.: Жизнь Бурятии. 1925. № 3–4. С. 17.

² ГА РФ. Ф. 193.Оп. 1.Д.8. Л. 12.

³ Сибирская жизнь. 1918. 11 июня.

хошунов входили члены губотдела Бурнацкома Сампелун, Бунуханов, Киняев, Данбинов¹.

Создание национальных земских органов самоуправления началось также по инициативе хакасских национальных деятелей, проводших съезд в апреле 1917 г. (С.Д. Майнагашев, И.И. Аланов, И.В. Барашков).²

В Якутии национальное движение ориентировалось на создание земского самоуправления в пределах всего этнического анклава в составе Российской Федерации. «Якутский трудовой союз федералистов», созданный в июне 1917 г., к концу 1917 г. объединял до 20 местных комитетов, ориентированных на сотрудничество с эсерами. В сентябре 1917 г. был создан Якутский национальный комитет во главе с идеологом движения В.В. Никифоровым. По сути, он выступал как прообраз центрального органа будущей автономии³.

На состоявшемся 1–6 июля 1917 г. в Бийске съезде представителей инородческих волостей Алтая, созванном по решению Томского губернского народного собрания, было принято решение о создании самостоятельного земского самоуправления. Центральным органом по управлению национальными анклавами Бийского и Кузнецкого съездов была объявлена Алтайская горная дума. Представителем ее был избран художник И.М. Гуркин. 28–30 июля 1917 г. прошел съезд алтайцев Кузнецкого уезда под председательством учителя С.И. Кузургашева. В уездную Горную думу были избраны учителя Кочубеев, Тельгорском, Чудояков. В Алтайскую Горную думу делегировался Е.И. Каньштаров⁴.

На волне подъема центробежных сил, пробуждения на-

¹ ГА РФ. Ф. 1700. Оп. 7. Д. 12. Л. 59 об-60.

² Свобода и труд. 1917. 15 апреля.

³ Петров П. У. Установление Советской власти в Якутии. Якутск, 1957. С. 53; Вольная Сибирь. 1918. 10 апреля (28 марта); Якутское земство. 1918. 10 ноября.

⁴ Жизнь Алтая (Барнаул). 1917. 10 августа.

циональных чувств широких масс и политических амбиций национальных элит идея культурной и территориальной автономии получила широкое распространение.

Этому способствовали и получившие после февраля 1917 г. популярность лозунги социальной и национальной справедливости, федерализма как принципа государственного устройства России. К тому же автономистские и федералистские проекты в 1917 г. были обстоятельно разработаны сибирскими областниками. Органической частью их политической программы и практики было демократическое решение национального вопроса в регионе.

Созданное в обстановке общественного подъема мусульманское бюро в Томской губернии (председатель Н.М. Карпов) играло одну из ведущих ролей в мусульманском движении Сибири. 28 июня – 2 июля 1917 г. оно провело губернский съезд мусульман, который присоединился к решениям Всероссийского мусульманского съезда (1–11 мая 1917 г., Москва) и избрал губернский мусульманский совет, а также его исполком¹. Его члены Н.М. Карпов, А. Юняев, М. Галеев, З. Гайсин и другие впоследствии активно участвовали в политической жизни Сибири.

По инициативе этого совета 4–6 октября 1917 г. был проведен I общесибирский съезд мусульман. На нем обсуждались вопросы о культурно-национальной автономии мусульман Сибири, об отношении к Сибирскому областному съезду, о религиозных и самоуправленческих организациях мусульман, военный, рабочий, женский и другие. Докладчиками были Н.М. Карпов, А. Юняев («О создании центрального органа сибирских мусульман»), З. Гайсин («Национальный вопрос»). Съезд высказался за объединение мусульман края на культурно-национальной основе в составе автономной федеративной Сибири и образовал временный центральный

¹ Сибирская жизнь. 1917. 4–8 июля; Новая жизнь (Томск). 1917. 1,14, 18 июля; Голос свободы (Томск). 1917. 8–12 июля.

совет союза национальных губернских советов мусульман, который должен был действовать до созыва Сибирской областной думы.

Председателем исполкома совета стал Ю.Р. Саиев, членами Н.М. Карпов и Г. Абдурашитов. Аналогичные решения приняли областные съезды казахов и якутов¹.

Консолидирующую роль взяли на себя действовавшие с перерывами с 1905–1907 гг. областнические организации Сибири. Они отражали закономерный рост регионализма в условиях развала государственности и в своих программных документах немаловажное место отводили национальному вопросу.

В идеологии областничества национальный вопрос занимал важное место. В трудах А.П. Щапова, Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина и других областников отмечалось, что географические, хозяйственные и другие естественно-исторические условия определяют особенности этнических общностей. Залогом же прогресса и подъема культуры России и регионов является разнообразие и богатство этнических типов.

Выступая за создание благоприятных условий социально-экономического развития, повышения общественной самостоятельности, образования и здравоохранения среди коренных жителей Сибири, областники поддерживали тесные контакты с немногочисленной национальной интеллигенцией. Именно ей идеологи областничества отводили важное место в междоцивилизационном взаимодействии Востока и Запада. В частности, в известных письмах Н.М. Ядринцева Г.Н. Потанину говорилось, что для сближения России с Азией «необходимо составить передовой отряд из образованных магометан и бурят-инородцев, легче могущих сблизиться с азиатцами. Необходимость образования инородцев обуславливается выгодами удержать среднеазиатские владения, достигнув сближения с

¹ Сибирская жизнь. 1917. 7,8,10,14 октября; Знамя свободы (Новониколаевск). 1917, 7 октября.

их народностями. Второе – влияние торговое. Для этого – мануфактуры на Востоке»¹.

После развала Российского государства новое собрание отечества областники видели как федеративный процесс, «не в прежнем виде парового котла, в котором развивающиеся пары скованы чугунными стенами, а в виде прекрасного живого растения, в котором центробежные и центростремительные силы уравновешены в живой гармонии»². От органов самоуправления к политической системе федерализма – таким виделся идеологам автономии Сибири программный путь областничества.

Областники выступали за право самоопределения национальностей, равноправие языков и отмену «стеснительных национальных различий перед законом»³.

Область, как земская и административно-территориальная единица России, «должна иметь обособленные хозяйственно-экономические интересы и отличаться культурно-бытовыми особенностями, переходящими иногда в особенности уже племенного или национального масштаба»⁴. В системе сложного равновесия между центральной и автономными властями будущей федерации Сибирь также представлялась им федерацией «вольных штатов», самоопределившихся «на основе общности интересов национальных, племенных, экономических, областных – территориальных»⁵.

I Сибирский областной съезд открылся в Томске 8 октября 1917 г. Он был наиболее представительным в сравнении с

¹ Ядринцев Н.М. – Потанину Г. Н. Письмо XXXI. 18 марта 1873 г. // Сибирские записки. 1917. № 6. С.211.

² Патушинский Б. Федералистическая сущность областничества // Сибирские записки. 1919. № 4–5. С. 26, 28.

³ Программа «Сибирского союза социалистов-федералистов» // Там же. 1917. № 3. С. 151.

⁴ Козьмин Н. Н. Областничество // Сибирские записки. 1917. № 6. С. 80.

⁵ Жерनावков Г. Сибирская областная федерация // Сибирские записки. 1917. № 4–5. С. 136.

последующими форумами сибирской общественности¹. 169 делегатов всех губерний и областей Сибири и Степного края, за исключением Камчатской и Сахалинской областей, были избраны от 171 организации. Обсуждение сосредоточилось вокруг трех групп вопросов: формы областного самоуправления, национальные вопросы (докладчики Е.В. Захаров и М.Б. Шатилов), земельная проблема и экономическое положение Сибири (докладчик И.И. Серебренников). К ним примыкал пункт о создании постоянного органа по подготовке и разработке материалов, касающихся Сибири.

Кроме пленарных заседаний, работали секции: по земельному вопросу, по вопросу об образовании общесибирского экономического органа, объединяющего экономическую и хозяйственную деятельность городов, земств, кооперативов и продовольственных комитетов (она подготовила положение о губернских, районных и общесибирских экономических комитетах), по вопросам областного устройства, созданию общесибирской организации «для продолжения дальнейших работ в согласии с постановлениями сибирских областных съездов», по национальному вопросу. Были заслушаны и обсуждены доклады «Сибирь как составная единица Российской федеративной

¹ Среди делегатов Сибирского областного съезда были 87 эсеров (в т.ч. 22 сочувствующих), 25 социал-демократов (5 сочувствующих), 4 кадет (1 сочувствующий), 3 народовольца, 8 энесов, 1 республиканец – федералист, 4 социалиста-федералиста, 1 областник-автономист, 1 сионист, 2 члена Алаш, 20 беспартийных, 6 беспартийных социалистов, 1 член якутского трудового союза, 53 без указания партийности. Регионально делегаты были представлены так: Западная Сибирь: Томская губ. – 48 от 37 организаций, Тобольская – 7 от 13 организаций, Алтайская – 29 от 23 организаций; Восточная Сибирь: Енисейская губ. – 3 делегата от 9 организаций, Иркутская – 18 от 14, Забайкальская обл. – 8 от 7, Якутская – 3 от 2; Дальний Восток: Амурская обл. – 1 от 1, Приморская – 6 от 6; Степной край: Акмолинская обл. – 23 от 16, Семипалатинская – 24 от 16, Тургайская – 1 от 6. // Вестник Временного правительства Автономной Сибири. 1918. № 3; Якушев И.А. Февральская революция и сибирские областные съезды // Вольная Сибирь. Т. 11. Прага, 1927. С. 28–29.

республики», «Основные положения автономного областного устройства», «Национальный вопрос в Сибири». При этом выступили представители всех национальностей, а также докладчик по поводу положения северных народностей региона¹.

На I областном съезде инородцы (17 татар, 4 поляка, 1 бурят, 13 украинцев, 1 телеут, 9 киргизов (казахов), 2 алтайца и 5 евреев) выступали особой фракцией как сибирская национальная группа. В президиуме ее представлял лидер казахских автономистов А. Букейханов. Инородцы – делегаты съезда были выдвинуты 9 национальными организациями².

Национальная группа, наряду с эсерами, крестьянскими депутатами и беспартийными участниками съезда, выступила за федеративное устройство Сибири и всей России³. Против были социал-демократы.

Активное участие инородческие делегаты приняли в обсуждении земельного вопроса, с докладом по которому от секции съезда выступил Н.Н. Козьмин. Так, А. Букейханов отметил, что проникшие в среду казахов под влиянием сартов⁴ представления о праве собственности на находящиеся в частном пользовании участки в целом чужды правосознанию и хозяйственно-бытовому укладу казахов. От имени казахских автономистов он поддержал лозунг общегосударственной собственности за землю.

Исторические традиции и правила землепользования отстаивали также делегаты казачества, якутов и алтайцев.

На земельной секции о правах отдельных национальных групп на земельный фонд, находящийся у них, было предложено, тем не менее, передать земельные излишки для передачи их безземельным представителям других групп. При этом казахские депутаты отстаивали необходимость обеспечения та-

¹ Сибирская жизнь. 1917. 11 октября.

² В. К. Областное обозрение // Сибирские записки. 1917. № 6. С.106–108.

³ Там же. С. 112.

⁴ Земледельцы – оседлые узбеки.

кого фонда кочевого хозяйства. Пригодные же для земледелия участки могли быть предоставлены и русским, и казахским хозяйствам.

Алтайские инородцы выступали за возвращение несправедливо отнятых у них земель и заявили, что не имеют излишков, а нормы земледелия должны определяться в соответствии с климатическими и природными условиями.

В результате было определено, что каждой народности, исторической и культурно-хозяйственной общности должна быть предоставлена возможность землевладения и определенный резерв. «В интересах национального и культурного самоопределения всех языков и вер» необходимо целесообразно использовать земельные излишки, на основе принятого Учредительным собранием закона и согласования интересов разных групп¹.

В постановлении съезда по областному устройству говорилось: «При единстве Российской республики отдельные ее части должны быть организованы на началах автономии национальной или территориальной, причем I сибирский областной съезд считает желательным развитие принципа самоопределения областей и национальностей вплоть до осуществления организаций всей Российской республики на федеративных началах». Выступая за государственные гарантии прав национальных меньшинств, съезд высказался за образование экстерриториальных персонально-автономных союзов для не имеющих компактных территорий заселения народов, со своими органами для решения культурных и национальных вопросов. «Естественные границы автономной Сибири определятся положением страны по водоразделу на Восток от Урала с включением всего Киргизского края при свободном на то волеизъявлении населяющего эти пределы населения»². Сибирь в качестве автономной единицы, говорилось далее, долж-

¹ Сибирские записки. 1917. № 6. С.119, 122.

² Сибирская жизнь. 1917. 17–18 октября.

на обладать всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти.

В постановлении I Сибирского областного съезда об областном устройстве единство Российской республики обеспечивалось на основе признания национальной, территориальной и культурно-национальной автономии ее народов. При этом вся полнота законодательной власти в Сибири принадлежала областной думе, избранной на основе всеобщего, прямого и тайного голосования с соблюдением принципа пропорционального представительства. Предусматривалась возможность преобразования самой автономной Сибири в федерацию, или «Союз областей и национальностей», по требованию последних.

Общесибирские областные съезды должны были стать постоянными органами народного представительства. Для принятия проекта конституции Сибири на основе всеобщего избирательного права созывался учредительный съезд, после чего конституция вносилась во Всероссийское Учредительное собрание. Положение об учредительном съезде поручалось подготовить Сибирскому областному совету, избранному съездом (по 3 представителя от каждой губернии и области, по 2 от народов Сибири и по 1 от казачьих войск). Совет решал общие вопросы, тогда как рабочим органом становился избранный 15 октября исполком. В него вошли Г.Н. Потанин, В.М. Крутовский, Б.М. Ган, М.Б. Шатилов, П.П. Гудков, П.Я. Дербер, Г.И. Жерनावков, Н.Н. Козьмин, кандидатами – инородцы Б.М. Вампилун, С.А. Новгородов и Ю.Н. Саиев. Они могли участвовать в заседаниях комитета с правом решающего голоса. При исполкоме создавались отделы по направлениям работы, в перспективе перераставшие в министерства¹.

Однако вскоре областники вынуждены были отказаться от намеченного плана. Выступив против октябрьского переворота, исполком решил созвать чрезвычайный съезд, а собрав-

¹ Сибирская жизнь. 1917. 21 октября.

шаяся 4 декабря в Томске первая сессия облсовета под председательством В.М. Крутовского поручила ему сделать на съезде доклад о положении Сибири в связи с новой политической ситуацией.

155 делегатов чрезвычайного Сибирского областного съезда¹, открывшегося в Томске 6 декабря 1917 г., собрались в обстановке, когда многие организации края, в том числе революционно-демократические, стали смотреть на областные учреждения как на опорные пункты борьбы с большевизмом. Росли областнические и даже сепаратистские симпатии прежде всего в имущих слоях населения, «лишь бы можно было избавиться от ужасов наступавшего большевизма, быстро распространявшегося от центра к периферии»².

В президиум съезда были избраны В.М. Крутовский, В.Т. Тибер-Петров, Л.Н. Перелешин, П.Я. Дербер, М.Б. Шатилов, секретари – Г.Б. Патушинский, К.П. Ляшкевич, Г.Ш. Неомитулин и Д.Г. Сулим. Почетным председателем был избран Г.Н. Потанин.

На съезде выступили представители всех губерний и областей. Итоги обсуждения положения на местах подвел в своем докладе П.Я. Дербер, на основе чего съезд констатировал, что «неуклонно и неизбежно Сибирь идет по пути окончатель-

¹ 155 делегатов чрезвычайного сибирского съезда имели право решающего голоса и предъявили 175 мандатов: от Центрального Сибирского оргкомитета, исполкома I съезда, Сибирского облсовета и сибирского экономического бюро было 30 делегатов, от земств – 10, городского самоуправления – 21, союзов кооператоров – 26, национальных организаций – 22, продовольственных комитетов – 7, земельных – 8, советов крестьянских депутатов – 21, советов крестьянских, солдатских и рабочих депутатов – 13, профсоюза железнодорожников – 7, почтово-телеграфных служащих – 7, казачьих войск – 1, ВУЗов – 2, действующей армии – 1, Иркутского союза областников-автономистов – 1. Большинство делегатов – 92 чел. были эсерами, 27 – социал-демократы, 11 – энесы, 3 – члены Алаш, 2 – федералиста-автономиста, 2 – беспартийных социалиста, 2 – кадета, 10 – беспартийных, 6 человек не указали партийность.

² Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. 1. Тяньцзин, 1937. С. 72.

ного распада и развала». Отсутствие центральной власти диктовало выбор: «Либо бессильная и неизбежная смерть, либо объединение всех трудовых народов нашего края в мощном устремлении к своему спасению»¹.

В декларации по текущему моменту съезд, поддержав Всероссийское Учредительное собрание, единодушно высказался за создание автономных органов власти как единственный выход к спасению Сибири и постановил не позднее марта 1918 г. созвать Сибирское Учредительное собрание. Временно общекраевым органом, включавшим представителей всех социалистических партий и народов Сибири, становился Сибирский областной совет, ответственный перед областной думой. Было выработано положение об этих органах. В Совет были избраны Г.Н. Потанин, П.Я. Дербер, А.Е. Новоселов, Г.Б. Патушинский, М.Б. Шатилов и представитель инородцев А.А. Ермаков.

До созыва Учредительного собрания дума являлась высшим законодательным органом Сибири и действовала на основе принятых до октябрьского переворота законов и решений Временного правительства, а также Всероссийского Учредительного собрания. В случае невозможности созыва и работы Учредительного собрания Сибири вся полнота власти оставалась в руках избранных декабрьским съездом органов. По существу, совет стал первым сибирским правительством, тогда как дума включала в себя представителей политических, общественных, национальных, профсоюзных организаций, советов и органов самоуправления. На их базе разворачивалась борьба против большевизма и создавались автономные учреждения.

7 января 1918 г. Временный совет заявил о непризнании Советской власти Сибирию и постановил созвать областную думу. Во второй половине января в Томске собрались более 90 депутатов, открытие думы планировалось 2 февраля 1918 г.

¹ См.: Якушев И.А. Февральская революция и сибирские областные съезды. С. 36, 37.

Однако в ночь на 27 января 1918 г. большевики арестовали значительную часть депутатов, в том числе Патушинского, Шатилова, Якушева. Около 45 оставшихся на свободе членов думы 28 января образовали Временное Сибирское правительство автономной Сибири из 20 человек во главе с правым эсером П.Я. Дербером¹, в том числе представители организаций бурят, татар, алтайцев, украинцев. Бурят Э.Д. Ринчино получил пост министра просвещения, татарин Г.Ш. Неомитуллин – министра без портфеля, алтаец В. Тибер-Петров – министра туземных дел, украинец Д.Г. Сулим – министра экстерриториальных дел. Однако работа этого правительства так и не развернулась. Кратковременная история деятельности этого правительства, его взаимоотношения с думой и обстоятельства прекращения работы изучены достаточно подробно².

Регионализация стала ведущей тенденцией в России после краха имперской системы и выражала не только политические цели и амбиции борющихся за власть сил, но и стремление к самосохранению и выживанию в условиях разрушения прежних управленческих структур и экономических связей. Она также свидетельствовала о пробуждении национальных чувств и консолидации народов России.

Национальный совет думы, главную роль в котором играл правый эсер В.И. Анучин, разработал проекты «О министерстве туземных дел», «Положение о Сибирском туземном фонде», «Положение о территориях, переходящих в ведение организуемого сибирского министерства туземных дел»³. Были установлены контакты с Украинской центральной радой в Киеве, башкирскими и казахскими автономистами.

¹ См.: Серебренников И.И. Указ. раб. С. 78–80.

² См.: Лившиц С.Г. Крах «Временного правительства автономной Сибири» // Вопросы истории. 1974. № 8. С. 87–98; Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970; Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983 и др.

³ Вольная Сибирь. 1918. 17, 20, 30 марта.

Поддержка областников вдохновила местных националистов. Перебравшаяся в январе 1918 г. из Бийска в Урал Алтайская Горная дума созвала 6–12 марта 1918 г. учредительный краевой съезд под председательством эсера-областника профессора В.И. Анучина.

Принятое съездом решение об образовании республики Ойрат было, по существу, спровоцировано нежеланием уездной администрации удовлетворить притязания националов на создание самостоятельных органов управления. В ответ на отказ Бийского уездного земства образовать отдельный уезд для алтайского населения на основе решений 16 волостей (5 высказались против) Гуркин, Борисов, Кульджин и Михайлов в знак протеста вышли из состава собрания. К тому же Бийский продовольственный комитет не нашел возможным отпустить думе 15 тысяч пудов соли для нужд населения.

В обращении к волостным земским управам непризнанные думцы призывали созвать съезд и писали: «Они забыли..., что в свободной стране есть свободный лозунг «самоопределение». Они вернулись в своих стремлениях к тому образу действий, который практиковался у нас во времена Столыпина и Плеве»¹.

В.И. Анучин мотивировал необходимость создания республики Ойрат в составе Российской республики, ссылаясь на общность происхождения, языка, традиций и истории народностей Алтая: «Округ вам ничего не даст: ни законодательной инициативы, ни денег – вы будете в зависимости, – подчеркивал он разницу между национальной автономией и административным образованием, – мы творим историю, мы должны идти революционным путем и ничего не бояться»².

22 февраля (7 марта) 1918 г. съезд единогласно постановил, «в силу права на самоопределение народностей, созданного ве-

¹ Цит. по: Мамет Л.П. Ойротия. Очерк национально-освободительного движения и гражданской войны на Горном Алтае. М., 1930. С. 75.

² Мамет Л.П. Указ. раб. С. 82.

ликой русской революцией», объединить в составе Ойротии районы Алтая, «минусинских туземцев», Урянхай, Монгольский Алтай и Джунгарию с вхождением ее в Российскую Федерацию. На 23 июня 1918 г. (н. ст.) был назначен курултай представителей указанных районов. Каганом – особым уполномоченным по всем делам Ойротии был избран В.И. Анучин, уполномоченными – В.К. Тюкин и А. Кульджин. Во главе образованного Каракорум-Алтайского округа были поставлены совет и управа с соответствующими отделами¹.

В канун антисоветского мятежа в Сибири национальные организации находились в состоянии организационного утверждения, перехода к овладению той или иной степенью самостоятельности, в том числе в сфере местного управления, определения взаимоотношений с разными по целям и методам деятельности политическими партиями. Однако всем им предстояло сделать выбор. Известный национальный деятель М. Султан-Галиев писал: «Наступил решающий момент не только для отдельных людей, но и для правительства и целых народов, каждый из которых должен взглянуть в лицо своей судьбы и окончательно решить, по какую сторону баррикады его место. Хотите вы этого или нет, вы должны принять участие в этой войне и сознательно или подсознательно стать либо «белым», либо «красным»².

При этом немаловажное значение в условиях быстро обострявшегося противостояния советов и органов власти, не признавших их, для национальных организаций Сибири имела позиция областной думы. В связи с этим примечательна декларация, принятая ею по поводу разгона Учредительного собрания 5 января 1918 г.

Совет Народных Комиссаров в ней объявлялся врагом народа. Дума заявила о необходимости объединения всех сил на

¹ ГА РФ. Ф.1701. Оп.1. Д.64. Л. 23.

² Султан-Галиев М.С. Социальная революция и Восток // Жизнь национальностей. 1919. № 38 (46).

защиту Учредительного собрания. До созыва Всесибирского Учредительного собрания власть в регионе принадлежала думе.

Специальный раздел был посвящен национальному вопросу. Было заявлено о праве всех народов России свободно и самостоятельно решить – отделяются ли они от Российской Федеративной республики или входят в нее «как автономно федеративные единицы». Дума выразила уверенность, что все народности Сибири осознают необходимость в их интересах федерации, и «что в свободном сотрудничестве всех народностей Сибири на началах федеративной связи – залог счастья и успешного процветания великой Сибири».

В декларации были объявлены ближайшие намерения думы в национальной политике:

а) проведение социальных мероприятий по защите и сохранению туземных племен;

б) предоставление экстерриториальным народностям в пределах общегосударственных законодательных норм права объединения в автономные общины, на правах юридического лица, и полной национально-персональной автономии во всех областях национальной жизни»¹.

Как показали последующие события, пришедшие к власти в Сибири летом 1918 г. антисоветские силы не смогли проводить четкую и эффективную политику в отношении национальных движений и организаций, среди которых не было единства в отношении пределов собственной самостоятельности и форм государственного устройства страны в целом.

Не менее важно было и то, что само Белое контрреволюционное движение также было разобщено в военном и политическом отношении. Оно характеризовалось обширным набором мнений, тенденций и реформ, а также политических течений – от умеренных социалистов (эсеров и меньшевиков) до либеральных демократов и крайне правых националистов.

¹ Хроника гражданской войны в Сибири (1917–1918 гг.). М.-Л., 1926. С. 149–151.

События 1918 г. в Сибири наглядно демонстрировали проблематичность реализации заявленной национальной политики при постоянно менявшейся комбинации политических сил.

С началом гражданской войны в Сибири областничество вступило в новую стадию – реализация его идей прямо зависела от военной ситуации и расстановки сил внутри антибольшевистского лагеря. 7 июля н.ст. 1918 г. Сибирская областная дума приняла грамоту «Народам Сибири», в которой говорилось, что вся полнота власти на территории края передается Сибирскому правительству.

Сибирская областная дума и Всероссийское Учредительное собрание, в которых «народам Сибири обеспечено полное представительство, – говорилось в ней, – выработает законодательные нормы, предоставляющие каждому народу право и возможность свободно устраивать свою судьбу сообразно традициям своего прошлого, идеалам своего будущего и на благо всей единой великой Сибири»¹. В специальной грамоте все население, «без различия национальностей, классов и партий», призывалось объединиться вокруг автономного правительства и в то же время предупреждалось о суровом подавлении любых «противогосударственных выступлений»². Характеристика деятельности Временного Сибирского правительства, его дальнейшая судьба и ход военно-политических событий в Сибири также не раз рассматривались в отечественной историографии³. Обратимся в связи с этим к эволюции национальной политики сибирских властей в 1918–1919 гг.

Дума именно как областнический орган, да и правительство, однако, не пользовались широкой поддержкой. Отноше-

¹ Там же. С. 197–198.

² ГА РФ. Ф.1700. Оп.7. Д.38. Л. 44; Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского Правительства. № 2. 1918. 18 июня.

³ См.: Лившиц С.Г. Временное Сибирское правительство (июль–ноябрь 1918 г.) // Вопросы истории. 1979. № 12. С. 98–107; Гармиза В.В. Указ. раб.; Иоффе Г.З. Указ. раб.

ние к ним в разных слоях общества было достаточно противоречиво. Так, состоявшийся во второй половине июля 1918 г. в Омске торгово-промышленный съезд высказался против существования областной думы, «как искусственной по составу, бесполезной, непригодной и осложнявшей действия правительства». Съезд отказался выбрать в думу своих представителей, что было отражением как отказа областников так называемым цензовым элементам в представительстве в областных органах в 1917 г., так и стремлением этих элементов к твердому порядку и восстановлению единой и неделимой России. Однако против созыва думы высказывались также эсеры-оборонцы, трудовики, энесы, группа «Единство». Тем не менее, в результате компромисса умеренной части эсеров и правительства дума была созвана. Немаловажную роль в этом сыграло нежелание портить отношения с чехословаками, обладавшими крупной реальной силой в борьбе с большевиками, указывал И.И. Серебренников¹.

Не менее сложным было отношение основной массы населения – крестьянства – к Сибирскому правительству. Инструктор по Семипалатинской области П.П. Башилов в докладе директору департамента общих дел о состоянии инструкторско-агитаторской работы в области писал 30 ноября 1918 г., что они начали работу в июле. Информаторы убедились, что «деревня буквально ничего не знала о политической ситуации и не понимала происходящего вокруг. Достаточно указать следующее. Крестьяне были уверены, что большевиков «сбросили» киргизы с казаками и что Временное Сибирское правительство – киргизское или казачье. В результате там, «где население жило дружно с киргизами или казаками, там отношение к Временному Сибирскому правительству было безразличное», а где враждовали – недоверчивое или прямо враждебное².

¹ Серебренников И.И. Указ.раб. С.134–135.

² ГА РФ. Ф.1561. Оп.1. Д.177. Л. 3 и об.

Характеризуя настроения сибирского крестьянства, заведующий информагитационным отделом МВД в обзоре за вторую половину 1918 г. выделил три группы. Активно анти-советски были настроены в основном пожилые зажиточные крестьяне, составляющие 25–30% сельских жителей. Активные большевистские слои объединяли 10–15% фронтовиков, безземельных крестьян и «хулиганствующей молодежи». До 50–60% крестьянства представляли средние трудовые слои, отличающиеся политической пассивностью и индифферентностью¹.

Идеи областничества были весьма далеки от реальной жизни населения Сибири. «В большинстве своем крестьянство аполитично, благодаря чему отношение его к созданию власти если нельзя назвать безразличным, то во всяком случае до активного участия в создании власти какой бы то ни было, власти вообще, поднять его страшно трудно, если не невозможно», – писал уполномоченный МВД М.П. Рудаков министру внутренних дел осенью 1918г. «Отношение, в частности, к Временному Сибирскому правительству в общем благожелательное, но в большой зависимости от разрешения вопроса о созыве Сибирского Учредительного собрания и думы и только там, где большевики и их советы проявили себя особенно властно, и на голову крестьянства вылилось большинство большевистских казней в виде контрибуций, конфискации и т.п., там отношение к ним резко враждебное, и отношение их к свержению их, в связи с этим и к Временному Сибирскому правительству весьма доброжелательное; там же, где Советы или бездействовали, или стояли на стороне крестьянства, отношение его к свержению Советов и к Временному правительству равнодушно, а в некоторых случаях явно враждебное»². Во многом подобные настроения были продиктованы утратой доверия к власти вообще, а также земельной политикой и конкретной деятельностью местной администрации.

¹ ГА РФ. Ф.1700. Оп.7. Д.88. Л. 3.

² ГА РФ. Ф.1700. Оп.7. Д.88. Л. 47.

Специально созданное при Западно-Сибирском комиссариате в мае 1918 г. информационное бюро выполняло задачи не только сбора сведений о положении на местах. В июне на его основе был образован информационно-агитационный отдел министерства внутренних дел, насчитывавший в июле 175 инструкторов-информаторов. Его деятельность распространялась на Томскую, Тобольскую, Алтайскую, Енисейскую губернии и Акмолинскую и Семипалатинскую области и была ориентирована на работу среди русского и коренного населения Сибири¹. Отдел выпустил воззвание и листовки «Что нужно знать народу о совершившемся перевороте», «Земство», «Что должны сделать Россия и Сибирь, чтобы стать независимыми и свободными», «Для чего Сибири нужна армия» и другие, два плаката. В отчете заведующего отделом М.П. Рудакова министру внутренних дел отмечалось, что настроение населения в целом отличается аполитичностью, неосведомленностью и настороженностью. «Сбитое с толку всевозможными льстивыми обещаниями и провокационными слухами», оно «с трудом поддается увещеваниям инструкторов, призывающих к жертвам». В этом смысле поддержка национальных организаций, контролировавших коренное население, была весьма важна для омских властей.

13 июня 1918 г. в Томске на частном совещании членов Сибирской областной думы были образованы комиссии – финансово-экономическая, по народному образованию, путей и средств сообщения и по национальным делам. В состав последней были введены члены думы – редактор газеты «Сибирская жизнь», энес А.В. Адрианов, «беспартийный социалист» профессор М.Е. Новомбергский, лидеры мусульманского движения Ю.Р. Саиев, Н.М. Карпов, З. Гайсин и профессор С.П. Никонов².

28 июня 1918 г. на совещании председателя Сибоблдумы И.А. Якушева с членами дерберовского правительства (П.В. Во-

¹ Там же. Л.2 об – 7, 46.

² Сибирская жизнь (Томск). 1918. 15 июня.

логодский, И.А. Михайлов, Г.Б. Патушинский, М.Б. Шатилов) было создано Сибирское правительство. Его возглавил эсер П.В. Вологодский. Был учрежден пост министра туземных дел, которым стал также эсер М.Б. Шатилов. Среди членов правительства были также народные социалисты (Г.Б. Патушинский, В.М. Крутовский).

Гражданская война нарушила планы национальных движений и организаций, ориентированных на законодательное утверждение нового государственного устройства Учредительным собранием. Большинство их в 1918 г. оказались в сфере действия двух претендовавших на полномочия центра правительств – Комуча в Самаре и Временного Сибирского. Национальная политика их имела отличия, определявшиеся партийно-политическим составом, программатикой и характером взаимоотношений с другими движениями и организациями.

Временное Сибирское правительство в июле 1918 г. приняло «Основные положения о границах культурной автономии национальностей Сибири». В них право окончательного разрешения вопроса о территориально-политической автономии передавалось Всероссийскому Учредительному собранию. На этой основе правительство отказалось признать «избранные некоторыми национальностями комитеты (например, Алаш-Орда киргиз-кайсаков) органами национально-территориальной государственности». Оно выразило готовность предоставить народам Сибири «национально-культурную автономию, гарантирующую свободное развитие каждой отдельной национальности». Под этим подразумевались весьма ограниченные права на открытие учебных заведений и местных судов на родном языке, равноправие языков в местных органах власти районов со смешанным населением. Соответственно национальные органы власти правительство признавало лишь как представительные по вопросам культурной автономии и местного самоуправления¹.

¹ ГА РФ. Ф.193. Оп.1. Д.8. Л.1 и об.

Следует отметить, что якутские, казахские, алтайские, бурятские национальные организации после отдельных попыток компромисса с советами на местах¹, перешли к укреплению связей со своими прежними союзниками – эсерами, меньшевиками и кадетами. Это неизбежно вовлекало их в военное противостояние, которое подтолкнул мятеж белочехов.

В частности, они были вынуждены оказывать содействие созданию армии не только поставками продовольствия, фуража, снаряжения и тому подобное, но и подчиняться требованию о мобилизации. Так, 10 июля 1918 г. Каракорум-Алтайская управа телеграфировала в министерство туземных дел о ходе подготовки к мобилизации. Запросив «мнение инородцев на местах», она предполагала, что акция будет проведена спокойно, но «формирование добровольческих дружин не пройдет»².

Однако реализация этой задачи оказалась затруднена. С одной стороны, не подлежавшие ранее воинской повинности, инородцы не были подготовлены к широкому и организованному участию в военных действиях. С другой стороны, в самом правительстве вопрос о принципах формирования национальных частей или других путях вовлечения инородцев в армию оставался одним из нерешенных. Видимо, отражением этого служит следующий факт.

24 августа 1918 г. Каракорум-Алтайская управа постановила: «Вопрос о принудительном призыве инородцев Алтая оставить открытым до решения его в общетуземном масштабе законодательными учреждениями; со своей же стороны немедленно приступить к формированию добровольческих отрядов, о чем довести до сведения минтуздел»³.

¹ Подробнее на примере Степного края, входившего в состав Сибири, см.: Аманжолова Д. А. Указ. раб. С. 30–48.

² ГА РФ. Ф.1701. Оп.7. Д.17. Л.38.

³ Там же. Л.59.

Призванная законодательно решать все проблемы, по мнению Л.А. Кроля¹, с самого начала Сибирская дума разделилась на два непримиримых лагеря. Социалистические группы, с одной стороны, и автономисты, с другой, олицетворяли противоположные мировоззрения, тактику и психологию. Социалисты отстаивали укрепление думы как высшего законодательного органа края, упрочение ее авторитета и связи с массами, а также скорейший созыв Учредительного собрания. Омские эсеры-оборонцы, энесы, члены группы «Единство», в частности, опубликовали заявление о том, что созыв думы политически нецелесообразен и обезличивает правительство². Автономисты же, составлявшие около 20% в думе, после разгона Учредительного собрания основную ставку в осуществлении своих планов делали на вооруженную борьбу с большевиками и предлагали сосредоточить всю власть в руках Временного Сибирского правительства.

Эти настроения смыкались с последовательным укреплением позиций правых и сторонников военной диктатуры в буржуазных кругах. Против созыва и работы думы выступили, в частности, на торгово-промышленном съезде представители омских кадетов³. Чтобы снять нарастающую напряженность во взаимоотношениях думы и правительства, частное совещание думцев направило в Омск специальную делегацию (2 эсера, по 1 представителю социал-демократической, автономистской и национальной фракций). Встретившись с П.В. Вологодским, они убедили его в том, что дума не намерена низложить правительство, о чем циркулировали упорные слухи. Несмотря на очевидную бездеятельность правительства («беспомощностью

¹ См.: Кроль Л. А. Сибирское Правительство и августовская сессия Сибирской Областной Думы (из воспоминаний) // Вольная Сибирь. Т.IV. Прага, 1928. С.69–82.

² Сибирская речь (Омск). 1918. 13 июля.

³ Заря (Омск). 1918. 18 июля.

и крайней усталостью веяло от Вологодского», – писал Кроль¹) и его беспомощность перед правыми, была достигнута договоренность о взаимном доверии.

На открытие думы 15 августа в Томск приехали Вологодский и министры юстиции и туземных дел Г.Б. Патушинский и М.Б. Шатилов.

В докладе председателя Совета министров П.В. Вологодского о текущем моменте и программе действий Временного Сибирского правительства в областной думе (август 1918 г.) указывалось, что объявление государственной самостоятельности Сибири было вынужденным шагом в исключительных обстоятельствах развала государственности и нелегитимности власти СНК, как «насильнической, антигосударственной, позорной», а также необходимости предотвратить иностранную оккупацию. Сепаратизм никогда не был свойственен сибирским общественным движениям, неразрывно связывавшим судьбу края с судьбой единой всероссийской демократической республики, подчеркнул премьер, провозгласив лозунг: «Да здравствует Великая Россия, да здравствует автономная Сибирь!»

Задача правительства, по мнению Вологодского, состояла в твердом и решительном проведении сознательной и умеренной политики, противостоящей контрреволюции, которую провоцируют крайние левые и правые силы, по созданию нормальных условий жизни народного хозяйства и подготовке Сибирского Учредительного собрания². Излагая программу деятельности правительства до его созыва, он в качестве ключевых назвал налаживание промышленного производства и торговли в Сибири, снабжение населения предметами первой необходимости, налаживание механизма управления и организации сильной армии, предоставление национально-культурной автономии народностям края, местное самоуправление

¹ Кроль Л. А. Указ.раб. С.78.

² ГА РФ. Ф.151. Оп.1. Д.11. Л.2 – 3, 6.

и земельную реформу с учетом интересов всех слоев сельского населения¹.

Приехавший несколько позже военный министр А.Н. Гришин-Алмазов в своем выступлении призвал передать власть военным, что вызвало протест социалистических депутатов и поддержку автономистов и беспартийных. В конечном счете политическая слабость правительства в условиях постоянного давления провоенных кругов, поддерживаемых союзниками, привела к тому, что по рекомендации правительства дума, приняв 17 августа закон о включении в ее состав «цензовых элементов» и тем не менее не добившись признания с их стороны, 20 августа 1918 г. закрылась². Вся полнота власти сосредотачивалась в руках правительства.

О характере взаимоотношений белого движения и националистов можно судить на следующем примере.

В специальном наказе правительства Башкирии его уполномоченным по переговорам с Сибирским правительством А.З. Валидову и С.Г. Магазову был определен круг вопросов к Западно-Сибирскому комиссариату, ответы на которые должны были повлиять на характер взаимоотношений двух автономий. Они касались партийного состава, ближайших политических задач, взаимоотношений с чехословаками и союзниками, военной политики и тактики Сибирского правительства. Особое место было отведено позиции комиссариата по отношению к вопросу об автономии края, к Сибирской областной думе и правительству, а также к Временному правительству А.Ф. Керенского. Башкирские автономисты также ставили вопрос о том, претендует ли правительство на роль всероссийского или ограничивает свои полномочия автономной Сибирью, о его отношении к разгону Учредительного собрания и местных органов самоуправления³.

¹ Там же. Л.2 – 3, 6, 16, 25 – 26.

² См.: Кроль Л. А. Указ. раб.

³ ГА РФ. Ф.151. Оп.1. Д.8. Л.3.

Комиссариат отказался предоставить личный состав правительства, ссылаясь на то, что часть его членов находится на территории противника, но подчеркнул его коалиционный и демократический состав.

Ближайшие политические задачи были определены в декларации, так же, как и к правительству Керенского. Был подчеркнут «полный контакт» с чехословацкими войсками и непризнание Брестского мира как основа отношений с союзниками, собственная же роль – как правительства автономной Сибири.¹

Наиболее важная часть ответов касалась проблем национального самоопределения и политики Сибири в этой сфере. Башкирские автономисты указывали, что если Сибирское правительство считает себя законной автономной властью края, то правомерно признание такой же законной властью и правительства Башкирии. Вслед за этим должно было следовать, по мнению башкирских деятелей, взаимодействие на межправительственном уровне «по всем политическим, военным, хозяйственным, финансовым, земельным, судебным, продовольственным и др. делам» на территории объявленной национальной автономии. (В нее входили Оренбургская губерния, Стерлитамакский и Златоустовский уезды Уфимской губернии)².

По вопросу о признании принципа национально-территориальной автономии был получен весьма туманный ответ: «Формы и пределы автономной Башкирии» – вне компетенции Временного Сибирского правительства, его может решить лишь Всероссийское Учредительное собрание.

Сибирское правительство заявило о готовности оказать посильную поддержку Башкирии «в совместной борьбе с большевиками за восстановление демократических учреждений», строить отношения через взаимные представительс-

¹ Там же. Л.3–4.

² ГА РФ. Ф.151. Оп.1. Д.9. Л.4.

тва. Позиции автономистов совпадали в вопросе о признании единственно возможным средством «восстановления законной общероссийской государственной власти» возобновление работы Учредительного собрания.

Допуская существование национальных воинских частей в составе единой армии федеративной республики России, сибиряки вместе с тем отказались предоставить Башкирии заем на военные нужды в размере 1 млн.руб. из общегосударственных расходов для обеспечения оружием, орудиями, фуражом, обмундированием, довольствием и инструкторами башкирские части. Вторую часть займа в 1 млн. руб., запрошенного на хозяйственно-административные нужды, обещалось рассмотреть «по выяснении финансовых перспектив Автономной Сибири»¹.

Вопросы Западно-Сибирского комиссариата к представителям Башкирии касались общих проблем отношения к государственному устройству России и политической ситуации в целом. В частности, башкирские автономисты признали необходимость борьбы за скорейшее возобновление работы Учредительного собрания, но выражали уверенность в его созыве «без особой борьбы» после «очищения» автономии и окраин России. Соглашаясь с задачей создания единой армии Российской Федерации, они в то же время настаивали на непременном комплектовании ее по национально-территориальному признаку².

В решении Совета министров о выделении займа правительству Башкирии отмечалось, что, несмотря на нерешенность вопроса о его «пределах и юридической природе», необходимо считаться с фактом организации башкирским правительством «довольно значительной военной силы, находящейся в рядах Сибирской армии и тем оказывающей большую услугу Сибири и России». Было решено выделить заем в 1 млн.руб. для содер-

¹ ГА РФ. Ф.151. Оп.1. Д.9. Л.4 – 5.

² Там же. Л.8.

жания центральных и 13 кантональных (земских) учреждений национальной автономии¹.

Как считали областники, в 1918 г. Временное Сибирское правительство «не считало себя в праве распоряжаться самостоятельно отдельными частями России». Поэтому оно ограничилось оказанием башкирским автономистам материальной помощи, предлагая собственно вопрос о национально-государственном устройстве отложить до «освобождения Родины и созыва Учредительного собрания»².

Вместе с тем воинские части автономии активно привлекались к военным действиям. «400 всадников из Башкирии прекрасно дерутся на нашем фронте», – докладывал 14 июля 1918 г. по прямому проводу главе правительства товарищ министра внутренних дел Михайлов из Иркутска³.

Наиболее крупным партнером Сибирского правительства в национальной политике была Алаш-Орда – правительство казахской автономии Алаш во главе с А.Н. Букейхановым, избранное в декабре 1917 г. на чрезвычайном всеказахском съезде. Стремясь добиться официального признания, Алаш-Орда рассчитывала на свои давние связи с сибирскими областниками, эсеровскими и кадетскими местными организациями. 10 июля 1918 г. ее представитель при Западно-Сибирском комиссариате А. А. Ермаков передал в Совет Министров записку, в которой, приветствуя падение власти «насильников народа – большевиков в Сибири и прилегающих к ней Степных областях», Алаш-Орда призывала к единению для защиты завоеваний Февральской революции, «давшей начало к политическому возрождению народов и окраин России». Со своей стороны она обещала оказывать в этом деле всемерную поддержку Сибирскому правительству. Алаш-Орда предложила проект соглашения. По нему Сибирское правительство

¹ Там же. Ф.193. Оп.1. Д.8. Л.31 – 32.

² Сибирские записки. 1919. № 3. С.96.

³ ГА РФ. Ф.1700. Оп.1. Д.7. Л.5.

признавало национально-территориальную автономию Алаш. Признание Алаш-Орды центральным органом власти Казахстана, временно исполняющим функции государственной власти, подразумевало исключительное подчинение ей всех национальных общественных организаций и учреждений без права вмешательства других властей в сферу ее компетенции.

До объявления автономии государственные и смешанные учреждения управления и самоуправления должны были подчиняться Временному Сибирскому правительству при обязательном участии в нем представителей Алаш-Орды; избранные в 1917 г. органы самоуправления также сохранялись. Алаш-Орда предусматривала создание национальной армии при помощи Сибирского правительства в вооружении, снаряжении, снабжении продовольствием, инструктировании и подчинение ее на время войны общему с ним командованию. Кроме того, в проекте обосновывалась необходимость обеспечения правительством Сибири, которому подчинялись все финансовые учреждения на территории Алаш, займа Алаш-Орде. Предлагалось созвать в ближайшее время конгресс депутатов автономных народов и окраин «с целью создания федеральной власти». Наиболее перспективной Алаш-Орда считала федерацию Сибири, Алаш, Башкирии и Туркестана¹.

26 июля в Совет Министров Сибирского правительства поступила докладная записка Алаш-Орды.

На обсуждение Сибирского правительства предлагался проект соглашения о взаимном признании. В нем содержались приведенные выше пункты. Назначение на ответственные посты в автономии Алаш должно было согласовываться с Алаш-Ордой, которая также имела право специального обложения, сбора кибиточной подати в свою казну, организации национальных судов и местных советов Алаш-Орды, ведающих на-

¹ ГА РФ. Ф.193. Оп.1. Д.8. Л.26 и об. Подробнее см.: Аманжолова Д.А., Тормозов В.Т. Белое движение и национальный вопрос в Сибири (1918-1919 гг.). М., 1996.

циональными делами, не входящими в компетенцию земств и городских дум.

Организация национальной армии проводилась по инициативе Алаш-Орды, комплектовалась по национальному и территориальному признаку и как особая военная единица должна была пользоваться самостоятельным хозяйственным и внутренним управлением, во всем подчиняясь военному отделу Алаш-Орды и Главному Штабу при нем. «Первой своей задачей Алаш-Орда считает очищение от большевистских банд территории Алаш и оказания помощи Туркестану и Семиречью», – говорилось в записке. Сибирское правительство со своей стороны должно было обеспечить снаряжение, вооружение и довольствие казахской армии¹.

Свои предложения о создании национальных вооруженных сил тогда же передал управляющему военным министерством военный отдел Алаш-Орды во главе с капитаном Х. Тохтамышевым. Командующий Сибирской армией генерал-майор Гришин-Алмазов заметил на документе: «Прошу ясно и категорически ответить: мыслит ли Алаш-Орда свою армию, как составную часть Всероссийской, что является основным пунктом конституции всякой федерации или нет?». В ответе Тохтамышева в тот же день сообщалось, что «Алаш-Орда мыслит свою армию, как составную часть Всероссийской Армии, находящейся в распоряжении федеративной власти»². Таким образом, Алаш-Орда последовательно придерживалась идеи федерализма, которая, однако, вскоре была отвергнута ее союзниками по борьбе с большевизмом.

Записка обсуждалась в комиссии под председательством министра народного просвещения профессора В.В. Сапожникова 29, 30 июля и 2, 3 августа. На заседании присутствовали представитель военного ведомства генерал В.Л. Попов, това-

¹ Алаш-Орда. Сб. документов. Кзыл-Орда, 1929. С.107 – 108.

² Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р – 72. Оп.1. Д.5. Л.11.

рищ министра внутренних дел П.Д. Михайлов, представитель министерства земледелия и колонизации А.М. Ярмош, руководители Алаш-Орды А. Букейханов, А. Ермеков и Х. Тохтамышев. Пункт 1 о взаимном признании был снят с обсуждения. Предложения о порядке управления и деятельности органов Алаш-Орды, их правах сохранялись с небольшой редакцией. Вопрос о выделении займа из-за отсутствия в комиссии представителя министерства финансов Букейханову правительство предложило адресовать непосредственно в это ведомство. Идея конгресса депутатов была поддержана, но не включалась в проект. Проблемы создания национальной армии Алаш передавались военному ведомству и Алаш-Орде для совместной переработки выдвинутых предложений.

Комиссия одобрила проект соглашения. В нем содержались указанные выше пункты и наиболее подробно излагались условия организации и управления армии Алаш, имевшие силу до создания федеративной власти автономной Сибири и Алаш или общероссийской. Армия Алаш вместе с Сибирской обязывалась защищать их территории, выполняя все оперативные задания Сибирской армии. Из-за ограниченности средств вооружения и снаряжения мобилизация в казахскую армию должна была проводиться Алаш-Ордой по соглашению с военным министром Сибири. Она создавалась, управлялась и обучалась в соответствии с планом и принципом деятельности Сибирской армии и необходимыми дополнениями Алаш-Орды, согласованными с военным министерством Сибири. Комплектование осуществлялось по территориальному признаку. До создания единой федеративной армии национальные части подчинялись общему командованию Сибирской армии. Она обеспечивала их вооружением, снаряжением, обмундированием, довольствием и военными инструкторами. При Алаш-Орде для учета военнообязанных, их призыва и распределения, решения вопросов снабжения создавалось военное управление. В казахской армии не допускалось выборное нача-

ло и существование каких-либо общественных организаций, соблюдались строгая дисциплина и единоначалие. Командир частей и «старший начальник киргизской армии» назначались командующим Сибирской армии с согласия Алаш-Орды. Указывалось также, что при этом не принимаются в расчет чин, возраст, национальность. Определяющую роль играют знания, способности и опыт.

Решение земельного вопроса в Семипалатинской, Акмолинской и Тургайской областях откладывалось до Всероссийского Учредительного собрания с сохранением существующего положения. При особом мнении по проекту остался А.М. Ярмош. Он указал на неопределенность «природы политического устройства киргизского народа и сущности государственно-правовых отношений его к российской государственности и автономной Сибири». Сохранение такой неопределенности, справедливо считал он, может привести к взаимному обострению отношений. Необходимо установить хотя бы временные законодательные нормы вместо утративших силу законов о положении края в Российской империи¹.

Действительно, четкая правовая база под отношения двух автономий не была подведена. Это создавало опасность продолжения и обострения конфликтов. Даже несовершенный проект соглашения, который был подготовлен благодаря инициативе и усилиям Алаш-Орды, так и не обрел юридической силы. Общая неустойчивость военно-политической обстановки, острое соперничество в борьбе за власть в Сибири, между Временным Сибирским правительством и Комучем, наличие других областных правительств, также стремившихся упрочить свое влияние, великодержавные амбиции правящих кругов Сибири и недоверие к активизировавшимся национальным движениям, реальная слабость политического, военного, материального и финансового положения Алаш-Орды – все это сыграло свою роль в отношениях белых с националами.

¹ Алаш-Орда. Сб. документов. С.108 – 111.

Примечательно в этом плане заключение о проекте соглашения с Алаш-Ордой консультанта правительства К.Г. Дишлера. Он считал, что на подчиненной правительству территории признавать политическую автономию имеет право только Сибирское Учредительное собрание, а за ее пределами – Всероссийское Учредительное собрание. В случае образования автономного государства с определенными органами и реальной силой Сибирское правительство при необходимости могло входить с ним во временные отношения, но не имело юридического права узаконивать такие образования за пределами своей территории и тем более содействовать их созданию.

Таким образом, проект соглашения Дишлер счел неудовлетворительным, так как несмотря на снятие с обсуждения вопроса о признании автономии он, тем не менее, фактически признавал ее. Он указывал, что в документе нечетко определены полномочия Алаш-Орды. Является ли она представительным органом казахского населения в автономной Сибири или же государственной властью на всей территории Казахстана? Кроме того, предлагаемые права – участие в назначении должностных лиц и военных комиссаров, создание национальной армии и особого военного управления, выходили за рамки не только культурной, но и политической автономии. Он сопоставлял их с правами входящих в состав федеративных государств единиц, например, Баварии в Германии. Дишлер писал: «Алаш-Орда сейчас имеет большие претензии, но реальной почвы под собою не имеет. Если же предлагаемый комиссией проект будет принят и осуществлен, то при деятельной помощи Сибирского Временного правительства будет вызвана уже к реальному существованию новая государственная единица, а это я считаю юридически неправильным и политически нецелесообразным»¹.

¹ ГА РФ. Ф.193. Оп.1. Д.8. Л. 33 и об-34. См. также: Аманжолова Д.А., Тормозов В.Т. Указ. раб.

Против признания автономии Алаш выступала и официальная газета «Сибирская речь» в августе 1918 г. Сообщая о поступивших в Совет Министров предложениях Алаш-Орды, она писала: «Только государство, решившееся на самоуничтожение, могло бы добровольно согласиться на подобного рода инородческий сепаратизм». Соглашаясь лишь на «удовлетворение культурно-национальных нужд инородцев», газета отмечала важное значение Степного края «как переселенческого фонда», что не зависело от аграрных требований казахского народа. «Угрозы Алаш-Орды в случае неудовлетворения их требований разорвать союз с Сибирью и самостоятельно провозгласить автономию» преподносились как тактический прием, который не поможет достижению соглашения¹.

9 августа Совет Министров заслушал доклад министра земельных дел М.Б. Шатилова об установлении временных взаимоотношений с Алаш-Ордой. На основании работы комиссии, созданной 30 июля под его председательством, он указал на невозможность обсуждать вопрос об организации армии в намеченных комиссией рамках. Военному министерству поручалось выработать соглашение с представителями Алаш-Орды о формировании отдельных казахских отрядов. В результате командир Степного корпуса отказался выделить хотя бы одного офицера в формируемые в Семипалатинске части Алаш-Орды. Об этом в телеграмме от 18 августа сообщил Шатилову Букейханов, просивший объяснить отношение комиссии и Сибирской думы к соглашению с Алаш-Ордой.

В ответ на приказ командующего Сибирской армией А.Н. Гришина-Алмазова принять решение о создании казахских вооруженных сил, командир корпуса отказал военному отделу Алаш-Орды предоставить оружие и командиров. Взаимоотношения с Алаш-Ордой наглядно демонстрируют сложное положение национальных структур в белой Сибири и расхождения в национальной политике между Сибирским правительством

¹ Сибирская речь. 1918. 5 августа.

и думой. Фракция национальностей думы пригласила к участию в обсуждении проекта соглашения делегатов Алаш-Орды¹. Однако реальная власть была в руках не законодательного, а исполнительного органа.

На территории автономной Сибири действовали и другие национальные организации: Центральный Национальный Комитет бурят-монголов Восточной Сибири под председательством Э.-Д. Ринчино, разработавший специальное положение о национальном суде², а также организовавший местное уездное самоуправление – аймаки.

27–29 июня 1918 г. Тункинское аймачное земство Иркутской губернии на своем собрании приняло решение о самостоятельной выдаче свидетельств на право торговли и промыслов с уплатой пошлины за них, что было проявлением стремления национальных органов к расширению своих прав. Это решение было отменено окружным судом на следующий день после колчаковского переворота. Было отменено и решение земства о возвращении бурятскому населению изъятых ранее церковью земель. При поддержке сторонника национального самоуправления эсера П.Д. Яковлева Эхирит-Булагатская управа в июле 1918 г. с участием представителей Верхоленского уездного чрезвычайного съезда крестьянских депутатов решила отстаивать право на руководство аймачной милицией и ввести в действие народные суды, избрав их состав. В августе национальный суд ввело и Ангарское аймачное земство³.

Однако проект бурятского национального суда был весьма критически оценен управляющим Иркутской губернии С.А. Таскиным. Он считал, что суду даются слишком большие полномочия, а с учетом отсутствия средств и специалистов, безграмотности бурятского населения, реальной возможности конфликтов между бурятами и русскими в суде проект следует

¹ ГА РФ. Ф.1701. Оп.1. Д.39. Л.30; Д.68. Л.29.

² Там же. Д.15. Л.7 – 14.

³ ГА РФ. Ф.1700. Оп.7. Д.12. Л.64 об – 65, 66 об.

категорически отвергнуть¹. Сведений об утверждении проекта бурятского суда не обнаружено. Введение же земств в районах проживания бурят Иркутской губернии по инициативе их национальных организаций правительство сохранило «до законодательного разрешения вопроса», стремясь таким образом не обострять «отношение бурят к правительству». Однако права бурятских аймаков были ограничены; уездами управляли назначаемыми правительством лица, а «образование государственных учреждений с каким-либо национальным, кроме русского, характером», было недопустимым для омских властей. В Забайкальской области аймаки были признаны самочинными².

11 сентября 1918 г. на втором национальном съезде в Каракорум-Алтайском уезде был создан Алтайский национальный комитет во главе с Токмашевым. Он занимался организацией исследования и сбора растительного сырья для кожевенного производства, лекарственных растений, проведением этнографических экспедиций, музейной и библиотечной работой с участием национальной интеллигенции. При поддержке правительства 3-й съезд алтайских народностей 7 февраля 1919 г. утвердил промышленную программу. Национальный комитет проводил мероприятия по развитию животноводства и переработке его продукции, транспортировке ее в армию, природоохранную работу³.

Выступая в Сибирской областной думе в августе 1918 г., премьер-министр П.В. Вологодский, в частности, заявил о намерении правительства организовать съезды «туземных племен», не имеющих еще своих национальных организаций. Эти съезды должны выявить нужды населения, его быт, хозяйственный уклад, численный состав, территориальные границы его обитания и т.д.». Для компактно проживающих народностей, где уже сущес-

¹ Там же. Д.15. Л.4 – 5.

² Там же. Ф.1561. Оп.1. Д.64. Л.37 – 38, 48; Ф.193. Оп.1. Д.8. Л.5.

³ Там же. Ф.193. Оп.1. Д.20. Л.3 и об – 4.

твовали волостные земства и национальные комитеты, предполагалось ввести уездное земское самоуправление с последующим образованием национальных округов. Важное место в деятельности министерства туземных дел было отведено организации продовольственного снабжения малочисленных народов северных территорий, удовлетворению хозяйственных и культурных запросов инородческого населения. Планировалось создать Совет по туземным делам с участием представителей различных народов и при поддержке национальной фракции думы.

Вологодский подчеркивал: «Правительство примет все меры, чтобы народам Сибири была предоставлена национально-культурная автономия, гарантирующая свободное развитие каждой отдельной национальности. Правительство считает это своим прямым долгом, так как оно обязано обеспечить интересы всех народностей Сибири, все народности как бы ни был он незначителен, в его глазах имеют полное право не только на существование, но и на участие в государственной жизни». Национальные интересы должны были учитываться также в переселенческой политике и землеустройстве, так как политика царского правительства была основана на «систематическом попирании интересов местного и особенно туземного населения». Земельные комитеты предполагалось подчинить земствам, так как в отрыве от самоуправления они работали крайне неудовлетворительно. В планы правительства входила и разработка основ местного судопроизводства с учетом национальной специфики для учреждения туземного суда и обновления состава заседателей¹.

В связи с созданием Министерства туземных дел были изучены архивные материалы Томского губернского управления об организации внутреннего управления и суда у народов Сибири. Только в Томской и Алтайской губерниях проживало 108 тысяч инородцев, не считая казахов².

¹ ГА РФ. Ф.151. Оп.1. Д.4. Л.15 – 26.

² Там же. Ф.1700. Оп.7. Д.55. Л.3.

За время своей работы оно по данным МВД, составившего краткий очерк его деятельности в 1919 г. лишь начало организационные работы. Так, был начат сбор сведений о положении инородцев, подготовлена анкета о задачах министерства, разработан проект создания ученого совета. Однако сама позиция Сибирского правительства, оттягивавшего точное определение и законодательную фиксацию взаимоотношений с национальными структурами, особенно крупными (башкирская, казахская автономия и др.), делала работу ведомства малоэффективной. Она в основном сводилась к «усмирению» амбиций национальных элит и преобразованию их органов в земские¹.

В ученый совет министерства туземных дел предлагалось включить лиц, «посвятивших себя изучению жизни инородцев Сибири» и государствоведов. Они должны были разрабатывать правительственные мероприятия по отношению к инородцам и согласовывать их с общей системой государственного устройства Сибири.

Министерство было намерено дифференцировать свою деятельность в зависимости от степени организованности тех или иных народов, содействовать продвижению и доработке подготавливаемых ими проектов, разворачивать статистические и экономические обследования на местах и т.д. Малочисленным народам предполагалось оказывать содействие в организации ветеринарной и медицинской помощи, защите их материальных интересов, урегулировании товарообмена².

Министр туземных дел М.Б. Шатилов родился в 1882 г. в с.Смоленском Бийского района Алтайской губернии. Его отец был крестьянином, сыном одного из декабристов, жившего в Тобольской губернии, и служил в с.Смоленском волостным писарем. Шатилов учился в Томском духовном училище, Томской духовной семинарии, затем на юридическом факультете

¹ Там же. Ф. 1701. Оп.1. Д.64. Л.70.

² Там же. Ф.1700. Оп.7. Д.55. Л.11–12 и об.

Томского университета, который окончил в 1909 г., и два года служил крестьянским начальником в Змеиногорском уезде Томской губернии, а затем стал присяжным поверенным Омской судебной палаты. Он был учеником и последователем Г.Н. Потанина, убежденным сибирским областником, членом эсеровской «группы центра». В течение трех лет он возглавлял студенческий сибирский кружок, тогда же работал в газетах и журналах «Сибирская жизнь», «Путь народа», «Ежемесячном журнале» В.С. Миролубова и др. С 1914 до 1917 гг. Шатилов редактировал и издавал ежемесячный общеполитический и литературный журнал «Сибирский студент». Он работал также в Обществе попечения о народном образовании и других общественных организациях, в студенческие годы подвергался арестам и обыскам, переходил на нелегальное положение. После Февральской революции Шатилов работал помощником Томского губернского комиссара Временного правительства, активно участвуя в областническом движении, представлял томское земство на Государственном совещании в Москве, от инородческого населения Горного Алтая был избран во Всероссийское Учредительное собрание.

Весной 1917 г. как член Томского губернского народного собрания Шатилов организовал особую комиссию по самоуправлению Сибири и внес предложение созвать общесибирский областной съезд представителей демократических организаций по вопросу об автономии края. На октябрьском сибирском съезде он был избран товарищем председателя, в декабре 1917 г. – членом Временного Сибирского областного Совета, который созвал областную думу, но накануне ее открытия в ночь на 27 января 1918 г. был арестован большевиками, заключен в Красноярскую тюрьму, а после освобождения должен был скрываться и заочно был избран товарищем председателя Каракорумской Алтайской народной управы – органа самоуправления горных алтайцев¹.

¹ См.: Единство (Петропавловск). 1918. 31 (18) июля.

Шатилов, пожалуй наиболее последовательно поддерживавший запросы «инородцев» как убежденный автономист-областник, был «наименее влиятельным членом Правительства.., – писал управляющий делами Г.К. Гинс. – Этот безвольный человек, рабски подчинявшийся партийной дисциплине, не обладал даже способностью защищать те точки зрения, которые предрекались Томском – центром сибирского эсерства. Единственное его качество- редкая мягкотелость и беззлобие – нисколько не могло помочь ему справиться с ответственными обязанностями министра»¹.

В специальной записке по поводу министерства говорилось, однако, о нецелесообразности и даже вредности его организации при демократическом строе с общегосударственных позиций. «Инородческому населению оно не принесет существенной пользы, – говорилось в документе противников федерализма, – а между тем потребует громадных народных средств и без того уже истощенных...». Авторы не сомневались, что создание и деятельность такого ведомства «создаст на местах сразу раскол между его агентами и агентами министерства внутренних дел». Кроме того, дисперсно расселенные между крестьянами, казаками и мещанами инородцы, говорилось далее, получают отдельных административных руководителей дополнительно к уже имеющимся со стороны МВД. Тем не менее в целом «в вопросе о предоставлении всем без исключения народностям, населяющим не только Сибирь, но и остальные губернии и области нашего государства, права самоопределение, не может быть двух мнений: эти права должны быть предоставлены на самых широких, но разумных началах». Имелась в виду полная свобода в культурно-просветительной и вероисповедной областях, внутреннее самоуправление. Таким образом, национально-культурная автономия не требовала учреждения министерства. Для ее реализации предлагалось ограничиться созданием отдела по туземным делам

¹ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Ч.1. Пекин, 1921. С. 115–116.

при министерстве внутренних дел¹. Эта точка зрения возобладала позднее, в изменившем курс национальной политики правительстве Колчака.

Министерством туземных дел, Национальным управлением тюрко-татар внутренней России и Сибири были подготовлены проекты положения о культурной автономии.

В проекте, сохранившемся в фонде П.В. Вологодского, указывалось, что предоставить территориально-политическую автономию народам Сибири может только Всесибирское Учредительное собрание. Поэтому Сибирское правительство не может признать как государственные национально-территориальные органы, избранные на местах правительства и комитеты, в частности, казахскую Алаш-Орду.

До созыва Учредительного собрания Сибири отдельным ее национальностям предоставлялась культурная автономия. Она предполагала организацию учебных заведений всех ступеней с преподаванием на национальных языках, и обучением русскому языку, при необходимости субсидируемых не только из местного, но и центрального бюджета. Культурная автономия по проекту включала также создание местных судов, подчиненных государственному суду и использующих национальные обычаи права, не противоречащих «основным правовым принципам цивилизованных народов».

Допускалось равноправное применение национального и русского языка в делопроизводстве и работе местного самоуправления, если не менее 50% проживающего там населения составляли коренные народности.

В целом же вопросы государственного управления до созыва Сибирского Учредительного собрания оставались в ведении Временного Сибирского правительства. Его исключительной компетенции подлежали железные дороги, почта, телеграф и телефон, военное дело, регулирование иностранной торговли, таможенное дело, налогообложение, денежное

¹ ГА РФ. Ф.1701. Оп.1. Д.64. Л.11 – 12 и об.

обращение, право создавать государственные монополии и эксплуатировать природные богатства на всей территории автономной Сибири.

Проект предусматривал назначение части должностных лиц из числа знающих местные языки в районах, где не менее половины жителей составляло коренное население.

В отношении национальных организаций отмечалось, что при условии их признания национальными массами они будут рассматриваться как органы по вопросам культурной автономии и местного национального самоуправления. Однако критерии общественного признания таких организаций не были определены.

В то же время правительство могло само назначать своих комиссаров по делам отдельных национальностей. Оговаривались также гарантии прав национальных меньшинств, их самоорганизации в пределах культурных автономий¹.

В целом данный проект был попыткой учета требований повсеместно организованных, хотя и имевших разную реальную значимость, национальных организаций. При этом, однако, их самостоятельность четко ограничивалась. В пределах автономной Сибири национально-территориальные образования не допускались. Это особенно ярко демонстрирует история взаимоотношений Омска с казахской Алаш-Ордой².

На первой стадии Белого движения доминировало гражданское левое крыло, в том числе в Сибири. Оно стремилось привлечь на свою сторону национальные движения и их формирования. С одной стороны, это позволяло умножить силы противостояния растущей силе Красной Армии, с другой – противостоять, в некоторой степени, русским офицерам – монархистам.

Используя материальные, финансовые, людские ресурсы народов Сибири в военно-политических интересах, прави-

¹ ГА РФ. Ф.193. Оп.1. Д.8. Л.1 и об.

² См.: Аманжолова Д. А. Указ. раб. С.49 – 83.

тельство стремилось удержать их в рамках культурной автономии, а управленческие функции национальных органов – по аналогии с земским самоуправлением. Планы областников о создании федеративной Сибири были отвергнуты как под давлением возобладавших правых сил, так и по объективным военно-политическим обстоятельствам. Это, в свою очередь, сделало закономерным последовавшую после переворота 18 ноября 1918 г. еще более решительную смену не только национальной политики, но и всей идеологии и практики Белого движения в Сибири. Характерно, что аналогичные явления происходили в других регионах, занятых белыми, в частности, на территории, подчиненной Вооруженным Силам Юга России во главе с А.И.Деникиным. Это отражало общие закономерности развития Белого движения и его эволюции в ходе гражданской войны.

2. Деятельность Комуча и директории в национальной сфере

С момента победы революции национальные движения были поставлены перед выбором: примкнуть к большевикам, провозгласившим национальное самоопределение, но при условии признания власти Советов без участия в них наиболее активной буржуазной и мелкобуржуазной части этих движений, или вступить в антисоветский лагерь. Последний складывался из весьма противоречивых по своим политическим целям и программам сил – социалистов, либералов, крайне правых.

Ориентированные на идею Учредительного собрания, как легитимного органа в утверждении нового государственного устройства, и принцип автономизма, децентрализации управления через земства и городские думы, националисты рассчитывали в союзе с левым и либеральным крылом противников большевизма добиться реализации своих планов.

В этом смысле весьма показательна деятельность Комитета членов Учредительного собрания, начавшего работу с июля 1918 г. в Самаре и вступившего в непосредственный контакт с национальными организациями не только Поволжья и Урала, но и Западной Сибири. Обзор этих отношений углубляет и конкретизирует представления о противоречивом характере и динамике национальной политики белых в условиях закономерного перехода от «демократической контрреволюции» к военной диктатуре.

В сложном взаимодействии участников Белого дела, имевших подчас противоположные представления о буду-

щем многонациональной России, национальные организации и движения по существу оказались заложниками политических комбинаций наиболее «конкурентоспособных» из них. Это выявилось в деятельности Директории (сентябрь–ноябрь 1918 г.) как преемника Временного Сибирского правительства и Комуча – наиболее влиятельных в регионе областных правительств 1918 г.

Подвластная Комучу территория ограничивалась частью Среднего Поволжья, Южного Урала и Екатеринбургской губернии. Он заявил о себе как законодательном органе, исполнительная власть принадлежала созданному им Совету управляющих ведомствами. Все посты в нем заняли эсеры, за исключением ведомства труда во главе с меньшевиком И.М. Майским. 15 июля к Комучу примкнули атаман А.И. Дутов, а также Уральское областное правительство. В середине сентября Комуч насчитывал уже около 100 членов, среди них были и члены Алаш и Башкурдистана А. Байтурсынов, Д. и Х. Досмухамедовы, В. Таначев, М. Тынышпаев, М. Чокаев, З. Валидов и другие¹. При этом Комуч изначально претендовал на всероссийское представительство и стремился максимально расширить свое влияние.

Как и другие областные правительства, он развернул бурную законотворческую работу. Прежде всего, это касалось организации вооруженной борьбы против большевиков. Уже 8 июля был издан приказ № 2 о создании в срочном порядке Народной армии «для защиты восстановленных органов истинного народоправства от посягательства подходящих большевистских и немецких банд». Через месяц Комуч объявил «о призыве инородцев» в армию, указав, что они пользуются всеми правами граждан Российской республики и должны наравне с ними нести воинскую повинность. 19

¹ Святицкий Н.К. К истории Всероссийского Учредительного собрания. М., 1921. С. 5; Оренбургский вестник Комитета уполномоченных... № 25. 1918. 4 сентября; ГА РФ.Ф.749.Оп.1.Д.5.Л. 1–2, 4 об, 6 об, 7 об.

июля Комуч обсудил вопрос об организации национальных частей и принял решение создавать их, за исключением полков, по принципу землячества из представителей всех народов, населяющих Россию¹.

Комуч распустил большевистские Советы и намечал провести новые выборы в них, обещал поддержать местное самоуправление и профсоюзы, реализовать аграрную программу Учредительного собрания. Приказом от 19 июня была восстановлена деятельность волостных земств, которые приняли дела Советов. 6 июля в соответствии с решением Учредительного собрания вся земля передавалась в распоряжение земельных комитетов, которые должны были определить временные правила землепользования с учетом местных условий².

Все эти мероприятия, а также провозглашение незыблемости гражданских свобод, отмена хлебной монополии, приказы о 8-ми часовом рабочем дне, охране женского и детского труда, учреждении кассы безработных и запрещении локаутов обеспечивали поначалу поддержку Комуча в массах. Однако денационализация банков и подготовка денационализации предприятий, сохранение поместий в собственности их владельцев и т.п. меры приводили к сужению социальной базы Комуча. Главную же роль в этом процессе играло ухудшение положения трудящихся в связи с войной и мобилизацией людских и материальных ресурсов на нужды армии.

Комуч придавал большое значение агитационно-пропагандистской работе в массах, стремясь активно использовать при этом опыт большевиков. В Агиткульпросветотделе Комуча был создан специальный инородческий отдел. Он должен был регулировать отношения между национальностями, привлекать нерусское население в ряды Народной армии, содействовать укреплению власти Комуча «в нерусской части населения», рассматривать их ходатайства, собирать материалы с

¹ ГА РФ.Ф.749.Оп.1.Д.49.Л.3; Д.32.Л.7; Д.26.Л.1. и об.

² ГА РФ.Ф.749.Оп.1. Д.31. Л.9; Д.32.Л.14 об.

мест и предоставлять их в комитет для законотворческой подготовительной работы¹.

Таким образом, в отличие от Сибирского правительства, Комуч с самого начала явно демонстрировал стремление укрепить союз с национальными правительствами и поддерживал их инициативы. 25 сентября для противодействия «хорошо поставленной... большевистской агитации» среди инородческого населения Агиткультпросветотдел предложил создать свое отделение в Оренбурге. Приверженность идее демократической федеративной республики стала основой для тесного союза Комуча, башкирских и казахских автономистов, о чем впоследствии писал А. Байтурсинов². Другим важным обстоятельством, повлиявшим на сближение националистов с Комучем, было категорическое непризнание разгона Учредительного собрания.

Член Комуча И. Майский позже вспоминал: «В Самару приезжали даже киргизы, не ладившие с Сибирским правительством и желавшие получить от Комитета для своей «Алаш-Орды» политическое признание и оружие»³. Со своей стороны Комуч направил в национальные правительства уполномоченных, дав им право приостановления их решений. Но последние в свою очередь стремились проводить самостоятельную политику и не желали во всем подчиняться Комучу, который претендовал на всероссийскую власть.

В частности, глава казахского образования Уильский Оляят Д. Досмухамедов летом 1918 г. отказался выехать в Самару по вызову управляющего ведомством иностранных дел М.А. Веденяпина, заявив, что Комуч является местной, а не общероссийской властью. «Тенденции определенно захватные, –

¹ Там же. Д.6. Л.9. и об.; Д.2. Л.3 об; Ф.671. Оп.1. Д.24. Л.74., 85, 128, 116; Д.82. Л.7.

² ГА РФ.Ф.671.Оп.1.Д.6.Л.14; Байтурсинов А. Революция и киргизы // Жизнь национальностей. № 29 (37). 1919. 3 августа.

³ Майский И. Демократическая контрреволюция.М.-Пг.,1923. С. 74.

писал уполномоченный Комуча Д.А. Барановский. – Земельный закон, принятый Учредительным собранием, не признает и говорит, что они вырабатывают свой... Впечатление производит в высшей степени хитрого человека. Областное земство перевел из Уральска в степь и там его ликвидировал, осталось пустое место и председатель этого земства (его брат) и только... Тенденции у него большевистские, но в конце концов уразумел, что так или иначе, но Комитета ему не миновать и на этих днях приедет»¹.

В конце июля 1918 г. председатель Комуча В.К. Вольский и М.А. Веденяпин от имени Комуча обратились к А.Н. Букейханову с заявлением. В нем они формально приветствовали «проявленное киргизами стремление к самоуправлению» и постановление IV Уральского областного казахского съезда «о неподчинении советской власти». Вместе с тем они опротестовали его основное решение об образовании Уильского Оялята явочным порядком как посягательство на права Всероссийского Учредительного собрания.

Комуч обещал содействовать его скорейшему созыву и указывал, что «поставив себе целью возрождение государственного единства России, он не может признать суверенных прав ни за каким правительством, откалывающимся от государственного тела России и провозглашающим свою независимость самостийно». Комитет потребовал незамедлительно восстановить земские учреждения, «превращенные правительством... Оялята в исполнительный его орган». В письме выражалась надежда, что «киргизское правительство... не пойдет по пути, проложенному Советом Народных Комиссаров, который освятил своим признанием раздробление России на отдельные независимые советские республики», поддержит «восстановление нормальной государственной жизни России», а также, что «интересы русского населения, живущего среди киргиз, не пострадают от сепаратических стремлений

¹ ГА РФ.Ф.667.Оп.1.Д.2.Л.4–6 и об.

киргизского народа, если даже таковые стремления будут выявляться до созыва Учредительного собрания»¹.

Комуч признал Башкурдистан как субъект общегосударственного образования, с правом на создание армии и средства производства, при руководящей роли Комуча как центральной власти. Взаимоотношения с казахской Алаш-Ордой, несмотря на их проблематичность, строились в целом также на основе принципов заявленной демократии². Для национальных организаций Поволжья и Сибири, на которые стремился распространить свое влияние Комуч, основой сотрудничества с ним служил федерализм. Однако в планах союзников эсеровского правительства, наряду с признанием крупных национально-территориальных автономий, для тюрко-татар внутренней России и Сибири в целом предусматривалось, что они «образуют добровольный личный союз-нацию, обладающий в отношении своих членов принудительной властью» и выступающий в качестве национальной единицы юридически равноправной «со всеми нациями, образующими в своей совокупности государство российское»³.

На территории Сибири в 1918 г. действовали несколько областных правительств – Уральское областное в Екатеринбургe, Временное Сибирское в Омске, Оренбургское и Сибирское казачьи, Башкирская и Алашская автономии. Члены Комуча считали, что эти «областные правительства в состоянии решить задачи национального возрождения России собственными силами лишь временно и в пределах одной своей местности». Широкое земское самоуправление целых областей,

¹ ГА РФ.Ф.667.Оп.1.Д.16.Л.71 и об; Оренбургский казачий вестник. 1918. 31 июля.

² Подробнее см.: Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. М., 1994. С. 74–104; Аманжолова Д.А., Тормозов В.Т. Указ. раб.

³ Архив русской революции. Т. 56. М., 1991. С. 181. На это Комуч, как и другие «центральные» правительства, не желал идти, ссылаясь на опасность для целостности России и тенденцию к мусульманскому сепаратизму.

населенных какой-либо национальностью, писал, например, член Комуча Лазарев, вполне могло соответствовать потребностям национального самоопределения. Он указывал на реальную опасность идеи самоопределения вплоть до отделения, способной усугубить межнациональные конфликты, привести к бесконечной гражданской войне.

В разработке вопросов о взаимоотношениях с национальными движениями Комуч неизбежно вступал в соперничество за влияние на них с Сибирским правительством. Так, 19 августа 1918 г. во время разговора по прямому проводу между представителями Алаш-Орды в Омске и Комуча в Самаре последние выразили недовольство и удивление по поводу переговоров Алаш-Орды с Сибирским правительством, минуя Комуч. Комуч заявил, что признал все организовавшиеся правительства «впредь до разрешения вопроса об автономии во Всероссийском Учредительном Собрании». Это касалось Алаш, Башкирского, Оренбургского и Уральского правительств, построенных на демократических принципах. Подтверждалось право на формирование их вооруженных сил. Так, из Самары в Джамбейту для Алаш-Орды было направлено 600 винтовок и пулеметы¹. Находившаяся в сфере влияния Сибирского правительства и Комуча башкирская автономия также тяготела к федералистски ориентированной Самаре. Комуч заключил с ней, в частности, договор о военном сотрудничестве. В его основе было формирование отдельного башкирского корпуса со своими учреждениями при подчинении общему командованию в оперативном отношении. Однако в отличие от автономистов, Комуч не выполнял договор, по которому должен был обеспечить национальные части средствами, обмундированием, снаряжением и т.д.²

На этом этапе позиция практически всего спектра белых сил по национальному вопросу и государственному устройству России проявилась на Государственном совещании в Уфе.

¹ Госархив Томской области (ГАТО).Ф. Р-72 Оп.1. Д.5. Л.1-2.

² ГА РФ. Ф.192. Оп.1. Д.22. Л.7.

Накануне – в июле и августе 1918 г. прошли два совещания представителей Омска и Самары в Челябинске. Перед его началом Комуч сообщал, что «предварительное совещание собирается в Челябинске, куда завтра выезжают члены Комитета... во главе с Вольским и Веденяпиным, туда же завтра выезжает представитель Башкирии Валиди. Предполагает выехать в Челябинск...член Алаш-Орды и Мустафа Чокаев, причем последний едет туда в качестве представителя автономного Туркестана»¹.

23–25 августа при обсуждении вопроса о составе совещания мандаты «инородческих» объединений, а также некоторые другие, были подвергнуты сомнению. Кадет В.Н. Пепеляев «усиленно доказывал, что « инородцы» всегда были лишены государственного духа, что по существу они являются элементом, враждебным российской державе, и что поэтому их допущение на совещание по организации центральной власти нежелательно. Его поддержал П.П. Иванов-Ринов. Стукнув кулаком по столу, он заявил: «Инородцев надо держать в ежовых рукавицах!» После дебатов «в конце концов... победу одержала левая сторона: все «инородческие» мандаты были признаны»². Это решение было продиктовано стремлением повысить представительность совещания, придать ему легитимный характер, продемонстрировать приверженность демократии и объединить в антисоветской борьбе весь разнообразный спектр сил, действовавших на территории страны от имени многочисленных областных правительств. Это, в частности, подтверждает в своих воспоминаниях Л.А. Кроль. Не считая нужным поддерживать «искусственно выделяемые из исторически сложившихся областей» части по национальному признаку, он, тем не менее, был за участие национальных организаций в создании центральной власти.

¹ ГАТО. Ф. Р-72. Оп.1. Д.5. Л.1–2.

² Майский И. Указ.раб. С. 208–210; Правительственный вестник (Омск). № 15. 1918 6 декабря.

Это позволяло использовать их для укрепления доверия масс к новому правительству¹.

Одновременно члены Алаш-Орды Х.Досмухамедов и В.Таначев участвовали в подготовке Комуча к совещанию. 20 августа на заседании Комуча члены мусульманской фракции поддержали заявление фракции эсеров по поводу предстоящего совещания о необходимости создания всероссийской власти, ответственной перед съездом членов Учредительного собрания, изложенное В.К. Вольским².

На переговорах отмечалась также необходимость приезда в Челябинск и главы Алаш А. Букейханова, так как в случае срыва этого совещания он мог бы начать переговоры с Комучем в Самаре. Предварительно высказывалось мнение, согласованное на чрезвычайном совещании представителей самоуправлений городов Урала, Поволжья и Сибири по вопросу об организации центральной власти, – «единая государственная власть должна быть организована Комитетом членов Учредительного Собрания путем соглашения с отдельными областными правительствами при участии представителей самоуправлений городов»³.

Уполномоченным в Уральской области И.Т. Нестеровым 14 октября 1918 г. был представлен доклад об истории законодательной деятельности Комуча. В нем говорилось: «Для воссоздания России и соединения отколовшихся частей надо было идти путем их автономного культурного развития. Эти принципы были выражены Комитетом в декларации от 2 августа по национальному вопросу, в декларации от 8 сентября ко всем народностям, в обращении к тюрко-татарам и декларации к Алаш-Орде от 25 сентября, в обращении к Донскому казачеству от 25 августа и др.»⁴

¹ Кроль Л. А. За три года. Владивосток, 1921. С.85.

² ГА РФ. Ф.670. Оп.1. Д.1. Л.30.

³ ГАТО. Ф. Р-72. Оп.1. Д.5. Л.1–2.

⁴ ГА РФ. Ф.749. Оп.1. Д.3. Л.5 об-6; см. также: Аманжолова Д.А., Тормозов В.Т. Указ. раб.

26 августа Чрезвычайный Уполномоченный от Комуча В.В. Подвицкий созвал совещание для обсуждения вопроса о взаимоотношениях народностей и отдельных самоуправляющихся единиц. На нем присутствовали уполномоченные Комуча Ф. Тухватуллин, уполномоченный Комитета Богданович, член Учредительного собрания Фахретдинов, представитель Оренбургского казачьего войска атаман генерал-майор Дутов, представители губернского земства – Правдухин, городской думы – Крангачев, Тургайской области – Лаванов, Башкирии – Валидов, Алаш-Орды – Испулов.

Подвицкий предложил обсудить проблему разграничения сфер компетенции самоуправляющихся единиц и согласование их деятельности, чтобы обеспечить общие действия «в проведении общегосударственных задач». Выступивший затем Дутов считал неприемлемым выборное начало в Оренбургской губернии, «так как многие сочувственно относятся к большевикам». Испулов ознакомил собравшихся с решениями всеказахских съездов 1917 г., стремясь убедить их в лояльности Алаш-Орды к Комучу. Лаванов заявил о невозможности управлять Тургайской областью в связи с тем, что она находится в сфере влияния трех правительств – Временного Сибирского, Комуча и Алаш-Орды. Проблема разграничения полномочий соперничающих между собой сил выступала в обстановке войны на первое место.

Совещание высказалось за необходимость предоставления автономии Башкурдистану и Алаш, с сохранением земств в волостях с русским населением. Было выражено пожелание подчинить Тургайскую область и Оренбургскую губернию Комучу и назначить его уполномоченным в каждую губернию и область. Все мероприятия по Тургайской области предлагалось проводить через уполномоченного Комуча, что ограничивало власть националов. Для придания демократического характера этому решению при чрезвычайном уполномоченном от Комуча для Оренбургской губернии и Тургайской области создава-

лась особая совещательная коллегия из представителей «всех самоуправляющихся единиц (земства, города, войскового правительства, Тургайской области, Башкурдистана, Алаш-Орды и уполномоченных Комуча)».

На совещании было решено до создания милиции в установленном порядке и «считаясь с тревожным моментом» распространить действия казачьей войсковой милиции на губернию и область, переименовав ее в областную военную и подчинить Комучу и его уполномоченным. В Тургайской области в нее привлекалось и коренное население. Кроме прямых обязанностей в соответствии с решением Временного правительства от 17 апреля 1917 г., она должна была «всемерно способствовать закреплению власти Учредительного Собрания путем проведения в жизнь» постановлений Комуча и представителей местной власти «и искоренения большевизма в крае»¹.

В начале сентября в иностранный отдел Комуча поступили постановления 2-го всеказахского съезда и проект организации башкирских войск. Для рассмотрения предложений двух автономных правительств отдел предложил срочно созвать межведомственную комиссию.

25 сентября 1918 г. была принята Декларация Комуча по поводу образования Алаш-Орды. В ней и в аналогичных заявлениях по поводу других национальных автономий заявлялось, что «для воссоздания единой, сильной свободной России и укрепления в ней федерально-демократического строя необходимо участие в предстоящей созидательной работе всех населяющих ее народностей», а потому «осуществление отдельными территориями и национальностями своих автономных прав является лучшим залогом успеха в предстоящей героической работе по воссозданию единой великой России».

Оставляя окончательное решение вопроса об автономии края Всероссийскому Учредительному собранию, Комуч

¹ ГА РФ. Ф.667. Оп.1. Д.16. Л.14–17; Ф.749. Оп.1. Д.2. Л.6 и об.

предлагал передать до этого центру военные и иностранные дела, пути сообщения, почту и телеграф, а также «мероприятия общегосударственного характера по вопросам снабжения и продовольствия». Центром, разумеется, считался Комуч. Постановления, законы и распоряжения национальных правительств не должны были противоречить постановлениям Комуча, при них до решения Учредительного собрания вводился уполномоченный комитета с правом приостановления ее действий. Временное положение об управлении в областях утверждалось центральной властью, национальные вооруженные силы также должны были создаваться по согласованию с ней. Спорные территориальные вопросы предлагалось решать совместно с органами власти прилегающих областей «и в соответствии с волеизъявлением местного населения, выраженного путем всенародного голосования или через орган местного самоуправления»¹.

Таким образом, в отличие от Временного Сибирского правительства Комуч поддержал федеративные предложения национальных движений. Их соглашение могло составить основу для совместных действий по созыву Учредительного собрания и созданию демократической федерации вместе с другими ее сторонниками. Но дни самого Комуча к этому времени были сочтены.

Готовились к совещанию и сибиряки. На совещании в Челябинске 23 августа 1918 г. сибирские автономисты твердо заявили о своей самостоятельности. Министр финансов И.А. Михайлов утверждал: «Мы идем под флагом областничества». Товарищ министра иностранных дел Головачев говорил, что Сибирь не потерпит никакой другой власти на своей территории, кроме Сибирского правительства, а военный министр А.Н. Гришин-Алмазов подчеркивал автономный характер Сибирской армии в условиях, когда Российского государства не

¹ Оренбургский вестник Комитета уполномоченных членов Учредительного собрания. 1918. 1 октября.

существует¹. В пункте 1 инструкции делегатам правительства автономной Сибири на совещании относительно национальной политики строго предписывалось: «Не признавать правительство Алаш-Орды, тюрко-татар, а только культурную автономию...» Сибирское правительство, как, впрочем, и Комуч, рассчитывало также подчинить себе Туркестан.²

В состав Уфимского совещания (8–23 сентября 1918 г.) вошли 170 делегатов, представляющих практически все возникшие на занятой антисоветскими силами территории правительства. Однако способы их деятельности и конечные планы были различны. Мусульманская фракция насчитывала 18 человек. Большинство членов совещания являлись сторонниками «народовластия» и противниками диктатуры.

В выступлениях делегатов областных и автономных правительств подчеркивались как объективный характер возникновения многочисленных региональных государственных образований, так и насущная необходимость их объединения, прежде всего вооруженных сил, в интересах антисоветской борьбы. Представитель временного правительства Урала А.А. Коцеев, например, констатировал, что возрождение России начинается по областям, но невероятная пестрота в решении самых важных вопросов недопустима с точки зрения интересов единства страны³. Член Временного Сибирского правительства В.В. Сапожников говорил, что его правительство отвергает обвинение в сепаратизме, «но в то же время видит в областничестве, при громадности и разнохарактерности территории и разноплеменности состава населения, наиболее естественный и легкий путь к пробуждению здорового патриотизма и государственности в интересах целой России»⁴.

¹ ГА РФ. Ф.144. Оп.1. Д.21. Л.11.

² Уфимское совещание и Временное Сибирское правительство // Красный архив. 1933.Т.6/61. С.65.

³ ГА РФ. Ф.144. Оп.1. Д.1а. Л.64.

⁴ Там же. Л.80.

В выступлении А.Н. Букейханова от имени инородцев 12 сентября 1918 г. говорилось о приверженности национальной группы совещания идеалам демократической части России и Учредительного собрания, «но наши мечты оказались разбитыми, как и мечты всех демократов России», большевиками.

В условия полной анархии, развала, отсутствия всякой власти областные правительства совершенно необходимы и не являются признаком сепаратизма, считал он. «Те организации, от имени которых я выступаю, – сказал Букейханов, – не являются представителями сепаратизма, а они мыслят, что они составляют часть единой России, что автономные области в концерте мировых держав не могут играть никакой роли, если бы они захотели создать какое-нибудь маленькое сепаратное государство. ... Мы мыслим себя только частью единой России». Он призывал отказаться «от прежнего представления о том, что инородцы – рабы, а представители Великороссии – это рабовладельцы, потому что Россия федеративная демократическая, единая, и мы пойдем с русским народом, чтобы создать великую и счастливую Россию».

Инородцы выступали в поддержку предложений Кому-ча о будущей власти «без давления большинства», с участием одного представителя автономных правительств Туркестана, Башкирии и Алаш¹.

Верховную власть мусульманская группа предлагала передать Учредительному собранию, в данной ситуации – его наличному составу вместе с коллегией, созданной соглашением всех групп. Съезд членов Учредительного собрания был бы законодательным органом, коллегия же состояла из 4-х членов собрания и по одному от Сибирского правительства, казачеств, автономных правительств².

На заседании комиссии 15 сентября М. Чокаев предложил включить в состав правительства делегатов без права

¹ ГА РФ. Ф.144. Оп.1. Д.1а. Л.66 и об.

² Там же. Л.66.

отзыва. З. Валидов подчеркивал право национальностей на представительство в нем. Чокаев, в частности, отметил: «... Мы имели в виду остроту национального вопроса... Защиту своих интересов можем доверить и лицу русского происхождения. Желательно, чтобы национальные вопросы решались со всесторонней полнотою, а это может быть сделано только лицом, сведущим в этом вопросе, независимо от его национальности»¹.

За национальными автономиями при этом предлагалось оставить определенные функции областного управления, при равном положении их с автономной Сибирью. Валидов подчеркнул: «Старое время ушло, Россию можно собрать только на основе федеративности. Правительству, действующему иным путем, мы доверять не сможем и не станем. То, что уже имеется, не должно быть отнято». Он особенно настаивал на последующих заседаниях на сохранении национальных войск. Букейханов при этом дополнял – при общем командовании.

В конце концов под давлением большинства согласительной комиссии они отказались от представительства в коалиционной власти и выдвижения самостоятельного списка кандидатов в нее. При этом «националы» держались в Уфе гораздо крепче и лучше чем эсеры»².

23 сентября члены совещания подписали заключительный акт о создании Временного Всероссийского правительства – Директории из 5 человек и Совета Министров, избранных до 1 января 1919 г. К этому времени планировалось созвать «старое» Учредительное собрание, перед которым Директория должна была сложить свою власть»³.

¹ ГА РФ. Оп.2. Д.1. Л.3. Л.31–32, 22 об-23,51–52, 70.

² Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Т.1. Ч.1. Пекин, 1921. С.208; Болдырев В. Г. Директория, Колчак, интервенты. Новониколаевск, 1925. С.35,37,43; Майский И. Указ.раб.С.227.

³ Конституция Уфимской директории // Архив русской революции. Т.11. Берлин, 1923. С.189–191, 192–193.

Созданная в Уфе Директория объявила о намерении признать за областями освобождающейся России права на широкую автономию в соответствии с географическими, экономическими и этническими условиями, с последующим утверждением ее Учредительным собранием, а также культурно-национальную автономию. Имелась ввиду «полная свобода в культурно-просветительной и вероисповедной областях, самоуправление исключительно во внутренней обстановке и жизни народов»¹.

Директория после Уфимского совещания переехала в Омск и создавала Совет Министров. В Уфе еще продолжал действовать Совет управляющих ведомствами Комуча. Там же 26 сентября продолжил работу съезд членов Учредительного собрания. Заключенный на совещании компромисс между буржуазией и социалистами изначально был крайне неустойчивым. Как писал И.И. Серебренников, соглашение «не родилось в атмосфере энтузиазма. Оно было вынужденным и поэтому неискренним, и таило в себе зародыш будущей неминуемой борьбы, столкновений и распрей»². К тому же у Директории отсутствовали прочный аппарат, необходимые финансы, официальные органы. Создаваемые ею министерства часто возглавляли министры продолжавшего еще работу Сибирского правительства. Работали и другие правительства.

Сразу после совещания в Уфе представители Национального управления тюрко-татар внутренней России и Сибири и мусульманских воинских частей обратились в Директорию с предложением сформировать объединенные национальные воинские части и по аналогии с опытом колониальной политики Англии и Франции учредить пост министра без портфеля, предоставив его их кандидату, для участия в решении всех вопросов политической жизни³. Национальная политика ос-

¹ ГА РФ. Ф.192. Оп.1. Д.4. Л.2. об; Ф.1700. Оп.7. Д.55. Л.12 и об.

² Серебренников И. И. Указ. раб. С.173.

³ ГА РФ. Ф.1701. Оп.1. Д.64. Л.10 и об.

тавалась одним из важных направлений деятельности новой власти, но содержание ее стало изменяться. Преобладающую роль в отношениях с национальными организациями все больше играли сторонники культурно-национального самоопределения народов единой и неделимой России.

В начале октября автономные области получили право сохранить существующий порядок и органы управления в вопросах внутренних дел, снабжения и продовольствия, торговли и промышленности, земледелия и народного просвещения. До отмены правительством или самими автономиями сохранялось действие решений областных правительств. Кроме того, утверждалась должность главноуполномоченных Директории, которые вели наблюдение за выполнением распоряжений автономий, чтобы они не превышали свою компетенцию и не противоречили законам и распоряжениям Всероссийского правительства, а также за деятельностью его местных органов¹.

В беседе с сотрудниками органа Оренбургской организации РСДРП газеты «Рабочий день» (№ 9. 1918 г. 16 ноября) члены Алаш-Орды заявили, что ее отношение к Директории определяется участием в Госсовещании. Алаш-Орда поддерживает Директорию «за усилия осуществить принятую на Государственном совещании платформу» и по-прежнему будет отстаивать Российскую федерацию, в состав которой должна войти автономия Алаш. Она также высказывалась за подчинение Сибирского правительства Директории.

Вдохновленные решением Госсовещания в Уфе и достижением кажущегося согласия вокруг идеи Учредительного собрания, автономисты надеялись обрести реальный юридический статус.

Но вскоре Директория упразднила все областные правительства. Это закономерно вытекало из политических представлений правых деятелей, усиливших свои позиции и стремящихся через военную диктатуру восстановить «единую и

¹ Рабочее утро (Оренбург). 1918. 10 октября.

неделимую» Россию. 2 ноября Юридическое совещание при Директории в составе М.С. Венецианова, К.Г. Горнштейна и И.И. Степанова утвердило «Грамоту ко всем областным правительствам и ко всем гражданам государства Российского». В ней говорилось, что правительство вынуждено временно прекратить существование всех без исключения областных правительств и областных представительных учреждений, восстановление же их «должно предполагать предварительное строгое и определенное ограничение Верховной Государственной властью компетенции областных управлений пределами вопросов областного значения».

4 ноября было принято постановление, по которому областным правительствам предлагалось передать все функции верховной власти по первому же требованию. До установления положения об автономном управлении областей в вопросе внутренних дел, снабжения, продовольствия, торговли, промышленности, труда, земледелия, народного просвещения сохранялись существующий порядок и органы управления областей. Их законодательная деятельность приостанавливалась. В автономиях и Совете управляющих ведомствами учреждались должности Главноуполномоченного правительства. Они должны были наблюдать за деятельностью областных правительств, не допускать в ней превышения установленных прав и противоречия законам правительства, нарушения «общегосударственных интересов»¹.

Отдельные указы аналогичного содержания были направлены всем областным правительствам, в том числе Башкирскому. В специальном указе от 1 (14) ноября 1918 г. оно упразднялось, а для управления Башкирией учреждалась должность Главноуполномоченного, который ведал «культурно-бытовыми и экономическими нуждами башкирского народа». Органы управления на местах до издания соответствующего постановления об областном управлении Башкирией подчинялись

¹ ГА РФ. Ф.192. Оп.1. Д.9. Л.7,1,2; Д.2. Л.6-7.

правительству. Создавалась особая комиссия по подготовке положения о Башкирском представительном органе и выборов в него¹.

Некоторую специфику имело положение Сибирского областного правительства, члены которого заняли ряд постов в новых структурах. Однако нараставшие противоречия между думой и правительством, поддерживаемым правыми, все более укрепляющими свои позиции, разрешились в сентябре 1918 г., когда областники Шатилов и Патушинский подали в отставку, а вскоре вместе с Якушевым и Новоселовым были арестованы. Работа думы была приостановлена, а затем, с образованием Директории ее решением была отсрочена «впредь до создания подходящих для возобновления условий». Вскоре, 3 ноября, перестало существовать и Сибирское правительство, заявив о сложении полномочий в интересах «воссоздания единого и сильного государства Российского» с гарантией восстановления начал автономии Сибири, «как только минуют трудности политического положения России». Затем самораспустилась и областная дума². Аналогичная судьба была и у других областных правительств.

Многие члены Сибирского правительства во главе с Вологодским вошли во Временное Всероссийское правительство, а областнические проекты пережили известную трансформацию и получили развитие при колчаковском режиме.

12 ноября Юридическое совещание утвердило проект указа Алаш-Орде. Он был опубликован в «Вестнике Временного Всероссийского правительства» №10 от 16 ноября 1918 г. и датирован 4 ноября. Упраздняя автономию Алаш, Директория вместе с тем, аналогично Башкирии, признавала необходимость учета бытовых и хозяйственных особенностей «казак-киргизских народностей» в организации управления и создания для этих целей в будущем представительного органа.

¹ Там же. Д.22.Л.4,10 и об.

² См.: Серебренников И. И. Указ. раб. С.181,208–209,212.

Была также учреждена должность Главноуполномоченного по управлению Алашем, ведавшего всеми делами, «касающимися культурно-бытовых и экономических нужд казак-киргизских народностей», и его помощников, с временным сохранением органов управления Алаш-Орды, подчиненных центральным ведомствам. Создавалась также «особая комиссия по выработке положения об Алашском представительном органе и выбором в него». В состав этих органов вошли члены Алаш-Орды¹. Таким образом, деятельность всех национальных правительств жестко регламентировалась «центром».

При оценке этого решения, непосредственно демонстрировавшего поворот в национальной политике Белого движения на востоке страны, надо учитывать его закономерный характер. За созданием «Всероссийского» Временного правительства в Уфе естественно должны были последовать меры по сосредоточению реальных рычагов власти в его руках. Этого требовала и военная обстановка. Легитимность ликвидации «самочинных» правительств (не только национальных), Директория, очевидно, надеялась придать на основе обещанной перспективы созыва Учредительного собрания, весьма отдаленной, исходя из конкретной ситуации. При этом трудно точно сказать, насколько трезво осознавала новая «центральная» власть объективные возможности для реализации заявленных намерений. Как известно, разрозненность всех отрядов Белого движения в целом, пестрота идейно-политических платформ и представлений о перспективах устройства России и решения национального вопроса, в том числе, наряду с целым рядом других не менее важных обстоятельств, предопределили бесперспективность всех альтернатив вывода страны из кризиса, предлагавшихся противниками большевизма.

¹ ГА РФ. Ф.192. Оп.1. Д.20. Л.1,4; Вестник Временного Всероссийского правительства. 1918. 16 ноября.

3. Национальный вопрос в Сибири в условиях военной диктатуры А.В. Колчака

Кратковременная история Директории завершилась переворотом 18 ноября 1918 г. Ее исполнительный орган – Совет министров – утвердил «Положение о временном устройстве государственной власти в России», по которому вся полнота власти, руководство вооруженными силами передавалась Верховному Правителю – адмиралу А.В. Колчаку. Председателем Временного Всероссийского правительства – Совета Министров – остался П.В. Вологодский, большинство в нем составили правокадетские и промонархические силы. Решающую роль вскоре все больше стал играть созданный в начале 1919 г. Совет Верховного Правителя.

Буквально накануне 10 ноября состоялся вынужденный под давлением правых сил самороспуск Сибирской думы, за который проголосовала и национальная фракция¹.

Консолидация военных и правых кругов политических организаций Сибири, приведшая к смене власти, открыла новый этап в истории белого движения в Сибири. Главенствующую роль в нем социалисты уступили более организованным силам, ставившим во главу дела военные задачи. Обеспечить эффективные действия армии, преодолеть анархию, создать функционирующее управление для победы над большевиками они намеревались обусловленной войной централизацией и единоличной диктатурой общепризнанного лидера.

¹ См.: Народная газета. 1918. 12 ноября.

Ведущее место в политическом отношении заняли кадеты, хотя официально они заявляли, что «власть Верховного Правителя и по форме и по существу беспартийна, вернее – сверхпартийна». Тем не менее, признавались как общность цели, так и согласие в «применении средств и путей их реального осуществления»¹.

Сам Колчак также утверждал в обращении «К населению» после прихода к власти: «Я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и порядка». В программных заявлениях диктатора и его правительства декларировалось равенство перед законом «всех сословий и классов», без различия религии и национальности².

Смена политических ориентиров четко выразилась в открытом провозглашении отказа от необходимости созыва Учредительного собрания, лишённого якобы национальной идеи. Отрицательное отношение высказывали промонархические и правые круги и к идее представительности в исполнительных и законодательных органах вообще³.

В таких условиях национальные требования народов России отвергались. Официально провозглашенная доктрина «целокупной России» носила великодержавный характер.

Тем не менее, по требованию стран Антанты в мае 1919 г. Колчак был вынужден дать обещание после войны созвать Учредительное собрание, признать правительство Финляндии, откладывая решение вопроса о признании независимости Польши, автономии прибалтийских, закавказских и закаспийских стран. Вопрос о статусе народов Сибири не стоял. С учетом реальной сферы влияния правительства вопрос о судьбе

¹ Сибирская речь. 1917. 28 (15) мая.

² Правительственный вестник. 1918. 20 ноября.

³ См.: Там же. 1 декабря. Заря. 1918. 31 декабря; Русская речь. 1919. 3 июня.

Польши, прибалтийских территорий, Кавказа и Средней Азии имел скорее теоретический характер¹.

Не считаться же с реальной напряженностью ситуации в регионе, непосредственно подвластном режиму, правительство Колчака не могло. Однако «непредрешенчество» было основой в отношении Временного Всероссийского правительства к урегулированию национальных отношений. Не случайно в ответ на приветствие еврейской делегации на одном из приемов 14 мая 1919 г. Верховный Правитель заявил: «Я против национальной фракции, не имею оснований менять свое отношение по этому вопросу. Объясняю шероховатости, наблюдающиеся в национальных отношениях, нервным состоянием страны, особенно в прифронтовой полосе». Он выразил уверенность, что с «общим успокоением страны исчезнет и острота национального вопроса»².

В поиске равнодействующей основы, консолидирующей разнородные антибольшевистские силы, руководство Белого движения стремилось опираться на идеи и чувства патриотизма и национализма русских, как преобладающей и ведущей по своей роли и значимости нации. Один из военачальников некоторое время, осенью 1919 г. главнокомандующий армией Колчака, К.В. Сахаров писал позже, что Белое движение было русским национальным, антисоциалистическим. «Борьба в этой внутренней, братоубийственной войне велась за идею, священную для каждого русского, – за возрождение Великой России»³.

Заметим, однако, что и в отношении самого русского народа политика белых оказалась неэффективной. Восстановление частной собственности помещиков и промышленников, жесткое налогообложение, принудительные мобилизации в

¹ См.: Правительственный вестник. 1918. 24 ноября; Сибирская речь. 1918. 19 декабря.

² ГА РФ. Ф.1700. Оп.2. Д.17. Л.107.

³ Сахаров К. В. Белая Сибирь. Мюнхен, 1923. С.313, 67.

армию, насилие и террор – все это не могло обеспечить белым поддержку широких масс русского крестьянства и рабочего класса. Другой участник и свидетель событий генерал-лейтенант Д.В. Филатьев писал о причинах поражения белых: «... командующие армиями позволяли себе всяческий произвол до самовольной мобилизации населения включительно; реквизиции ничем не упорядочиваемые считались нормальным явлением, как и телесное наказание для крестьян, сопротивлявшихся им.... Результат был тот, что кроме врага на фронте, создавали себе врага в тылу»¹.

Еще более проблематичными в этой ситуации были отношения колчаковского правительства с национальностями и, прежде всего, с представлявшими их структурами. Большой удельный вес разных по происхождению, культуре, верованиям, цивилизационному типу в целом народов, имевших и не имевших до включения в состав России государственность, не мог быть проигнорирован никем из основных участников противоборства. Национальная компонента присутствовала во всех сферах деятельности белого правительства, в той или иной мере, – социально-политической, военной, экономической, идеологической.

В Сибири решение проблемы национально-территориального устройства коренных народов представлялось маловероятным как в силу объективно складывающихся обстоятельств, так и в связи с идейно-политическими установками лидеров Белого движения.

Откровенное стремление опираться прежде всего на русских как основу возрождения былого государственного могущества, связанная именно с этим национал-патриотическая и шовинистическая ангажированность внутренней политики, антисемитизм сочетались в идеологии белых с лозунгами внепартийности.

¹ Филатьев Д. В. Катастрофа белого движения в Сибири. 1918–1919. Париж, 1985. С.64.

Ведущее место в идеологической программе колчаковского правительства занимала проблема государственности. Централизованное великое государство, обеспечивающее стабильность и международный авторитет России, рассматривалось как цель белого движения и в то же время средство, практически единственное, для решения социально-политических проблем, в т.ч. национальных.

В таком ключе федеративное устройство России оказывалось неприемлемым. К тому же в своих действиях по отношению к национальным организациям белые мало дифференцировали отличия между ними по степени самоидентификации, социальному уровню и политико-правовому статусу, изменившемуся после революции.

В то же время правоведа, экономисты, политические и общественные деятели белого движения, прагматически подходившие к внутриполитическим аспектам политики, не могли не осознавать бесперспективность возрождения старой системы управления народами в неизменном виде. Этим были продиктованы попытки нахождения баланса интересов с национальными движениями, с учетом их реального веса и значения в конкретной военно-политической ситуации. Однако преобладающим был, тем не менее, великодержавный подход, исключавший реальную самостоятельность национальностей в любой сфере. Не отвергая возможности культурно-национальной автономии, правительство А. В. Колчака, местные администраторы на деле мало способствовали ее реализации. Практически во всем, в т.ч. в национальной политике, господствовала идея «непредрешения».

Как писал один из участников событий, «вопрос о создании центральной государственной власти, которая, будучи действительной властью, вместе с тем сумела бы учесть все местные особенности и наладить свои отношения с группами, отличающимися центробежными стремлениями, такой вопрос являлся тогда кардинальнейшим в сибирской жиз-

ни. Правительство Колчака не сумело разрешить его и погнбло»¹.

Принцип унификации управления, подчиненности национального вопроса военным и политическим приоритетам, воплощался в законодательных и ведомственных актах – утверждение единообразного порядка судопроизводства у коренных народов Степного края, Туркестана и части Сибири, восстановление в слегка модернизированном виде прежней системы местного управления и т.д. Не было устранено и неравноправное положение конфессий. Все это вкупе с антидемократическими методами деятельности обуславливало исключение народов из активной политической жизни, порождало их недоверие к власти, не снимало межнациональную напряженность и конфликтность.

С одной стороны, национальные движения, включившись в белый лагерь, были вынуждены исходить из общественно-политической обстановки и военной ситуации. Это обусловило противоречивость их действий. С другой стороны, заявленный приоритет общенациональных интересов и нейтралитета в вооруженной борьбе, стремление сохранить социальную опору заставляли идти на инициативы в защите экономических, политических, культурных запросов народных масс. Однако реальная организационная, военная, экономическая слабость национальных организаций диктовала необходимость лавирования, компромиссов и даже отказа от определенных программных задач.

Так, объединение Бурнацкома с бурятским отделом «Правительства Забайкальской области» атамана Семенова, состоявшееся 20–24 ноября 1918 г., и образование Бурятской Народной думы привело к созданию аймачных отрядов «Улан-Цагда». Призванные как будто охранять и защищать национальные земства, они практически выполняли и карательные функции (например, конный отряд члена думы Н. Дамдинова и Агинской атаманской управы).

¹ Колосов Е. Е. Сибирь при Колчаке. Пг., 1923. С.50.

Не могла решить задачи самоопределения бурят и возродившаяся в начале 1919 г. при прямой поддержке атамана Семенова и японских военных кругов идея панмонголизма. Объединение Монголии с внутренней Монголией, бурятской Калмыкией, монголами Синьцзяна и Тувы в суверенное нейтральное государство было предложено Ц. Жамцарано¹.

В феврале 1919 г. в Чите состоялась конференция под председательством нейсе-гэгэна (князя) Внутренней Монголии Ничи-Пайон Менду Баира. Она постановила образовать федеративное «Велико-Монгольское государство» и избрала «временное правительство». Однако дальше декларации дело не пошло, очевидно, как в силу эфемерности самой идеи, так и из-за малозначительной ее роли в судьбе белого дела.

По признанию Э.Д. Ринчино, он принял участие в конференции, чтобы «сорвать ее или повернуть в антифеодально-национально-освободительное русло». Несмотря на принятую там в целом демократическую республиканскую платформу, с ориентацией на будущее Учредительное собрание, Ринчино отказался стать министром созданного на конференции Временного правительства. Он принял пост советника при его главе².

Лозунги Белого движения о восстановлении единой и неделимой России при гарантии децентрализации власти путем установления культурной и областной автономии и широкого местного самоуправления не воспринимались национальной стихией.

Это объясняется, во-первых, тем, что центробежный процесс усиливался и лидеры национальных движений, не принимая красных и разочаровываясь в белых, все более явственно тяготели к государственной независимости. Во-вторых, белое движение в национальной сфере обнаружило очевидные просчеты, в отличие от большей гибкости и политического чутья, проявленного его противниками.

¹ Правда Бурятии. 1922. 5 августа.

² Ринчино Э.Д. Указ. раб. С.12.

Органы, занимавшиеся в белых правительствах национальными проблемами, пытались разрешать межнациональные конфликты, привлекать в ряды своих вооруженных сил «инородческое» население, стремились учитывать этнический фактор при формировании земских и местных административных органов, считаться с культурно-бытовыми особенностями, создавать «туземные» суды, вводить местные языки в делопроизводство. Но неудачи на фронтах не позволяли проводить эти мероприятия целенаправленно и последовательно.

К тому же великодержавное начало оставалось господствующим в сознании значительной части руководства белых.

Наиболее дальновидные деятели, однако, понимали непривлекательность подобного курса и пытались придать демократический имидж политике движения. В частности, представитель Русского Политического совещания в Париже В.А. Маклаков писал в Омское МВД о необходимости сделать заявление об уважении России к правам национальностей, ее населяющих¹.

Но всю идеологию Белого движения, его политическую практику пронизывала идея «непредрешения» – все проблемы государственного устройства России, в том числе национальные, предполагалось решать после победы над большевиками на Всероссийском Учредительном собрании. В письме того же Маклакова в дипломатическую канцелярию в Екатеринодар и в МИД в Омске от 11 марта 1919 г. указывалось на то, что «мы не представляем себе будущее России иначе как свободным сожительством народов на принципах не только автономизма и федерализма, но даже в некоторых случаях и на условиях, установленных обоюдным соглашением и на началах независимости»².

О месте национального вопроса в Белом движении на востоке страны и эволюции его национальной политики в

¹ См.: Вейль В. История украинского вопроса. Таллинн, 1937. С.31.

² Цит.по: Думова М. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982. С.215.

1918–1919 гг. можно судить по судьбе органа, призванного решать национальные проблемы. Уже Уфимское совещание по существу упразднило созданное усилиями областников Министерство туземных дел в составе Временного Сибирского правительства. Оно успело лишь начать разработку проектов организации национального самоуправления и определения взаимоотношений с автономистскими правительствами.

Статус этого органа все время снижался. Вскоре министерство было реорганизовано в туземный отдел Министерства внутренних дел в правительстве А. В. Колчака. Затем этот отдел превратился в практически бесправный подотдел отдела сельского управления того же ведомства. Его деятельность сводилась к изучению положения дел на местах и составлению докладов по разным вопросам положения национальностей и деятельности их структур на местах (правительств Башкирии, Алаш, аймаков и земств и т.д.)¹.

После образования Директории министерство было упразднено, и туземный отдел при МВД занимался изучением и разработкой законопроектов, «регулирующих различные области жизни туземных племен», составлял доклады о формах национального самоуправления у бурят, горных алтайцев, русской колонизации Урянхайского края, Алаш-Орде и башкирской автономии, подготовил проект учреждения совещания по туземным делам и особого исполнительного органа – Департамента туземных дел. Отдел практиковал привлечение представителей национальных организаций к своей работе, в частности, при изучении «в политическом, правовом, социально-экономическом отношениях жизни различных народностей, населяющих пределы России».

Первоочередными были вопросы законодательного утверждения возникших в 1917 г. явочным порядком национальных органов самоуправления, прежде всего бурятских в Иркутской губернии и Забайкальской области.

¹ ГА РФ.Ф.1701.Оп.1.Д.64.Л.70.

В связи с аналогичной инициативой алтайцев была постановлена Каракорум-Алтайская горная управа. Одновременно ее претензии на объединение всех районов, населенных алтайцами, в т.ч. приграничных, заставили чиновников отдела спешно собрать сведения об истории колонизации Урянхайского края, управлении им до революции и мерах по его изменению в новых условиях¹.

По инициативе отдела 25 августа 1919 г. междуведомственное совещание обсудило проект учреждения при МВД особого Департамента туземных дел и Совещания по этим же вопросам. В них должны были войти представители основных ведомств и с правом решающего голоса присутствовать члены совещания – представители народностей страны. Совещание могло предварительно обсуждать все наиболее важные вопросы, касающиеся национальных прав, экономических и культурных потребностей инородцев. Департаменту проектом предписывалось составление законопроектов по туземным делам, подготовка материалов для Совещания, исполнение его решений и ведение текущей переписки.

Но инициатива Министерства не нашла поддержки. Междуведомственное совещание признало, что накопление за год 200 дел по инородческим вопросам недостаточно для создания целого Департамента. Нецелесообразность такого шага обосновывалась также требованиями экономии средств и тем, что «настоящий момент совершенно не подходящий для спокойной творческой работы». Лишь представитель МВД Малахов заявил об особом мнении, отстаивая предложенный проект².

Вопрос о национальных самоуправленческих органах вызывал серьезные дискуссии в правительственных структурах. Если управляющий Иркутской губернии эсер П.Д. Яковлев сам участвовал в создании бурятских аймаков и поддерживал их и позже, то представитель МВД П. Башилов считал, что при вне-

¹ ГА РФ.Ф.1701.Оп.1.Д.64.Л.70 и об.

² ГА РФ.Ф.1701. Оп.1.Д.1.Л.28; Д.4..С.54,60

шней незначительности размеров, вопрос об аймаках «имеет серьезное государственное значение, ибо в этом... есть разлагающий антигосударственный элемент этнографически-политического сепаратизма бурят с монгольской ориентацией»¹.

В рапорте министру внутренних дел А.М. Гаттенбергеру в сентябре 1919 г. он доказывал, что аймаки выросли из большевистского лозунга самоопределения и создали чересполосицу русских и бурятских территорий. С государственной точки зрения, считал он, необходимо создать численное преобладание русских.

«Если сохранить обособляющие бурят от русских аймаки и хошуны путем правительственного указания – тогда для культивировки бациллы сепаратизма и создастся благоприятная среда». Борьба с параллелизмом органов управления системой соглашений бессмысленно, а его сохранение невозможно, указывал Башилов. Он к тому же считал незаконным существование Бурнацкома, как политической партии, без устава и регистрации, и предлагал его распустить².

Искусственное создание политически самоопределяющихся этнографических ячеек Иркутским губернским земством Башилов оценивал отрицательно, в т.ч. с точки зрения сохранения большего числа налогоплательщиков. Правительство должно стоять на государственно-объединительной позиции, указывалось в рапорте³. Эта позиция вполне соответствовала великодержавной идеологии и практике Белого движения в Сибири в 1919 г.

МВД при административной перекройке Иркутской губернии рассчитывало руководствоваться естественно – географическими границами, а не самоопределенческими лозунгами бурятских организаций. 19 мая 1919 г. управляющему губернией было предложено допустить существование бурятских земств до решения вопроса в законодательном порядке⁴.

¹ Там же. Ф.1700. Оп.7. Д. 12. Л.59.

² Там же. Л.60 об, 61.

³ ГА РФ. Ф.1700. Оп.7. Д.12. Л.61 об.

⁴ Там же. Л.67.

29 июня 1919 г. в Иркутске состоялось совещание об аймаках, но вопрос об их упразднении не был решен. В августе МВД получило прошение умеренного бурятского деятеля Ханхасаева о ликвидации земств со ссылками на отрицательное отношение к ним самих бурят¹.

Введение земства подавляющее большинство национальных деятелей считали крайне важным и принципиальным для судеб своих народов. Именно в этой форме многонационального, избранного на демократической основе местного самоуправления они видели возможность для привлечения средств на нужды образования, медицинского обслуживания, развития путей сообщения в населенных «инородцами» районах. Земства также являлись для них прямым каналом вовлечения большего числа «инородцев» в непосредственное участие в решении насущных проблем и постепенного развития их активности. Уже в 1917 г. в бурятских районах Иркутской губернии и Забайкальской области возникли национальные органы, аналогичные земствам – от сомонов и хошунов до аймаков, во главе с Бурнацкомом. Несмотря на дискуссии с местными эсерами о полномочиях «аймачной» автономии, бурятские националисты в целом нашли поддержку у областников².

Свои предложения по расширению прав национальных земств бурятские деятели направили и в правительство А.В. Колчака. Они добились разрешения МВД на сохранение аймачных земств в качестве уездных «до законодательного разрешения вопроса». Но их стремление добиться утверждения должностей управляющих аймаками судей, воинских присутствий, земсоветов и управлений милиции было отвергнуто³. Стремясь обеспечить лояльность национальной элиты к властям, правительство, тем не менее, строго ограничило ее

¹ Там же. Л.66 об.

² См.: Народное дело. 1917. 10 сентября; Знамя революции. 1917. 3 августа.

³ ГА РФ. Ф.1701. Оп.1. Д.64. Л.37,48.

самостоятельность в пределах курса на «единую и неделимую Россию». Именно этим руководствовался в вопросе о бурятских земствах управляющий Забайкальской областью, писавший министру внутренних дел по этому поводу 13 сентября 1919 г., что недопустимо «образование государственных учреждений с каким-либо национальным, кроме русского, характером»¹. Он допускал лишь назначение в национальных районах помощников управляющих из бурят, подобранных им самим и работавших под контролем управляющих уездами из числа русских².

Не менее сложным было положение органов национального самоуправления на Алтае. Председатель Алтайской Горной думы И.И. Гуркин был обвинен в посягательстве на отделение Алтая и создание самостоятельной республики и 12 декабря 1918 г. заключен в Бийскую тюрьму до апреля 1919 г. Репрессированы были и некоторые другие каракорумцы. Все национальные съезды, собрания и другие мероприятия могли проводиться лишь с санкции гражданских и военных властей.

30 декабря 1918 г. постановлением правительства был образован Каракорумский уезд в составе Алтайской губернии. В 29 волостях уезда с 85879 жителями 45,2% (38826 чел.) составляли русские³.

Характерно, что крайне недоверчиво относились омские власти и к представителям сибирского областничества в целом. Так, уже осенью 1919 г. вновь, очевидно, по инициативе В.И. Анучина, был поднят вопрос об Ойротии. Председатель Совета Министров П.В. Вологодский писал в уездный отдел МВД 28 октября 1919 г.: «Ко всем предприятиям, где замешано имя Василия Ивановича Анучина, я отношусь недоверчиво. Анучин к организации республики Ойрат примазался совершенно со стороны ... и никакого отношения к тюрко-ойратс-

¹ Там же.

² Там же. Л.38.

³ ГА РФ. Ф.1701. Оп.7. Д.17. Л.46.

ким племенам Минусинского и Алтайского районов не имеет. Уже по одному этому я не придаю значения стремлению к образованию республики Ойрат, как стремлению народному. Это явление наносное, даже не вызванное к жизни алтайской интеллигенцией (которую всю можно по пальцам перечесть). Кроме того, – делал он важное добавление, – Горно-Алтайский съезд уже предрешил вопрос о строении государства Российского как федеративной республики, между тем это дело не компетенции нашего Правительства, а Всероссийского Учредительного собрания». Вологодский заявил о нецелесообразности рассмотрения Советом Министров ходатайства Анучина от имени республики Ойрат¹.

Анализируя перипетии взаимоотношений национальных масс и организаций Алтая с белыми и красными, Л.П. Мамет обратил внимание на определяющую роль в них межнациональных отношений. Напряженность, конфликты между русским крестьянством и алтайцами составляли не только основной фон, но и сущность политического процесса. Партизанское движение русских крестьян, объективно выступавших для алтайцев в роли колонизаторов и в то же время враждебно настроенных против национальных притязаний «инородцев», поддержанных белым режимом, «всею тяжестью обрушились на алтайское население. Были разорены целые аулы, и там, где проходили партизанские отряды, остались одно разорение и запустение»². Партизанщина, вызванная колчаковской реакцией, в то же время отталкивала алтайцев, столкнувшихся в ее лице с насилием, беззаконием, дискредитацией самой идеи Советской власти. В итоге «в основном алтайские массы были в белых отрядах»³, а разгул партизанской вольницы был приостановлен лишь в конце 1919 г. с приходом регулярных частей Красной Армии.

¹ Там же. Оп.1. Д.64. Л.25 и об.

² Мамет Л. П. Указ.раб. С.91.

³ Там же. С.92.

Итак, идейную основу Белого движения в Сибири после переворота 18 ноября 1918 г., в том числе в сфере национальной, составляли великодержавие, приверженность идее мощного единого и неделимого Российского государства, русский национализм, декларативная внепартийность. В специальном приказе о своих целях и задачах 29 июля 1919 г. Колчак заявлял: «Мы ведем борьбу за русское национальное дело восстановления Родины, как свободного, единого и независимого государства»¹.

Решение национальных проблем представлялось подчиненной общей цели свержения Советской власти и большевизма задачей. Доктрина «целокупной России» не предусматривала политического самоопределения народов, а реализация культурно-национальной автономии была крайне затруднена в условиях гражданской войны, что подтверждает опыт деятельности антисоветских правительств во всех регионах России в 1918–1920 гг. Это подтверждается и постоянным снижением статуса и роли органов, занимавшихся национальными вопросами. В то же время очевидная напряженность в их развитии, деятельность национальных организаций продолжали занимать немаловажное место во внутренней политике правительства Колчака.

Временное Всероссийское правительство, олицетворяющее центр всего Белого движения России, пыталось контролировать все национальные анклавные территории на занятой территории. Летом 1919 г. в Омск прибыла делегация башкир Челябинского и Троицкого уездов Оренбургской губернии. В записке на имя А.В. Колчака и правительства они указывали: «С уничтожением территориальной автономии Башкурдистана наши национально-культурные, духовные, земельные и другие вопросы остались без определенного разрешения».

В беседе с сотрудником омской газеты «Заря» М.И. Курбангалиев подчеркнул надежду на положительное решение

¹ Колчаковщина на Урале и в Сибири. 1919–1920. Архивные материалы библиотеки ИНИОН. М., 1992. Док.№ 80.

национальных проблем Башкирии властями. Это касалось, прежде всего, ходатайства о принятии специального постановления о признании национального самоопределения башкир, как равноправных граждан России, гарантий сохранения их земельного фонда с приостановкой переселенческой кампании до специального решения Учредительного или Национального собрания.

Кроме того, делегация намеревалась получить разрешение на созыв всебашкирского съезда в Челябинске или Уфе 15 июля 1919 г. и конференции башкир 2-х уездов Оренбуржья. Представители башкирских автономистов выразили протест против претензий татарских деятелей на общемусульманское представительство на международной мирной конференции. Туда по решению конференции татар (март 1919 г., Петропавловск) были направлены 2 делегата. Курбангалиев заявил, что они не представляют всех мусульман России, и делегация будет просить правительство известить об этом мирную конференцию, а также будет защищать свои интересы только через представителей, снабженных мандатами «правительства возрожденной России»¹. Демонстрация верности «всероссийской власти», однако не могла достигнуть поставленной цели. Сама идеология и национальная политика правительства кардинально изменилась. Областники справедливо указывали на примере отношений башкир с колчаковским режимом: «Когда даже существующие земские и городские учреждения находятся под опалой и в подозрении, то едва ли сейчас может иметь место какое-либо национальное самоопределение такого маленького народа, как Башкирия»².

В октябре 1919 г. представители башкир М.-И.И. Курбангалиев, А.Я. Антбаев и К. Тукаев, М. Шамгулов обратились с докладной запиской к Верховному Правителю. Перечисляя исторические заслуги башкир перед родиной со времени доб-

¹ В. К. Очерк областной жизни // Сибирские записки. 1919. № 3. С. 97.

² В. К. Очерк областной жизни // Сибирские записки. 1919. № 3. С. 97.

ровольного вхождения в Россию в 1553 г., они подчеркивали, что и с началом гражданской войны Башкирия сформировала 5 национальных полков, сражавшихся на стороне белых.

После занятия территории автономии Красной Армией и перехода части деятелей во главе с Валидовым на сторону Советской власти положение изменилось. Авторы перечисляли «преступные приманки» Советов, одновременно творивших произвол и репрессии против «непокорных», и заверяли Колчака в своей преданности. «В сущности, башкирский народ не стремился к созданию какого-либо отдельного государства, что замечается у других, он стремился только обеспечить национальный быт, историческое право на землю; восстановить изъятое историческое право Александром II на казачество в 1863 г. и обеспечить право на автономное Башкирское духовное управление»¹.

В записке говорилось, что правительство оказало финансовую помощь в 34 млн. руб. оренбургским и другим казакам, тогда как башкирское население на аналогичные нужды получило лишь 100 тыс. руб., да и те не дошли до адресата по формально-бюрократическим причинам. «Это отношение, – указывалось далее, – может плохо отразиться на солдатах-башкирах на фронте»².

Авторы ходатайствовали о создании отдельного башкирского казачьего войска во главе с назначенным Колчаком наказным атаманом и специальным главным управлением данного войска при военном министерстве. Кроме того, они просили образовать комиссию под председательством военного министра для разработки положения о войске, с участием башкир.

Далее содержались пункты о выделении беспроцентного кредита в 25 млн.руб. на 25 лет для восстановления хозяйств и помощи беженцам-башкирам в 5 млн.руб. Следующие ходатайства касались предоставления 22 мест башкирам в Го-

¹ ГА РФ. Ф.1700. Оп.1. Д.3. Л.202–203.

² Там же. Л.203.

сударственном земском совещании, пропорционально численности населения 2200 тыс.чел., в т.ч. 7 чел. по назначению Колчака, а также немедленном утверждении Положения о Духовном управлении Башкирии, подготовленного и представленного в Главное управление по делам вероисповеданий весной 1919 г.¹

Летом 1919 г. башкирские деятели ходатайствовали перед управлением по делам вероисповеданий о создании особого духовного управления и роспуске «возникших явочным порядком духовно-национальных учреждений тюрко-татар»². Этот факт отражал непрекращавшиеся конфликты между соперничающими между собой мусульманскими организациями. Если Национальное управление тюрко-татар внутренней России и Сибири претендовало на всемусульманские полномочия, то башкирские деятели всемерно отстаивали свою самостоятельность.

После включения Семипалатинской и Семиреченской областей в театр боевых действий было обращено внимание на местное население. В грамоте таранчинскому населению Семиреченской области от 16 июля 1919 г. Колчак приветствовал его «верность Отечеству и его законам... в борьбе с большевиками» и приказал местным военным властям определить и принять неотложные меры по оказанию продовольственной помощи беженцам из Китая, снабжению разоренного населения предметами первой необходимости и продовольствием, восстановлению его хозяйства и мечетей из казенных средств и открытию дешевого кредита для восстановления хозяйств. Министерству земледелия предписывалось после занятия Семиречья белыми наделить таранчей пахотными и другими угодьями по нормам, установленным для земледельцев области. Грамота должна была храниться в соборной мечети³.

¹ ГА РФ. Ф.1700. Оп.1. Д.3. Л. Л.203 и об.

² Там же. Д.45. Л.2,10.

³ ГА РФ. Ф.1700. Оп.7. Д.38. Л.498–499.

Положение белых на Семиреченском фронте характеризовалось острым дефицитом продовольствия, обмундирования, обуви, вооружения. Из-за разнонаправленности целей соединившихся сил армии Директории, затем Колчака, казачества, партизанских отрядов и алашских частей, а также слабости красноармейских отрядов, с другой стороны, ситуация на фронте отличалась неустойчивостью, что весьма болезненно отражалось на положении масс.

Средства населения Семипалатинской и Семиреченской областей, как и в других местах, широко привлекались для обслуживания армии. Разоренное предшествующими событиями население всячески сопротивлялось выполнению повинностей, поставляя непригодных лошадей, уклоняясь от встреч с властями. Земства не могли защитить его от грабежей мародеров и насильников. Как свидетельствовал Главнокомандующий войсками Директории В.Г. Болдырев, «маленькие атама-ны чинили суд и расправу, пороли, жгли, облагали население поборами за свой личный страх, оставаясь безнаказанными»¹.

По решению чрезвычайного Семипалатинского уездного земского собрания, от 8 апреля 1919 г. о порядке отбывания населением уезда подводной повинности, в правительство Колчака было направлено ходатайство об освобождении от нее. Собрание в своем решении отмечало, что уезд участвует в решении военной задачи «по свержению насильников-большевиков в Туркестане» и выполняет поставки за свой счет. Однако «естественные условия текущей зимы сурово отразились на благосостоянии населения... край пришел в полное разорение, население истощено, свирепствует голод, эпидемия, сил нет далее поставлять для войск подводы», – писал от имени земств алашординец Р. Марсеков. Однако ходатайства от 17 апреля не были удовлетворены. Телеграммы Алаш-Орды застревали в канцеляриях туземного отдела МВД и Совета Министров.

¹ Болдырев В.Г. Директория, Колчак, интервенты. Новониколаевск, 1925. С. 54.

Требования о поставках, еще более суровые и грозные, продолжали поступать из Омска¹.

Не менее бедственным было положение трудящихся в Семиреченской области, ставшей театром военных действий, что еще более усугубило разорительные последствия событий 1916–1917 гг. В марте 1919 г. Семиреченский комитет Алаш направил ходатайство в Омск о выделении области долгосрочной ссуды в 30 млн. руб. При этом половину суммы предполагалось получить безвозвратно для срочного приобретения семенного материала и продуктивного скота на восстановление хозяйств. Прошение было направлено через управляющего областью и уполномоченных 2-го отдельного Степного Сибирского корпуса атамана Анненкова и полковника Гулидова.

В своем докладе в правительство от 1 апреля начальник штаба 5-й дивизии Гулидов писал: «Киргизское население действительно всемерно идет на помощь войскам всем, чем только может, и несет всякого рода повинности не только безропотно, но и охотно, оказав и продолжая оказывать войскам услуги по доставке войсковых грузов. Большинство киргиз бедно; живут при самых ужасных антигигиенических условиях и влчат жалкое существование, питаясь, за отсутствием хлеба и муки, толченым зерном. Жестокие морозы и отсутствие фуража довершили бедствия киргиз значительным падежем скота. Оказание помощи киргизскому населению в силу этих обстоятельств желательно». В помощи нуждались 165 тыс. жителей области и беженцев, вернувшихся из Китая, пострадавших «от беспредельного грабежа советских комиссаро-держцев». Гулидов поддержал прошение казахского комитета. Одновременно за его удовлетворение выступило и областное правление. Оно просило долгосрочную беспроцентную ссуду в 10 млн.руб. в дополнение к уже запрошенным 18 млн.руб., а также 2 млн.руб. на нужды голодающего населения. При этом указывалось, что казачество области, составлявшее лишь 5,2%

¹ ГА РФ. Ф. 1701.Оп.1.Д.55.Л.3,4.

ее жителей, уже получило в январе 1919 г. аналогичную ссуду в 7,5 млн.руб¹.

В январе и марте в Семиречье были направлены 100 тыс. руб. и 2 тыс. м арабской бязи, 1 дезинфекционный аппарат, 1 дезинфекционная камера и 1 врач для борьбы с эпидемией. Министерство снабжения и продовольствия подготовило в ответ на ходатайство Семиречья сельскохозяйственный инвентарь для проведения восстановительных работ. В апреле он должен был направляться в область. Но эта помощь была мизерной и не могла ощущаться и в малейшей степени.

16 апреля 1919 г. в МВД направил докладную записку о положении коренного населения Семиречья член Алаш-Орды М. Тынышпаев. Он просил поставить вопрос об удовлетворении ходатайства в Совете Министров и прилагал сведения о количестве хозяйств и жителей-казахов в Семиречье, приблизительный подсчет необходимых средств, а также перечень необходимых мероприятий².

26 мая Особое совещание при правительстве заслушало прибывшего в Омск М. Тынышпаева. Управляющий делами совещания Т.О. Белоусов в своем докладе ссылаясь на ходатайство Тынышпаева к Верховному Правителю о помощи обездоленному «неурожаем, эпидемиями и хозяйничаньем большевиков» населению Семиречья. Он подчеркивал его лояльность к правительству, о чем свидетельствовало участие около 1000 джигитов Алаш-Орды в антисоветской борьбе. Совещание решило снять с обсуждения прошение Тынышпаева о выделении пособия в 26100 тыс.руб., сославшись на подготовку законопроекта о создании государственного продовольственного капитала для рассмотрения ходатайства и разработку министерства земледелия по поручению Колчака общего проекта государственной помощи всему населению области. К тому же Управление делами Совета Министров указало, что

¹ ГА РФ. Ф.1701.Оп.1.Д.36.Л.9,10,35,7.

² Там же. Д.35. Л.4–11, 20.См. также: Аманжолова Д.А. Указ.раб.

«среди киргизского населения нет юридического лица, которому можно было отпустить средства». Это еще раз подтверждало факт непризнания таковым Алаш-Орды¹.

11 июня состоялся прием представителей населения Семиречья у председателя Совета Министров в Омске, на котором делегация вновь доложила о положении края и просила предоставить продовольственную помощь². Результатом всех этих акций было заседание Комитета экономической политики под председательством министра земледелия Н.И. Петрова, 18 июня обсудившее доклад Переселенческого управления о мерах по восстановлению хозяйств области. Было признано, что этот регион особенно пострадал в экономическом отношении и требует неотложных забот со стороны правительства. Точных данных о размерах убытков коренного населения казачества, а также русского крестьянства, за исключением поселков Урджарского подрайона Лепсинского уезда не было. Приводились следующие сведения.

По данным комитета Алаш, было убито до 10 тыс. казахов, «причем красными уничтожались целые аулы. Лошади и крупнорогатый скот отбирались у киргиз в большем количестве, чем у оседлого населения». Аналогичные примеры приводились о положении таранчинских поселков Верненского и Джаркентского и Лепсинского уездов, жители которых бежали в Китай летом 1918 г.

Комитет одобрил доклад и решил «дать ему дальнейший законный ход», а также предложил выделить из государственного казначейства средства на заготовку сельхозинвентаря, семян, стройматериалов для нужд населения области и предоставить кредит на организацию ссуд по восстановлению хозяйств. Министерство земледелия в связи с этим запросило в правительстве ссуду в 45 млн.руб. «киргизам Семиречья, пос-

¹ ГА РФ. Ф.1701. Оп.1. Д.2. Л.93.

² Русская армия (Омск). 1919. 22, 13 июня.

страдавшим от большевиков»¹.

Вскоре Совет министров постановил выделить Семиречью 44979500 руб., из которых 17979500 руб. предусматривались для заготовки и снабжения пострадавших жителей сельхозинвентарем и стройматериалами и 27 млн.руб. – на выдачу долгосрочных ссуд с 5%-ным годовым кредитом для восстановления хозяйств. Были утверждены правила выдачи ссуд. Они давались в основном кредитным и ссудо-сберегательным товариществам и их объединениям, сельским и аульным обществам, отдельным товариществам сельских хозяев и показательным культурным хозяйствам на срок не более 5 лет с условием ежегодного погашения равными частями².

2 сентября на основе доклада управляющего военным министерством правительство выделило в его распоряжение 3 млн.руб. на расходы по выдаче вознаграждения населению Семиречья за предметы, реквизируемые на нужды армии. 2 млн.руб., выделенных казакам области Советом Министров 11 июня на продовольственную помощь, не дошли до адресата, так как по распоряжению военного министерства были направлены в октябре консулу правительства в Кульдже³. В целом реализация принятых решений была затруднена, прежде всего, в связи с военными обстоятельствами, все более складывавшимися в пользу Красной Армии.

В новых условиях, которые отличались усилением позиций шовинистов, националы оказались в сложном положении. Само существование их органов противоречило представлениям омских властей о перспективах российской государственности. Уже в первые дни после прихода к власти А.В. Колчак получил из Семипалатинска документы о продолжении рабо-

¹ Там же. 1919. 21 июня; Кустанайский листок. 1919. 12 июня; Бюллетень Осведомительного отдела Штаба Верховного Главнокомандующего. 1919. 1 июля; 1919. 30 сентября.

² ГА РФ. Ф.1701. Оп.1. Д.36. Л.17–18.

³ Русская армия. 1919. 5 сентября; Там же. Д.35. Л.103.

ты Алаш-Орды по сбору податей и др. На докладе он наложил следующую резолюцию: «Сохранить старый порядок определения полномочий Алаш-Орды центральным правительством. Министерству Внутренних Дел поручить спешную разработку этих вопросов»¹.

Прежние отношения характеризовались, однако, полной неопределенностью и перманентной конфликтностью. Восстановление же порядка и государственной целостности в условиях гражданской войны не могло происходить иначе, как насильственными методами.

В то же время по поручению Колчака МВД занималось определением взаимоотношений с Алаш-Ордой. Пытаясь придать законность действиям правительства по ликвидации самостоятельного национального органа и показать преемственность политики нового режима с решениями Директории, оно образовало междуведомственное совещание. Как и в отношении других национальных структур, оно должно было подготовить особое положение о Главноуполномоченном и постановление об органах управления Алаш². Для участия в нем были приглашены представители Алаш-Орды. В интервью «Сибирской речи» один из них, вероятно, А. Букейханов, заявил: «6-миллионный кайсак-киргизский народ твердо верит, что образование такого правительства, как Алаш-Орда, поднимет его на надлежащую высоту культуры и просвещения, содействует развитию его хозяйства, сохранит его в целом как народность кайсак-киргизской нации и, наконец, она завоюет «равноправие» одинаково перед сынами России.

В этом самоопределении кайсак-киргизский народ во главе с правительством Алаш-Орда не видел отделения от России, наоборот, себя считал должником России и считал своим долгом перед родиной работать рука об руку в контакте с государственно мыслящими людьми, идущими на встречу воз-

¹ ГА РФ. Ф.1701. Оп.1. Д.6в. Л.70.

² ГА РФ. Ф.1701. Оп.1. Д.6б. Л.12.

рождению России»¹. Таким образом, руководство Алаш стремилось последовательно отстаивать автономию.

Противоположной этим планам была позиция правящих кругов Омска. Уже в январе 1919 г. управляющий министерством туземных дел докладывал в Совет Министров, что после упразднения Директорией существовавшие ранее политические организации Алаш-Орда, Башкурдистан и т.п. начинают приобретать замаскированный характер в виде культурно-религиозной организации и предполагается их независимое от государственной власти существование. Он считал, что национальное объединение мусульман может быть допущено только в порядке образования частных обществ и союзов при их точной регистрации².

Колчаковский режим не только не предусматривал предоставление политической самостоятельности народам России, но и возобновил проводившуюся царизмом дискриминацию в отношении «инородцев», в том числе в аграрной сфере. На основе статистического обследования казахских хозяйств Акмолинской, Семипалатинской и Тургайской областей 1909 г. министерство земледелия сделало вывод, что для имеющихся в них 11352 тыс. голов скота достаточно предоставить по 10 десятин земли на голову. Несмотря на проведенные уже изъятия, указывало оно, казахи имеют по 101 десятине земли на единицу скота, в т.ч. в Акмолинской области было обнаружено 16985 десятин земли, из которых около 7,5 тыс. считались излишними на основе обследования 1907–1911 гг.³ Действовавшее при правительстве Переселенческое управление планировало, не учитывая происшедших в крае с тех пор изменений в численности населения и состоянии хозяйств, возобновить переселенческое движение в эти районы.

¹ Сибирская речь. 1919. 19 февраля.

² ГА РФ. Ф.1701. Оп.1. Д.55. Л.5.

³ Известия министерства земледелия. № 3–4. 1919. 1 февраля. С. 19. № 7–8. 1919. 5 марта. С. 20–21.

Проправительственная пресса дружно критиковала претензии националов. «Правительственный вестник» обвинял их в союзе с эсерами на Уфимском совещании и поддержке их «во всех спорных боевых вопросах». «Такое сильное представительство инородческих групп населения» в деле создания русской национальной власти казалось автору статьи «Социалисты-революционеры и Алаш-Орда» В. Донскому очень странным. Кадетская «Свободная речь» (Семипалатинск) протестовала против назначения А. Букейханова Главноуполномоченным по управлению краем и считала «несвоевременной, а потому гибельной политикой автономии для некультурного номада». Самого Букейханова она характеризовала как «обыкновенного главаря, преследующего лишь интерес отдельной группы интеллигентов киргиз», а не волю всего казахского народа¹.

В таких условиях 11 февраля под председательством товарища министра внутренних дел П.Ф. Коропачинского в Омске состоялось предварительное межведомственное совещание «по вопросам административно-хозяйственного устройства казак-киргизского народа». На нем присутствовали представители министерств внутренних и иностранных дел, юстиции, финансов, переселенческого управления и другие, а также председатель Алаш-Орды А. Букейханов и ее члены В. Таначев и А. Турлыбаев. Совещание должно было наметить пути реализации известного указа Директории об Алаш-Орде, но не могло рассматривать вопрос о создании представительного органа Алаш, так как это предусматривалось лишь после созыва Учредительного собрания.

Букейханов в своем выступлении кратко изложил историю создания Алаш-Орды, решения всеказахских съездов 1917 г. и указал на подчинение Алаш-Орды требованиям Директории о прекращении деятельности областных правительств. «... мы

¹ Правительственный вестник. 1918. 6 декабря; Свободная речь. 1919. 9 февраля. Подробнее см.: Аманжолова Д.А. Указ.раб.

пришли сюда, как братья, – подчеркнул он. – Киргизский народ не питает сепаратистских замыслов... Мы – западники. В своем стремлении приобщить народ к культуре мы не смотрим на Восток... Получить культуру мы можем... через Россию, при посредстве русских. Мы пришли сюда с единственным желанием устроить порядок, необходимый для того, чтобы страна могла дойти до Учредительного собрания»¹. Вся направленность его доклада подтверждала желание преодолеть барьер недоверия колчаковской бюрократии к автономистам, достигнуть приемлемого компромисса с ней.

Председатель совещания предложил рассматривать вопросы о земском самоуправлении и административных органах надзора, устройстве суда для обеих частей населения – казахского и русского. В ответ Букейханов заострил внимание на том, что «наиболее большим вопросом нашей жизни» является восстановление национального суда, способного энергично и эффективно решать многие дела с учетом самобытного уклада жизни казахов. Кроме того, он предложил поручить Алаш-Орде организацию сельского управления и смешанного земства, и назвал приемлемым для края закон Временного правительства о земстве от 17 июня 1917 г., который лидеры Алаш считали важным завоеванием революции и настойчиво отстаивали все время.

Оставаясь верным принципам движения, он охарактеризовал политику Переселенческого управления в крае как завоевательную, направленную на вытеснение коренного населения с лучших земель, изъятие мечетей и т.д. Букейханов потребовал от совещания рассмотреть аграрный вопрос. «Отнимать у киргиз земли и потом сдавать их им же в аренду значить подготавливать в степи аграрные беспорядки», – считал лидер Алаш-Орды. Кроме того, он поставил вопрос о предоставлении ее органам на местах права налогообложения².

¹ Алаш-Орда. С.116–117.

² Алаш-Орда. С.117–118.

Однако, несмотря на все усилия, понимания алашординцам добиться не удалось. Ссылаясь на непровомочность совещания решать вопрос о земстве и милиции, а также на нерешенность их прежним Сибирским правительством, члены совещания предложили ограничить обсуждение проблемами самоуправления и взаимоотношений между национальными органами и правительством. Букейханов попытался вновь вернуться к вопросам о суде, земле и милиции, предложив на обсуждение готовый проект и материалы по вопросу о суде. По аграрной проблеме он высказался за возврат к решению 1917 г. Он подчеркнул также, что народная милиция по сути дела является национальной армией, которая внесла решающий вклад в успехи белых в Семиречье¹.

После выступления других участников совещания, сводившихся к отказу решать поставленные Алаш-Ордой вопросы, ее представитель В. Таначев заявил: «Мы мыслим работу комиссии в рамках Указа 22 октября (4 ноября) 1918 г., нам же предлагают по разным вопросам входить предварительно в различные Министерства.... Нужно выяснить положение этой комиссии, входит ли в ее компетенцию рассмотрение указанных вопросов». По вопросу деятельности Главноуполномоченного по Алаш-Орде он отметил, что его «мы мыслим, как лицо, на правах генерал-губернатора или с правами статс-секретаря Индии...» Совещание предложило обращаться в соответствующие министерства и передало материалы Алаш-Орды в комиссию, приостановив работу до получения точных директив ведомств и уточнения своей компетенции². Алаш-Орда, таким образом, ставилась в положение обыкновенного ходатая по местным административным и хозяйственным вопросам.

¹ Там же. С.118–119.

² Алаш-Орда. С.120. Главой индийского государственного аппарата с титулом вице-короля Индии был генерал-губернатор. Как правило, он назначался из крупных деятелей буржуазных партий Англии, не зависел от законодательных учреждений Индии, подчинялся министерству по делам Индии, нес ответственность перед английским правительством и парламентом.

После совещания МВД подготовило записку о взаимоотношениях с Алаш-Ордой. В ней отмечалось, что при создании единого государства необходимо учитывать задачу обеспечения надежного тыла путем привлечения на свою сторону «не только государственно мыслящих элементов общественности, но и в возможной мере широких масс населения, ... почти совершенно апатичных». Далее говорилось, что с этой целью «необходимо совершенно отказаться от старых методов русификации, а строить государство при условии согласования интересов господствующей народности с интересами отдельных национальностей... политика ведомства в отношении народностей киргизских может лишь только быть благожелательной». Было предложено исходить из признания права на культурно-национальное самоопределение, на основе «полного доверия к туземным народностям вообще и к киргизам в частности», оказывать «временное содействие в поднятии духовного уровня, экономического благосостояния на началах, соответствующих их бытовым и хозяйственным особенностям»¹.

МВД предполагало переработать и изменить действующее аульное и волостное положение об инородцах, придать им характер национальных органов управления и самоуправления, а также сохранить принцип смешанного представительства городских и земских органов. Контроль за законностью действий всех этих органов должны были вести помощники управляющих уездами по туземным делам, управляющие областей и их помощники по туземным делам. В целом же деятельность и надзор за туземными самоуправлениями и управляющими должны были бы осуществлять Главноуполномоченный и его помощники. При этом в областях и уездах с преимущественно коренным населением один из помощников назначался бы Главноуполномоченным и министерством по представлению управляющих областями из лиц данной национальности. Главноуполномоченный в свою очередь назначался Советом

¹ ГА РФ. Ф.1701. Оп.1. Д.66. Л.12, 13.

Министров по представлению МВД. На заседании Совета Министров 11 апреля 1919 г. эта записка была заслушана и принято решение вернуть ее в министерство для переработки и указания в проекте постановления четких принципов «политики Российского правительства по вопросу об инородцах»¹.

Туземный отдел МВД приступил к разработке «Положения о Главноуполномоченном по управлению делами, касающимися культурно-бытовых и экономических нужд казак-киргизских народностей». По предложению земского отдела на места были командированы представители туземного отдела, призванные изучить объем, права и круг деятельности внутренних органов управления «среди киргизского населения» и собрать соответствующий материал. Уполномоченный отделом Г. Малахов 2 мая встретился с представителями казахского населения в Семипалатинске. В своем отчете он указывал, что на местах не существует волостных и уездных органов власти и суда Алашской автономии. Более того, встречавшиеся с ним жители выступали против требований Букейханова, выдвинутых на февральском совещании в Омске, и поддерживали позицию правительства относительно статуса Алаш-Орды. Они предложили подчинить управляющих областями Главноуполномоченному по краю и согласились на их назначение с учетом мнения Главноуполномоченного, которому просили придать статус министра, подчиненного лишь правительству. Очевидно, эта инициатива исходила от противников и соперников движения Алаш. Еще в январе они направили в МВД телеграмму с просьбой не допускать назначения Букейханова Главноуполномоченным².

Со своей стороны члены Семипалатинской организации Алаш Р. Марсеков, А. Козбагаров, С. Дюсенбинов, Х. Габбасов, М. Тынышпаев, а также член I и II Думы А. Беремжанов

¹ Там же. Л.151.

² ГА РФ. Ф.1701. Оп.1. Д.4. Л.28; Д.6в. Л.138–139, 106,107; см. также: Аманжолова Д.А., Тормозов В.Т. Указ.раб.

6 мая направили в МВД специальную обширную записку. Она была инициирована приездом Малахова и планами ведомства относительно судьбы автономии и ее органов. В записке подчеркивалась приверженность казахов идее возрождения Российского государства, ради которой теперь он сдерживает свои национальные чаяния и «мирится с указом Временного Всероссийского Правительства от 4 ноября 1918 г.». Представители Алаш выступили за скорейшую реализацию указа и предложили при организации национального управления в крае опираться не на материалы командированных министерством лиц, а на указания представителей Алаш-Орды, ведущих переговоры в Омске.

В записке излагались основные принципы, на которых Алаш-Орда считала возможным строить управление краем в новых условиях. В частности, Главноуполномоченный, заменявший Алаш-Орду, должен был, по мнению авторов, подчиняться не МВД, а Совету Министров. При Главноуполномоченном предлагалось создать Совет. «Управление на местах должно быть построено на принципе национальном», и это должны быть основные административные и милицейские органы, подчиненные Главноуполномоченному, а также прежние земства. Для решения религиозных дел в специальный Совет при нем вводились лица духовного звания. Должностные лица казахского управления могли также вести внешнеполитические дела казахов – подданных России¹. Таким образом, выступая согласованно с депутацией Алаш-Орды в Омске, авторы добивались сохранения национального представительства в новой структуре управления.

7 июля делегация Семипалатинского земства (Марсеков, Бердалин и Кунанбаев) была принята председателем Совета Министров П.В. Вологодским. Суть их ходатайства заключалась в ускорении рассмотрения правительством законопроекта о суде. Кроме того, они настаивали на решении вопросов

¹ ГА РФ. Ф.1701. Оп.1. Д.6в. Л.183–184.

административного устройства области и регулировании земельных отношений, просили содействия в обеспечении населения продовольствием и прекращении гонений на местах на казахскую интеллигенцию¹.

В своем стремлении обрести один из основных государственных институтов – национальный суд – алашординцы были не одиноки. Уже в апреле 1918 г. Центральный Национальный Комитет бурят-монголов Восточной Сибири во главе с Э.Д. Ринчино опубликовал «Новеллу №3 об устройстве народно-национального суда» (Чита. 1918). Предлагалось на основе выборности, гласности, состязательного начала создать суды трех степеней. Они должны были при разборе дел руководствоваться народными обычаями и существующим законодательством, «поскольку они отвечают народному правосознанию»².

Рассмотрение этого проекта оказалось в поле зрения колчаковского правительства в июне 1919 г. Высказывая свои соображения о нем, управляющий Иркутской областью С.А. Таскин подчеркивал «чрезвычайно широкую компетенцию», которая предоставляется в документе национальным судам. Он указывал на отсутствие подготовленных юридических кадров из числа бурят, финансовую беспочвенность проекта и его утопичность в целом, «зная бурятскую массу, этих темных, невежественных номадов, всецело находящихся еще на первобытной ступени развития политического, социального и экономического»³.

Основанием для категорического неприятия проекта служила и его статья о возможности рассмотрения в бурятском суде дел с участием лиц другой национальности, по взаимному согласию сторон⁴. Таскин подчеркивал различия в уровнях

¹ Правительственный вестник. 1919. 9 июля; Русская армия. 1919. 10 июля.

² ГА РФ. Ф.1701. Оп.1. Д.15. Л.8.

³ ГА РФ. Ф.1701. Оп.1. Д.15. Л.4.

⁴ Там же. Л.11 об.

«правосознания» бурята и русского. «Если бы народное правосознание покинуло свои изолированные пути развития и слилось с общим течением национально-государственного правообразовательного творчества, тогда не могло быть и речи об особых судах для бурят и русских», - считал он. К тому же, по мнению управляющего, принятие подобного рода статьи может привести к обострению национальных взаимоотношений, что уже происходило между бурятами и русскими крестьянами по поводу землепользования¹. Вероятно, дальше канцелярской переписки вопрос о бурятском суде не пошел. Документы о его судьбе не обнаружены.

Казахским автономистам удалось добиться в этом отношении значительно большего. Режим А.В. Колчака не мог не считаться с имевшими определенными военными силами, достаточно хорошо организованные властные структуры Алаш, политический авторитет и связи лидера Алаш-Орды А.Н. Букейханова и, разумеется, значение края как источника сырья и ресурсов, к тому же непосредственно ставшего театром боевых действий.

Букейханов был приглашен участвовать в работе комиссии по организации суда и административного управления среди казахского населения, а также введен в состав Государственного экономического совещания под председательством Г.К. Гинса, которое начало работу 19 июня². Уже в марте 1919 г. специальная комиссия министерства юстиции занималась детальной разработкой положения о суде, а в апреле она закончила подготовку проекта закона о казахском суде и передала его в юристоконсульскую часть МВД. В его основе был, видимо, подготовленный Алаш-Ордой проект. 21 августа Верховный Правитель подписал постановление Совета Министров «Об утверждении положения о киргизском суде». Министру юсти-

¹ Там же. Л.4-5.

² Приишимье. (Петропавловск). 1919. 25 марта; ГА РФ. Ф.1701. Оп.1. Д.38. Л.186; Русская армия. 1919. 21,26 июля.

ции было поручено выработать расписание округов и штаты отделов окружных судов по киргизским делам, уездных и волостных киргизских судов¹.

Волостные, уездные суды и отделения окружных судов по казахским делам возглавляли судьи, владеющие казахским языком «и письменностью, по преимуществу киргизами» и работали на казахском языке. Они рассматривали уголовные и гражданские дела, предусмотренные Положением, «возникшие между сторонами киргизами», а также в случае, если одной из сторон является лицо неказахской национальности, «выразившее, однако, согласие судиться в означенных судебных учреждениях». В окружных судах должны были участвовать присяжные заседатели, «избираемые как из киргизов, так и других лиц, владеющих киргизским языком» в установленном порядке.

Все суды избирались на 3 года. Волостной суд состоял из одного судьи и 12 баев, а также 2 кандидатов к ним. Выборы судей проходили тайно на собраниях выборщиков от аульных съездов. Положение подробно регламентировало порядок избрания выборщиков и судей, проведения заседаний и разбора дел в судах, полномочия судей. При решении гражданских дел волостные суды руководствовались местными обычаями, а при их отсутствии – общегосударственными законами².

Положение в целом было построено на основе буржуазного права и было важным достижением Алаш-Орды в сложных условиях войны и политического давления, которому она постоянно подвергалась.

Сведений об утверждении должностей Главноуполномоченного по управлению краем и установлении порядка управления Казахстаном не обнаружено. Вероятно, общий ход событий, прежде всего военные неудачи, не позволили режиму Колчака завершить эту работу.

¹ ГА РФ. Ф.1701. Оп.1. Д.6а. Л.73; Сибирская речь. 1919. 10 апреля; РГВА. Ф.39597. Оп.1. Д.47с. Л.181–184.

² Правительственный вестник. 1919. 10 сентября.

Откладывая всякое конкретное обсуждение предложений национальных представительств до окончания войны, когда станет возможным созыв полномочного Учредительного собрания, правительство П.В. Вологодского постоянно отказывало в официальном признании и Национальному управлению тюрко-татар внутренней России и Сибири. Всеми его делами занималось управление по делам вероисповеданий министерства внутренних дел, что само по себе показательно. Способствовало этому и неустойчивое положение самого управления, против претензий которого на всемусульманское влияние в регионе активно выступали башкирские автономисты. После взятия войсками Красной Армии Уфы управление переехало в Омск и попыталось повысить свой авторитет в глазах правительства формированием мусульманских военных отрядов «Зеленого знамени». Однако эта акция провалилась – политическая неразвитость национальных масс, реквизиции, дороговизна, насилия и другие неперемennые атрибуты военного времени не вызывали у трудящихся и малейшего желания воевать за малопонятные им лозунги русской власти¹.

Сторонников культурно-национальной автономии по-прежнему представляли Национальное управление тюрко-татар внутренней России и Сибири (И.А. Ахтямов) и мусульманское духовенство (Валеев, Абдулкаримов). Они проводили определенную работу в сфере образования. Так, Тобольское земство летом 1919 г. организовало губернские мусульманские курсы, на которых обучалось 100 учащихся начальных училищ, в том числе 18 девушек и 3 муллы. Занятия вели педагоги мусульманских учебных заведений². Разработанное Национальным управлением положение о ее реализации, организаций многочисленных прошений, депутатий, ходатайств от мусульманского населения и его структур получали поддержку в правительстве лишь на уровне деклараций и проектов,

¹ Свободная Сибирь. 1919. 18 октября.

² ГА РФ. Ф.1700. Оп.7. Д.38. Л.407.

ориентируя на послевоенное законодательное утверждение в Учредительном собрании и созданных им органах власти¹.

Одной из важных мер, способных при устойчивом положении колчаковского правительства повлиять на развитие национальной самодеятельности, могло быть последовательное введение земства во всем регионе. На этом настаивали еще с дореволюционных времен сибирские областники и представители местных «инородцев». Летом 1919 г. правительство заявило о намерении созвать земское государственное совещание², в котором должны были принять участие и национальные деятели. Так, предлагалось избрать на совещании по три выборных от мусульманского прихода и направить делегатов Национального управления тюрко-татар внутренней России и Сибири. Однако последние отчаянно сопротивлялось положению, когда управление выступало лишь в качестве органа религиозной общины и не признавалось «за национальную единицу с более широкими запросами в области не только духовной, но и культурно-национальной»³. От имени мусульман Верхнеудинска, Зимы и других городов в правительство направлялись ходатайства о скорейшем признании культурно-национальных органов автономии⁴.

Национальное управление тюрко-татар демонстративно заявило об отказе участвовать в земском совещании, «пока соответствующим правительственным актом не будет установлен определенный взгляд на национальный вопрос»⁵. Однако все эти акции не принесли успеха. По мнению управляющего МИД, Национальное управление тюрко-татар внутренней России и Сибири проникнуто «тенденциями панисламизма,

¹ Там же. Ф.1701. Оп.1. Д.64. Л.9, 11, 10, 12, 13–15.

² Бюллетень Осведомительного отдела штаба Верховного главнокомандования. 1919. 3 августа.

³ ГА РФ. Ф.1701. Оп.1. Д.64. Л.8.

⁴ Там же. Л.9,11,14–15.

⁵ ГА РФ. Ф.1701. Оп.1. Д.64. Л.8.

действует в узко национальном духе... стремится подчинить своему влиянию другие народности, исповедующие ислам». Это не только заставило башкир «предпринять меры самозащиты», но и «резко расходится с политикой правительства в области национальных дел»¹. Столь негативное отношение к Национальному управлению не смогли изменить ни предложения членов Учредительного собрания, активных участников мусульманского движения с дореволюционных времен Г.Х. Терегулова и И.А. Ахтямова, направленные правительству, ни ходатайство посла в Париже В.А. Маклакова о поддержке просьбы бывшего члена Думы С. Максудова об издании акта о признании культурно-национальных органов мусульман, переданной через князя Г.Е. Львова².

По разрешению А.В. Колчака в конце 1919 г. в Иркутске должен был состояться экстренный съезд мусульман Сибири и беженцев мусульман из других районов России³. Но в самом мусульманском движении по-прежнему не было согласия между федералистами и сторонниками культурной автономии, а политическая активность мусульманских организаций оценивалась министерством внутренних дел как опасное проявление панисламизма и узкого национализма, резко расходящееся с национальной политикой правительства⁴. В таких условиях практически все проекты националистов крайне редко преодолевали бюрократические преграды многочисленных ведомств, занимавшихся разными сторонами положения иногородцев – земледелия, переселенческого управления, управления по делам вероисповеданий, министерства внутренних дел, продовольствия и снабжения, военного и других.

В каждом из них было немало специалистов, имевших значительный опыт работы в национальных окраинах, участ-

¹ Там же. Л.12.

² Там же. Л.10 и об., 13.

³ ГА РФ. Ф.1700. Оп.1. Д.3. Л.214.

⁴ Там же. Ф.1701. Оп.1. Д.64. Л.12.

вовавших в этнографических, экономико-статистических, исторических исследованиях по линии Русского Географического Общества с начала века, проводивших правительственную политику в провинции с дореволюционных времен и хорошо знавших немногочисленных национальных деятелей Сибири, Степного края и Туркестана. Они были экспертами, разработчиками основных постановлений и законов, касавшихся национального вопроса, и, безусловно, признавали объективную необходимость решения основных проблем жизни «инородцев», доставшихся в наследство от царского и Временного правительств. Однако общая организационная и идеологическая слабость, политическая раздробленность Белого движения, объединившего крайне пестрые силы, подчас с прямо противоположными представлениями о национальной политике и государственном устройстве страны, отсутствие гибкости и прагматизма в отношениях с национальными движениями, нежелание идти на уступки и «верность» традиции «спокойной законотворческой работы» в мирных условиях, а главное – военно-политические неудачи и поражение в итоге сделали национальную политику неэффективной и крайне сузили социальную опору белых.

Как признавал К.В. Сахаров, «задавшись обширными и громоздкими программами во всероссийском великодержавном масштабе, создавали на бумаге проекты их будущего выполнения и наряду с тем не делали маленького незаметного повседневного дела, необходимого для рядового обывателя, для семьи, для массы населения»¹.

Примером служит разработка принципов управления Россией в будущем.

3 ноября 1918 г. была утверждена комиссия по выработке положения о выборах во всесибирский представительный орган. В нее вошли делегаты съезда представителей губернских организаций сибиряков-областников и потанинского круж-

¹ Сахаров К. В. Указ. раб. С. 163.

ка, совета сибирских съездов представителей торговли и промышленности, член высшего судебного установления по назначению правительства, представители фракций областной думы (эсеры, социал-демократы, фракции национальностей, объединенной фракции областников и беспартийных – по 1 чел.), почетный гражданин Сибири Г.Н. Потанин, представители сибирского объединения профсоюзов, совета Всесибирских кооперативных съездов, земств, городов, казачьих войск Сибири, национальных организаций казахов, татар, бурят и якутов. Кроме того, в комиссию были включены представители научной общественности Сибири¹.

После переворота 18 ноября 1918 г. комиссия была преобразована в орган по подготовке Всероссийского представительного собрания учредительного характера и областных представительных учреждений. Комиссию возглавлял А.С. Белевский. В ней рассматривались предложения общественных и национальных организаций, их делегаты включались в ее законотворческую работу.

Комиссии пришлось заниматься и региональными образованиями и проектами. Так, 9 августа 1919 г. она заслушала представителей Дальнего Востока А.Н. Алексеевского и казахских автономистов В. Таначева, А. Турлыбаева и С. Джантюрина «на степень и размеры децентрализации управления, на возможные формы развития местных автономий, на границы будущих автономных областей и характер областных представительных органов»².

Представители Алаш-Орды (казахская автономия) подчеркнули свою приверженность идее федерализма и стремление обеспечить национальную самобытность на основе автономии, не связанной с сибирским представительством: «Территория всего киргизского народа будет единой административной областью». При этом проблема справедливого

¹ ГА РФ. Ф.4707. Оп.1. Д.6. Л.14, 12.

² Там же. Д.2. Л.43, 65.

землеустройства всех народов, населяющих край, должна быть решена на основе общегосударственных законов, предоставляющих «избытки земли в целях колонизации» без ущерба экономическим интересам казахов¹.

На заседании комиссии 3 августа 1919 г. алашординские представители В. Таначев, А. Турлыбаев и С. Джантюрин последовательно отстаивали право на национально-территориальную автономию. Они подчеркивали приверженность идее федеративного устройства России, вне которой не представляли национальную государственность казахов. Таначев заявил: «Киргизы желают получить автономию, но не конкретизируют вопрос, в какую форму она выльется, вероятнее всего, в форме создания единого для всего киргизского народа представительного органа. Стремление к выделению в свободную область в народных низах диктуется желанием сохранить свои бытовые и национальные особенности, – подчеркнул он. – Никаких тенденций сепаратизма у киргизского народа нет, и он не мыслит отдельно от Российского государства существования своего»².

Главная цель автономистов заключалась в едином управлении казахского населения, разделенного административными границами. При этом прозвучала мысль об отказе от включения в состав автономной Сибири. Немаловажно было и то, что с образованием автономии алашординцы связывали решение земельного вопроса и прекращение колонизации Казахстана в прежних «формах насильственной экспроприации», законодательное решение проблемы с учетом специфики кочевого и оседлого животноводства и природно-климатических условий края.

В итоге комиссия признала серьезность задачи определения границ автономий и невозможность игнорирования требований отдельных регионов о самоопределении³.

¹ ГА РФ. Ф.4707. Оп.1. Д.2. Л.67 и об.

² Там же. Л.66–67.

³ Там же. Л.67–68.

Правительство Колчака занималось также вопросами территориально-административного устройства других областей. В частности, рассматривалось Положение об управлении Степными областями и Туркестаном. При этом были привлечены проекты комиссии Н.И. Астрова, действовавшей при правительстве Вооруженных сил Юга России А. И. Деникина. В них практически восстанавливалось жестко регламентированное унифицированное управление национальными анклавами через назначенных центром Главноначальствующих. Последние обладали всей полнотой власти, декорируемой советательным, бесправным по сути, органом при нем – советом из представителей ведомств, почетных аксакалов от коренного населения, доверенных от эмира Бухары и хана Хивы¹.

Обсуждение, таким образом, продемонстрировало невозможность игнорирования претензий регионов и народов Сибири на самоуправление. Зафиксировав это, комиссия пришла к примечательному заключению: «Центральная Сибирь в лице областнического течения не желает подавлять автономии окраин и не настаивает на общесибирском представительном органе, допуская соглашение с окраинами, которые должны иметь место в первом Сибирском представительном собрании, относительно границ тех районов и местностей, которые пожелают образовать самостоятельные автономные области. При этом следует отметить, что есть сильное течение за предоставление автономий существующим крупным административным делениям»².

13 августа в комиссии выступил представитель Северной области кн.И.А. Куракин. Он отметил, что в этом регионе идея областничества не имеет широкой опоры среди русского населения, ограничивающегося требованием введения земств и городским дум. В то же время «отчасти под влиянием панфинской политики, отчасти вследствие поддержки интересов мел-

¹ ГА РФ. Ф.1700. Оп.7. Д.43. Л.20–21.

² Там же. Ф.4707. Оп.1. Д.2. Л.68.

ких племен англичанами», автономистские настроения были зафиксированы у карелов. По мнению Куракина, эти проявления не получили большого распространения и никак не могли быть связаны с ориентацией на государственную самостоятельность¹.

23 августа 1919 г. комиссия заслушала доклад заместителя председателя Н.Н. Козьмина о Сибирском автономном областном управлении.

Подкомиссия Н.Н. Козьмина подготовила проект сибирского управления, внося его на рассмотрение и утверждение Совета Министров. По нему Сибирь являлась «нераздельной частью» России, русский язык – общегосударственным, с употреблением местных языков на основании особых законов. Территория автономии складывалась на основе согласия населения губерний и областей, а в Сибирский областной совет на 4 года избирались по 2 представителя земств, казачьих войск и каждого «туземного племени». В число назначаемых генерал-губернатором членов совета также должны были входить не менее 3-х человек, «обладающих близким знакомством жизни сибирского севера и не ограниченных туземных племен»².

Специальный раздел в схеме организации сибирского автономного областного управления был посвящен «управлению туземными племенами». В нем указывалось, что компактно проживающие этносы образуют самостоятельные земства со всеми полномочиями в сфере управления и хозяйства обычных земств. В ведение этих органов самоуправления или существующих уже национальных структур должны были передаваться «все дела, относящиеся к их вере, языку и просвещению». По этим, а также хозяйственным вопросам, национальные организации и земства могли вступать в соглашения и постоянные союзы.

¹ ГА РФ. Ф.4707. Оп.1. Д.2. Л.70 и об.

² Сибирские записки. 1919. № 6. С.81, 91–92.

Для координации национальной политики и реализации мер культурного и экономического развития народностей Сибири предполагалось создать совет туземных дел во главе с членом облсовета, инородцем, управляющим туземными делами. В него должны были войти члены облсовета Сибири от национальностей и назначенные в него специалисты «по делам туземных племен», а также делегаты от «неорганизованных» этносов. Для организации работы совета принимался специальный областной закон.

Специально оговаривался аграрный вопрос: «Организованным туземным племенам оставляется распоряжение всем земельным фондом, находящимся в их фактическом обладании». Любые изъятия из него могли проводиться только на основе областного законодательства в каждом отдельном случае. То же самое относилось и к увеличению земельного фонда инородцев. В перечень областных дел, прилагавшийся к проекту, были включены два пункта по национальной политике. Автономная Сибирь должна была ведать делами инородцев и областным законодательством по ним, а также осуществлять высшее руководство землями инородцев, изменением их состава и размера¹.

Таким образом, в условиях, когда официальный курс правительства в национальном вопросе отвергал все прежние установки находившихся у власти эсеров, областники продолжали попытки реализовать свою программу на законодательном уровне. Очевидно, подобное поведение было продиктовано надеждами на поддержку оставшихся в Совете Министров бывших членов Временного Сибирского правительства, официальными заявлениями Колчака о готовности законодательно решить проблему демократизации управления России, в том числе в национальной области, после победы над большевиками, что, впрочем, делалось во многом под давлением союзников. Реальная же политика режима жестко подчиня-

¹ Сибирские записки. 1919. № 6. С.93–94.

ла все интересам войны и строгой централизации экономики, социально-политического и культурного развития.

На заседании Козьмин, один из активных областников, указал: территория будущей автономии должна охватить Сибирь от Урала до Охотского моря. Дальний Восток не может претендовать на самостоятельность в силу малочисленности населения, казахи же под давлением хозяйственных и географических условий, экономических интересов будут вынуждены присоединиться к Сибири на особых условиях, с соглашением о спорной 10-верстной полосе у Иртыша.

По мнению большинства комиссии, военное дело, суд, финансы, внешняя политика относились к ведению общегосударственных органов власти, а вопрос о Сибирской автономии окончательно могло решить Всероссийское Учредительное собрание, так же, как полномочия областной власти определяются центральными законодательными органами. Обсуждение было решено продолжить, однако результаты работы комиссии не обнаружены¹.

Один из активных красноярских областников В.М. Крутовский, издатель «Сибирских записок», осенью 1918 г. после переворота Колчака отмечал: «Мы переменяли уже за эти 1,5 года много правительств, но система и методы управления у каждого, начиная с Советов и кончая последней новой властью, остаются старыми – престарыми»².

Все законотворческие инициативы и проекты государственного устройства России, установления оптимального баланса интересов и прав центра и мест, оказались несвоевременными. Военное поражение белого лагеря, общественная невостребованность идеологических доктрин и политической программы его участников в конкретно – исторических обстоятельствах 1918–1920 гг. сделали бессмысленной деятельность многочисленных чиновничьих структур и обесценили немало

¹ ГА РФ. Ф.4707. Оп.1. Д.2. Л.81.

² В. К. Областное обозрение // Сибирские записки. 1918. № 4. С.95.

интересных предложений, работавших в них знатоков права, этнографии, экономики, истории и культуры России и ее регионов. Однако кратковременный, крайне противоречивый и в целом не удавшийся опыт культурно-национальной автономии ныне приобрел новые звучание, как и несвоевременные в условиях общественного противостояния либерально-демократические модели государственного устройства России, основанные на столь актуальном сегодня консенсусе политических, региональных и национальных сил формирующегося гражданского общества.

Итак, с установлением диктатуры, объективно оправданной в условиях войны, произошло серьезное изменение политической платформы антисоветского движения в Сибири. Наибольшее влияние в нем окончательно получили представители правых, монархических кругов. Идейной основой режима А.В. Колчака стали лозунги «единой и неделимой» России, национал-патриотизма и великодержавия. Это исключало демократическое решение национальных проблем, даже в весьма ограниченных формах. Национальные организации и их лидеры были вынуждены идти на все более значительные уступки, что делало призрачным национальное самоуправление и перманентной межнациональную напряженность. Сами же они, как впрочем, и все белое движение, теряли свою социальную опору.

Постоянно понижавшийся статус ведомства по делам национальностей, «непредрешенчество» белых, недостаточная гибкость наряду с насилиями, произволом и другими эксцессами войны проявлялись по всем направлениям национальной политики правительства А.В. Колчака и обусловили ее непродуктивность. Это послужило в конечном счете одной из важных причин поражения Белого движения в антисоветской борьбе 1918–1920 гг.

Заключение

И.А. Ильин писал в 1926 г.: «Белая борьба нуждается в летописи, а не в идеализации, в верном самопознании, а не в создании легенд, в удостоверении, а не в искажении»¹. Это в полной мере относится к национальной политике белых.

В ее развитии на востоке страны можно выделить три этапа, прямо связанные со сменой ведущих политических сил в нем. На первом этапе Временное Сибирское правительство, опиравшееся не только на кадетов, но и во многом на социалистов-областников, сотрудничало с национальными деятелями и правительствами. Фактически признав существование казахской и башкирской автономий, оно, тем не менее, стремилось ограничить их полномочия и не признало их официально. В целом же оптимальным вариантом решения национального вопроса в регионе считалась культурно-национальная автономия.

Вплоть до осени 1918 г. в антибольшевистском лагере в Сибири, в институтах власти на местах и в самом правительстве, довольно значительную роль играли эсеры и областники. Они еще с дореволюционных времен активно занимались изучением «инородческого» вопроса, отводили одно из главных мест его демократическому решению в своих программах и практической деятельности. Это нашло отражение в организации властных структур на местах, формировании национальных земств, судов, система просвещения и др. Поучителен в связи с этим опыт Министерства туземных дел Временного Сибирского Правительства и его дальнейшая судьба.

¹ Ильин И.И. Белая идея // Белое дело. Т. 1. Берлин, 1926. С. 8.

Однако сложное переплетение партийно-политических сил в регионе, особенно в самом антисоветском лагере, его общая эволюция вправо под воздействием целого комплекса объективных и субъективных факторов повлияли на отношение к национальному вопросу. Главным стержнем внутренней политики белых являлся военно-политический прагматизм, идеология же движения не была цельной и сформулированной.

Четко разработанной программы действий в национальной сфере белое движение не имело, но ее основные тенденции можно проследить на основе конкретного опыта органов власти. На втором непродолжительном этапе, от Директории до переворота 18 ноября 1918 г., происходило дальнейшее сужение возможностей демократического подхода в национальной и во внутренней политике антисоветских сил. С одной стороны, это диктовалось военными, политическими, экономическими обстоятельствами. С другой стороны, усиление великодержавных амбиций белых, возрождение имперских традиций, недостаточная гибкость в отношениях с национальными движениями, невнимание к разумным предложениям собственной бюрократии и политических деятелей о необходимости более дифференцированного и внимательного национального курса приводили к сужению социальной опоры белого лагеря.

Между «красными» и «белыми» шла ожесточенная борьба не только за власть, но и за народные массы. Разработанные руководителями белого движения программы большей частью оставались на бумаге, а решительные и во время принятые большевиками меры в интересах национальных масс принесли им победу. В этом один из главных и определяющих уроков победы большевиков в гражданской войне.

Привыкшие к «спокойной законотворческой» работе, политики и государственные деятели Временного Сибирского и Всероссийского правительств оказались неспособными к оперативному решению постоянно возникавших проблем национальной политики.

В этом они значительно уступали мобильной, хорошо организованной, прагматичной тактике большевиков. Стремление к легитимности и упорядоченности отражалось в бесконечных ссылках на правомочность лишь Всероссийского Учредительного собрания в вопросах национально-государственного устройства России. Подобная зашоренность объяснялась, очевидно, непониманием глубинного смысла происходящей в это время смены эпох и системного российского кризиса.

«Мы смутно чувствовали горькую на первый взгляд парадоксальную правду, что наши «разумные» решения не подходят к неразумной действительности, что в такие катастрофические эпохи нужны какие-то иные подходы, – признавал Е.Е. Яшнов, – но на это были способны только большевики, растворившие свой рационализм в народном безумии. И они били нас на фронте и в тылу: иррациональное начало жизни побеждало жалкий человеческий разум»¹.

В национальных движениях и массах в результате последовательно нарастало отчуждение и закономерно усиливались просоветские ориентации. Немаловажную роль сыграли при этом ухудшение реального уровня жизни трудящихся, насилия, хозяйственная и социальная деградация и тому подобные явления военного времени. «...Крестьянство Сибири и Украины, ратовавшее раньше за Колчака и Деникина, после поборов, поголовного грабежа и насильничества, повернуло против них. Теперь ясно, что Колчак погиб...» – заключал В.И. Ленин².

Обе силы антисоветского лагеря – общероссийское Белое движение, цементирувавшееся военными кругами и общероссийскими политическими партиями, и национальные автономистские отряды – взаимно дополняли друг друга. Белое движение опиралось на ресурсы, территорию, элиту автономистов и националистов. Последние же, идя на компромисс

¹ Яшнов Е.Е. Нищета рационализма (из неосознанных уроков революции) // Русская жизнь. Вып. 2. Харбин, 1922. С. 26.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 111.

с более сильным партнером, надеялись добиться реализации идей местного самоуправления. Однако стратегические перспективы государственного устройства России эти союзники представляли по-разному. Конкретный опыт, исследованный в диссертации, подтверждает это.

Требование воссоздания «единой и неделимой России» больше выступало как объединяющий лозунг, нежели конкретная программа. Включая восстановление и соблюдение территориальной целостности Российского государства в границах 1914 г., этот лозунг не обозначал решения проблем для активизировавшихся на окраинах центробежных сил. Это грозило разъединением материальных и моральных сил белых. Лишь П.Н. Врангель выдвинул идею «тактического федерализма», признав суверенитет Украины, но сделано это было поздно. Украина уже стала советской.

В рамках унитарной России лидеры белых соглашались предоставить некие, расплывчатые по формулировкам, автономные права для народов Прибалтики, Украины, Крыма, Закавказья. А.И. Деникин, например, запрещал на территории ВСЮР употреблять слово «федерация»¹.

Что же касается Сибири, то для режима А.В. Колчака решение вопроса об устройстве России было связано с окончанием войны и утверждением правопорядка. Только в такой обстановке новое Учредительное собрание, состоящее из «государственно-здоровых элементов», определит формы отношений с народами страны. Нетрудно предположить, что место в нем представителям этих народов отводилось второстепенное.

Пока шла война, остроту дискуссий по национальному вопросу сглаживала именно тактика непредрешенчества. В целом же отсутствие цельной идеологии и ясной, адекватной требованиям жизни национальной политики вели к поражению.

Национальные элементы и организации в течение всего изучаемого периода предпринимали самые разнообразные,

¹ См.: Вишняк М. В. Черный год. Париж, 1922. С.53.

чаще всего малорезультативные усилия для отстаивания основ национального самоуправления. Но фактическое и широкое участие масс в принятии тех или иных решений, авторитарная система управления Колчака не предусматривала. Прежде всего это касалось т.н. «инородцев». Некоторое наличие демократических признаков не означало отказ от ориентации на сохранение и возрождение исторически сложившихся форм государственной и общественной жизни. Этатизм, гипертрофия роли государства, во всех его институтах, заторможенность процессов становления элементов гражданского общества сохранялись.

Наряду с другими факторами, обусловившими поражение белых в целом, а также в сравнении с открытой официальной поддержкой большевиками лозунга национального самоопределения и победами Красной Армии, это привело к провалу национальной политики колчаковского режима на третьем этапе (ноябрь 1918–1919 гг.).

Сегодня, в условиях формирования правового государства и гражданского общества в современной России, динамичного процесса складывания многопартийной системы и политического плюрализма исторический опыт начала века представляет существенный научный и практический интерес. Становление нового российского федерализма невозможно без оптимизации взаимоотношений центра и регионов, выработки компромиссных форм сосуществования и реализации общегосударственных и этнонациональных интересов.

Библиографический список

Архивы

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

1. Ф.132с. Акмолинское облуправление (ранее Акмолинский облкомиссариат), г. Омск. 1917–1919 гг. Оп.1.
2. Ф.144. Государственное совещание в Уфе. 1918 г. Оп.1.
3. Ф.151. Западно-Сибирский комиссариат. 1918 г. Оп.1.
4. Ф.192. Юридическое совещание при Временном Всероссийском правительстве (Директории). Омск, Уфа. 1918 г. Оп.1.
5. Ф.193. П. В. Вологодский. Оп.1.
6. Ф.667. Иностраннный отдел при Комуче. Самара, Уфа. 1918 г. Оп.1.
7. Ф.670. Совет управляющих ведомствами Комуча. Самара, Уфа. 1918 г. Оп.1.
8. Ф.671. Агиткультпросвет Комуча. Самара, Уфа. 1918 г. Оп.1.
9. Ф.749. Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания. Самара, Уфа. 1918 г. Оп.1.
10. Ф.1561. Информационно-агитационный отдел МВД. Омск. 1918 г. Оп.1.
11. Ф.1700. Министерство внутренних дел Временного Сибирского, Временного Всероссийского правительств. Омск. 1918–1919 гг. Оп.1, 4,7.
12. Ф. 1701. «Туземный» отдел Министерства внутренних дел. Омск. 1918–1919 гг. Оп.1.
13. Ф. 4707. Подготовительная комиссия по разработке вопросов о Всероссийском представительном собрании учредительного характера. Омск. 1919 г. Оп.1.

Российский государственный военный архив (РГВА)

14. Ф.157. Управление I армии Восточного и Туркестанского фронта. Оп.1, 3, 7.

15. Ф.184. Управление IV армии Восточного и Туркестанского фронта. Оп.2–8.

16. Ф.33503. РВС армий Туркестанского фронта. Оп.1.

17. Ф.39615. Штаб Семиреченского отряда Степного Сибирского корпуса. Оп.1.

18. Ф.39625. Штаб отдельной Оренбургской армии. Оп.1.

19. Ф.39711. Отряд атамана Б. Анненкова, штаб партизанской дивизии атамана Анненкова. Оп.1.

20. Ф.39498. Управление 2-го отдельного Степного Сибирского корпуса. Оп.1.

Государственный архив Омской области (ГАОО)

21. Ф.395. Выборы в Государственную Думу по Омской области. Оп.1.

22. Ф.661. Омский коалиционный комитет. Оп.1.

Государственный архив Томской области (ГАО)

23. Ф.Р-72. Сибирская областная дума. Оп.1.

Периодическая печать.

1. Архив русской революции. Т. XII. Берлин, 1923.

2. Архив гражданской войны. Вып. 1, 2. Берлин: Русское творчество, 1921.

3. Башкурд. Челябинск, 1918.

4. Борьба классов. Исторический массовый ежемесячный журнал Общества историков-марксистов при Комакадемии ЦИК СССР. М., 1932–1936.

5. Бюллетень. Осведомительного отдела Штаба Верховного Главнокомандующего. Подотдел печати. Омск, 1919.

6. Вестник Акмолинской области. Еженедельник. Омск, 1919.

7. Вестник Временного правительства. Пг.1917.

8. Вестник Временного Всероссийского правительства. Омск, 1918.

9. Вестник Комитета членов Всероссийского Учредительного Собрания. Самара, 1918.
10. Военная мысль. Изд. РВС Востфронта. Б/м. 1919.
11. Вольная Сибирь. Общественно-экономический сборник. Т.IV. Под общ.ред. И. А. Якушева. Общество сибиряков в ЧСР. Сиб. отдел при Институте изучения России в Праге. Прага, 1928. 176 с. Т. 1У-УП. Прага, 1929. 176 с.
12. Воля народа. Общественно-политическая и кооперативная газета. Семипалатинск, 1918.
13. Вперед. Фронтальная ежедневная газета. Омск, 1919.
14. Дело. Семипалатинск, 1917.
15. Единство. Газета беспартийная, общественно-политическая и кооперативная. Петропавловск Акмолинской области, 1917.
16. Жизнь Бурятии. Орган БурЦИКа и СНК БМАССР. Верхнеудинск, 1925.
17. Записки Западно-Сибирского отдела ГРГО. Т. XXXУШ. Омск, 1916. 284 с. Т. XXXIX. Омск, 1927.
18. За Родину! Газета военная, общественная и литературная. Штаб 2-го отдельного Степного Сибирского корпуса. Семипалатинск, 1919.
19. Известия ВЦИК. М., 1919.
20. Известия Министерства земледелия. Временное Всероссийское правительство. Омск, 1919.
21. Известия Омского коалиционного комитета. Омск, 1917.
22. Историк-марксист. Журнал общества историков-марксистов. 1926–1934 гг.
23. Красный архив. Исторический журнал Гл. архивного управления НКВД СССР. М., 1926–1939.
24. МВД. Главное управление по делам местного хозяйства. Бюллетень Земского отдела. Омск, 1919.
25. Наш долг. Ежедневная общественная и литературная газета. Петропавловск, 1919.

26. Наша газета. Омск, 1919.
27. Наша газета. Ташкент, 1917.
28. Новое дело. Семипалатинск, 1919. Общественно-политическая, экономическая и литературная газета.
29. Оренбургский вестник Комитета уполномоченных от членов Всероссийского Учредительного собрания. Оренбург, 1918.
30. Правительственный вестник. Омск, 1918–1919.
31. Приишимье. Газета политическая и общественно-литературная. Петропавловск, 1919.
32. Пролетарская революция. Журнал Истпарта. Отдел ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). М.-Л., 1926.
33. Путь народа. Томск, 1917.
34. Рабочее утро. Орган Оренбургской организации РСДРП. Оренбург, 1918.
35. Русская армия. Газета военная, общественная и литературная. Омск, 1919.
36. Русский исторический архив. 1929. № 1.
37. Семипалатинские областные ведомости. Семипалатинск, 1918–1919.
38. Сибирские вопросы. Периодич. сб. СПб., 1905–1913.
39. Сибирский вестник. 1918.
40. Сибирская жизнь. Газета политическая, литературная и экономическая. Томск, 1917.
41. Сибирская речь. Омск, 1918–1919.
42. Сибирские записки. Журнал литературный, научный и политический. Красноярск, 1917–1919.
43. Сибирские огни. Литературно-художественный и общественно-политический журнал Союза писателей РСФСР и новосибирской писательской организации. Новосибирск, 1923.

Сборники документов и материалы

1. Азиатская Россия. Т. 1. СПб., 1914. 576 с.
2. Алаш-Орда. Сб. документов с предисл. Исаева У. Сост. Мартыненко Н. Кзыл-Орда, 1929. 168 с.
3. Борьба за власть Советов в Бурят-Монголии (1917–1918 гг.). Сб. докум. материалов. Улан-Удэ: Бур.-Монг. кн. изд., 1957. 303 с.
4. Борьба за власть Советов в Восточном Забайкалье. Иркутск.: Вост.-Сиб. кн. изд., 1967. 365 с.
5. Временная Сибирская областная дума. Сессия 2-я. Томск, 1918.
6. Временное правительство автономной Сибири // Красный архив. Историч. журнал. М.-Л., 1928. Т. 4 (29). С. 86–138.
7. Великая Октябрьская социалистическая революция в Казахстане. Летопись событий. 27 февраля 1917 – 30 июля 1918 г. Алма-Ата: Наука, 1967. 458 с.
8. Вошинин В.П. Переселение и землеустройство в Азиатской России. Сб. законов и распоряжений. Под ред. Чиркина Г.Ф. Пг.: Учебное дело, 1915. 509 с.
9. Гражданская война в Казахстане (Летопись событий). Алма-Ата: Наука, 1974. 392 с.
10. Гражданская война в Оренбуржье (1917–1919 гг.). Документы и материалы. Оренбург: Кн.изд-во, 1958. 384 с.
11. Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. 626 с.
12. Документы по истории Октябрьской революции в национальных районах // Вопросы истории. 1958. № 7. С. 120–137.
13. Зензинов В.М. Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 г. Сб. документов. Париж, 1919. 193 с.
14. К истории разгрома вооруженных сил Колчака // Красный архив. Историч. журнал. № 6 (49). М.-Л., 1931. С. 55–91.
15. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР. Отчет о деятельности. 1 ноября 1917 – 20 июля 1918. М., 1918.

16. Национальный вопрос на перекрестке мнений, 20-е годы. Документы и материалы. М.: Наука, 1992. 268 с.
17. Национальный и колониальный вопрос и РКП(б). Материалы и статьи. М.: Московский рабочий, 1925. 411 с.
18. Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? (Сост.: Ненароков А.П. (рук.), Горный В.А., Доброхотов Л.Н. и др.). М.: ТЕРРА, 1992. 560 с.
19. Пионтковский С.А. Гражданская война в России (1918–1921 гг.). Хрестоматия. М., 1925. 708 с.
20. Политика Советской власти по национальному вопросу за три года. 1917– ноябрь 1920. М.: Гиз, 1920. 185 с.
21. Программы политических партий в России. Под ред. и с предисл. Владиславлева И.В. Изд. 2-е, испр. и доп. Вып. 1. М., 1917. 88 с.
22. Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. М.: РОССПЭН, 1995. 464 с.
23. Революция и национальный вопрос. Документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX в. Т. 3. Февраль – октябрь 1917. М., 1930. 467 с.
24. Ринчино Э.-Д. Документы. Статьи. Письма. Улан-Удэ, 1994. 234 с.
25. Собрание постановлений и распоряжений Западно-Сибирского комиссариата Сибирского Временного правительства. Томск, 1918.
26. Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. Омск, 1918.
27. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций Томской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). В 2-х ч. Томск, 1992.
28. Хроника гражданской войны в Сибири (1918–1921 гг.). Сост. Максаков В., Турунов А. М.-Л., 1926. 300 с.
29. Уфимское государственное совещание // Русский исторический архив. 1929. № 1. С. 57–280.

30. Уфимское государственное совещание и Временное сибирское правительство // Красный архив. Т. 61 (6). М.-Л., 1933. С. 58–81.

31. Фрунзе в организации разгрома Колчака // Красный архив. Т.2 (93). М.-Л., 1939. С. 3–50.

32. Частное совещание членов Всероссийского Учредительного собрания. Париж, 1921. 67 с.

Монографии, сборники научных трудов, статьи

1. Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.В. Федерализм в истории России. В 3 кн. Кн.1. М.: Республика, 1992. 383 с.

2. Авалиани С. Национальный вопрос в России и его решение в программах политических партий. Пг., 1917.

3. Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. М.: Россия молодая, 1994. 216 с.

4. Аманжолова Д.А., Тормозов В.Т. Белое движение и национальный вопрос в Сибири (1918–1919 гг.). М., 1996. 90 с.

5. Атнагулов С. Башкирия. М.-Л.: ГИЗ, 1925. 122 с.

6. Аврех И.Я. Русский буржуазный либерализм: особенности исторического развития // Вопросы истории. 1989. № 2. С. 17–31.

7. Банкротство мелкобуржуазных партий России. 1917–1922 гг. Сб. науч. тр. Ч. 1. М., 1977. 208 с.

8. Басманов М.И., Гусев К.В., Полушкина В.А. Сотрудничество и борьба. Из опыта отношений КПСС с непролетарским и некоммунистическими партиями. М.: Политиздат, 1988. 382 с.

9. Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. СПб.: Нация, 1909. 194 с.

10. Белое движение: начало и конец. М.: Московский рабочий, 1990. 528 с.

11. Беннигсен А. Мусульмане в СССР. Париж: ИМКА-Пресс, 1994. 87 с.

12. Берхин И.Б. Вопросы истории гражданской войны (1918–1920 гг.) в сочинениях В.И. Ленина. М.: Наука, 1981. 367 с.

13. И.Ч. Адмирал Колчак. Ростов-н/Д., 1919. 16 с.
14. Большевики и непролетарские партии в период Октябрьской революции и в годы гражданской войны. Материалы конф. М., 1982. 187 с.
15. Большевики в борьбе с непролетарскими партиями, группами и течениями. Материалы конф. М., 1983. 238 с.
16. Борьба за Урал и Сибирь. М.-Л.: ГИЗ, 1926. 388 с.
17. Борьба за власть Советов на Алтае (Историч. очерк). Барнаул: Алт. кн. изд., 1957. 463 с.
18. Булдаков В.П. Национальный фактор в Октябрьской революции // Октябрьская революция. Народ: ее творец или заложник? М.: Наука, 1992. С. 268–281.
19. Булдаков В.П. На повороте. 1917 год: революции, партии, власть // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. М.: Политиздат, 1991. С. 8–48.
20. Булдаков В.П. Национальный вопрос в планах российской контрреволюции в 1917 году // Политические и экономические проблемы Великого Октября и гражданской войны. Сб. науч. тр. М., 1988. С. 151–171.
21. Буревой К. Распад. 1918–1922. М.: Новая Москва, 1923. 135 с.
22. Буржуазные и мелкобуржуазные партии России в Октябрьской революции. Материалы конф. М., 1980. 154 с.
23. Бурмистрова Т.Ю., Гусакова В.С. Национальный вопрос в программах и тактике политических партий в России. 1905–1917 гг. М.: Мысль, 1976. 262 с.
24. Ваняг Н.Н. Краткий очерк истории народов СССР. Ч.1. М.-Л.: Парт. изд-во, 1932. 415 с.
25. Вегман В. Сибирские контрреволюционные организации в 1918 г.// Сибирские огни. 1928. № 1. С. 135–146.
26. Вегман В. Областные иллюзии рассеянные революцией (к истории возникновения Сибирской областной думы) // Сибирские огни, 1923. № 3.

27. Великий Октябрь в кривом зеркале западной «советологии». Сб. М.: Прогресс, 1977. 299 с.

28. Великий Октябрь и гражданская война в России: проблемы историографии, источниковедения, археографии. Межвуз. тем. сб. науч. тр. Калинин, 1987. 160 с.

29. Великий Октябрь и непролетарские партии. Материалы конф. М., 1982. 254 с.

30. Венков А.В. Антибольшевистское движение на Юге России на начальном этапе гражданской войны. Ростов-н/Д., 1995.

31. Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М.: РОССПЭН, 1995. 400 с.

32. Гармиза В.В. Директория и Колчак // Вопросы истории. 1976. № 10. С. 16–32.

33. Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. М.: Мысль, 1970. 294 с.

34. Геллнер Э. Нации и национализм. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1991. 320 с.

35. Городские средние слои в трех российских революциях. Межвуз. сб. науч. тр. М., 1989. 191 с.

36. Гошовский Н.Н. Революционный процесс: историко-методологический аспект. Киев: Выща школа, 1991. 183 с.

37. Гражданская война в России. «Круглый стол» // Отечественная история. 1993. № 3. С. 102–115.

38. Гражданская война в России: перекресток мнений. М.: Наука, 1994. 377 с.

39. Гражданская война в СССР. В 2-х т. М.: Воениздат, 1980, 1986. 368, 447 с.

40. Демидов В.А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. 1917–1922 гг. Изд. 2-е, доп. Новосибирск: Наука, 1983. 316 с.

41. Демидов В.А., Демидов В.В., Познанский В.С. Народы Сибири на путях интернационализма. Новосибирск: Наука, 1990.

42. Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917 – 1920 гг.). М.: Наука, 1982. 415 с.

43. Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М.: Наука, 1988. 245 с.

44. Дубровский К.В. В царстве нагайки и виселицы. Сибирская контрреволюция 1918–1918 гг. М.-Л., 1929. 128 с.

45. Елаев А.А. Бурятия: путь к автономии и государственности. М.: Антал, 1994. 176 с.

46. Журавлев В., Ильин А., Ненароков А.. В.И.Ленин: «Вместе и наравне»// Урок дает история. М.: Политиздат, 1989. С. 107–137.

47. Журавлев В.В., Симонов Н.С. Причины и последствия разгона Учредительного собрания // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 3–18.

48. Записки Западно-Сибирского отдела Гос. РГО. Т.XXXVIII, посвященный Потанину Г.Н. по случаю 80-летия его жизни. Омск, 1916. 284 с.

49. Записки Западно-Сибирского отдела Гос. РГО. Т.XXXIX. Юбилейный. Омск, 1927.

50. Защита завоеваний социалистических революций. Сб. ст. М.: Наука, 1986. 324 с.

51. Зенушкина И.С. Советская национальная политика и буржуазные историки. Становление Советского многонационального государства (1917–1922 гг.) и современная буржуазная историография. М.: Мысль, 1971. 285 с.

52. Зимина В.Д. Белое движение в годы гражданской войны. Учебное пособие. Волгоград, 1995. 76 с.

53. Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917–1922 гг. Новосибирск: Наука, 1985. 231 с.

54. Интеллигенция и революция. XX век. М.: Наука, 1985. 335 с.

55. Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М.: Мысль, 1983. 294 с.

56. Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М.: Наука, 1977. 319 с.

57. Историография гражданской войны и империалистической интервенции (1918–1920 гг.). Сб. ст. Отв. ред.: Наумов В.П., Зевелев А.И. М.: АН СССР, 1983. 246 с.

58. Историографическое изучение истории буржуазных и мелкобуржуазных партий России. Материалы конф. М., 1981. 166 с.

59. История политических партий России. Под ред. Зевелева А.И. М.: Высшая школа, 1994. 447 с.

60. История СССР в современной западной немарксистской историографии: Критический анализ. М.: Наука, 1991. 192 с.

61. Калинина К.В. Национальные отношения в СССР: история и современность. М., 1991. 184 с.

62. Карр Э. История Советской России. Большеви́стская революция 1917–1923. Кн.1. Т. 1–2. М.: Прогресс, 1990. 768 с.

63. Козлов В.И. Национализм, национал-сепаратизм и русский вопрос // Отечественная история. 1993. № 2. С. 44–64.

64. Комин В.В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции (февраль 1917 – январь 1918). М.: Московский рабочий, 1965. 644 с.

65. Коржихина Т.П. Федерализм или унитаризм? Перипетии российской государственности // Свободная мысль. 1995. № 6. С. 94–105.

66. Круглый стол «Национальные вопросы в СССР: итоги, тенденции, проблемы»// История СССР. 1987. № 6.

67. Крушанов А.И. Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1920 гг.). Кн.1–2. Владивосток, 1972, 1984.

68. Кувшинов В.А. Разоблачение партий большевиков идеологии и тактики кадетов. М., 1982.

69. Кузеев Р.Г. Национальные движения и федерализм в России // Этнографическое обозрение. 1993. № 6. С. 46–59.

70. Кулешов С.В. Великий Октябрь и торжество ленинской национальной программы партии: реальность истории и банкротство ее фальсификаций. М.: Высшая школа, 1987. 142 с.

71. Кулешов С.В., Рудь А.С. Историография ленинской национальной политики большевиков в трех российских революциях. Учебное пособие. М.: МГИАИ, 1982. 77 с.

72. Куличенко М.И. Борьба Коммунистической партии за решение национального вопроса в 1918–1920 гг. Харьков: изд-во Харьков. ун-та, 1963. 447 с.

73. Куличенко М.И. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. М., 1972.

74. Куницын Г.И. Самоопределение наций – история вопроса и современность // Вопросы философии. 1989. № 5. С. 66–86.

75. Кульшарипов М., Валидов З.М. и образование Башкирской Автономной Советской Республики (1917–1920 гг.). Уфа: Башк. кн. изд-во, 1992. 160 с.

76. Ленин В.И. Речь о внешнем и внутреннем положении на беспартийной конференции красноармейцев Ходынского гарнизона 15 июля 1919 г. // Полн. собр. соч. Т. 39. С. 110–111.

77. Его же. Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком // Там же. С. 151–159.

78. Его же. II конгресс Коммунистического Интернационала. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам // Там же. Т. 41. С. 241–247.

79. Ленин В.И., Сталин И.В. Телеграмма Б.Н. Нимвицкому // Там же. Т. 50. С. 252.

80. Ленин В.И. и история классов и политических партий в России. М., 1970.

81. Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях. М.: Политиздат, 1972. 567 с.

82. Леонов С.В. Американские историки о советском обществе времен гражданской войны // Отечественная история. 1993. № 4. С. 169–176.

83. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914 гг. Пер. с нем. И. Иловойской. Париж, 1980. 549 с.

84. Лившиц С.Г. Временное Сибирское правительство (июль–ноябрь 1918 г.) // Вопросы истории. 1979. № 12. С. 98–107.

85. Литвин А.М. Красный и белый террор в России 1918–1922. Казань, 1995. 328 с.

86. Макарова Г.П. Осуществление ленинской национальной политики в первые годы Советской власти (1917–1920 гг.). М.: Наука, 1969. 268 с.

87. Макарова Г.П. Из истории национально-освободительного движения в России в 1917 г. Восточные районы. М.: Наука, 1979. 224 с.

88. Мамет Л.П. Ойротия. Очерк национально-освободительного движения и гражданской войны на Горном Алтае. М., 1930. 158 с.

89. Марксизм и национальный вопрос. Ч. 1–2. Харьков, 1923.

90. Мартов Л. Национализм и социализм (Идеология «самозащиты»). СПб.: Социалист, 1918. 80 с.

91. Межнациональные отношения в СССР: история и современность. Сб. обзоров. М.: ИНИОН, 1991. 177 с.

92. Межнациональные отношения в СССР: проблемы и перспективы. По материалам западной печати. М.: Прогресс, 1991. 195 с.

93. Милюков П.Н. М.: Политиздат, 1991. 528 с.

94. Милюков П.Н. Национальный вопрос (Происхождение национальности и национальные вопросы в России). Прага: Б-ка изд-ва «Своб. Россия», 1925. 192 с.

95. Минор О.С. Национальный вопрос в 1917 г. – 1918 гг. // Год русской революции (1917–1918 гг.). Сб. ст. М.: Земля и Воля, 1918. С. 94–103.

96. Михайлов В. Субъективные основы национального движения. Саратов, 1993.

97. Найда С.Ф., Наумов В.П. Советская историография гражданской войны и иностранной интервенции в СССР. М.: Изд-во МГУ, 1966. 172 с.

98. Наумов В. П. Новейшая историография гражданской войны и империалистической интервенции // Историография гражданской войны и империалистической интервенции (1918–1920 гг.). Сб. ст. М., 1983. С. 1–17.

99. Наумов В.П. Изучение истории Великого Октября в национальных районах СССР (Обзор литературы за 1967–1978 гг.) // История СССР. 1979. № 5. С. 52–68.

100. Национальная политика КПСС. Очерк историографии. М.: Политиздат, 1981. 256 с.

101. Национальная политика России: история и современность. М., 1997. 680 с.

102. Национальный вопрос и Советская Россия. М., 1921. 90 с.

103. Национальный вопрос накануне и в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Вып. 2. М.: Наука, 1964. 75 с.

104. Национальные отношения и национальные процессы в СССР: вопросы истории. Сб. науч. тр. М., 1987. 214 с.

105. Ненароков А.Г. К единству равных: Культурные факторы объединительного движения советских народов. 1917–1924 гг. М.: Наука, 1991. 272 с.

106. Ненароков А.П. Крах попыток прогностического анализа межнациональных отношений // Отечественная история. 1992. № 2. С. 3–23.

107. Непролетарские партии и организации национальных районов России в Октябрьской революции и гражданской войне. Материалы конф. М., 1980. 275 с.

108. Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции. Материалы конф. М., 1982. 252 с.

109. Непролетарские партии России: Урок истории / Редколл.: Гусев К.В. и др. Под общ. ред. Минца И.И.. М.: Мысль, 1984. 566 с.

110. Нижников В.Т., Угрюмов А.Л. Национально-освободительное движение в период подготовки Октябрьской социалистической революции // Борьба большевистской партии за создание политической армии социалистической революции. М.: Мысль, 1967. С. 251–295.

111. Никулин А.И. Национальная политика России (история и современность). М., 1993. 61 с.

112. Оборин А. Национальный вопрос в СССР. М.-Л.: ОГИЗ, 1931. 64 с.

113. Окладников А. П., Соскин В. Л. Общее и особенное в формировании советской интеллигенции Сибири (1917–1940 гг.) // Некоторые теоретические проблемы формирования и развития советской интеллигенции на пути к коммунизму. М., 1979.

114. Октябрьская революция. Народ: ее творец или заложник? М.: Наука, 1992. 432 с.

115. Октябрь и гражданская война в Сибири. История. Историография. Источниковедение. Томск: Изд. Том. ун-та, 1985. 144 с.

116. Осипов Е. О., Алексеевский К. В. Политическое противоборство в годы гражданской войны и интервенции // Вопросы истории КПСС. 1991. № 2. С. 130–143.

117. Очур В.Ч. Великий Октябрь и Тува. Кызыл: Тув. кн. изд., 1967. 146 с.

118. Павловский П.И. Анненковщина. М.-Л.: ГИЗ, 1928. 93 с.

119. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 420 с.

120. Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России. 1783–1883 гг. М.: Мысль, 1986. 341 с.

121. Пахаев С.Я. Контрреволюционная роль Каракорум-Алтайской окружной управы в годы Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны // Труды Томского гос. унив-та. Т. 158. Вопросы истории Сибири. Вып. 2. С. 125–137.

122. Плотникова М.Е. Советская историография истории гражданской войны в Сибири (1918 – 1-я половина 1930-х гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1974. 254 с.

123. Политические и экономические проблемы Великого Октября и гражданской войны. Сб. науч. тр. М., 1988. 223 с.

124. Поляков Ю.А. Гражданская война в России: возникновение и эскалация // Отечественная история. 1992. № 6. С. 32–41.

125. Поляков Ю.А. Гражданская война в России (Поиски нового видения) // История СССР. 1990. № 2. С. 98–117.

126. Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М.: Наука, 1986. 275 с.

127. Раимов Р.М. Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. М.: АН СССР, 1952. 523 с.

128. Революция и народы России: полемика с западными историками. М.: Наука, 1989. 237 с.

129. Россия в эпоху реформ. Сб.ст. 2-е изд. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1983. 406 с.

130. Российская империя, СССР, Российская Федерация: история одной страны? Прерывность и непрерывность в отечественной истории XX века. Буддаков В.П., Мау В.А., Ципко А.С.. Доклады к конф. Отв. ред. Бордюгов Г.А. М.: ИЦ «Россия молодая», 1993. 128 с.

131. Рыбников В.В., Слободин В.П. Белое движение в годы гражданской войны в России: сущность, эволюция и некоторые итоги. М., 1993.

132. Саидкасимов С.С. Национальный вопрос в программах политических партий России // Кентавр. 1992. № 1–2. С. 109–120.

133. Сафаров Г.И. Проблемы национально-колониальной революции. М.-Л.: Огиз, 1931. 285 с.

134. Святицкий Н.К истории Всероссийского Учредительного собрания. Съезд членов Учредительного собрания (Очерк

событий на востоке России в сентябре-декабре 1918 г.). М.: Народ, 1921. 174 с.

135. Святицкий Н.В. Итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание // Год русской революции (1917–1918 гг.). М.: Земля и Воля, 1918. С. 104–119.

136. Скляр Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. 588 с.

137. Скрипилев Е.А. Всероссийское Учредительное собрание: Историко-правовое исследование. М.: Наука, 1982. 216 с.

138. Советские национальности в стратегической перспективе. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1986. 265 с.

139. Соскин В.Л., Красильников С.А. Об особенностях борьбы за интеллигенцию в восточных районах страны (1917–1920 гг.) // Интеллигенция и революция. XX век. М.: Наука, 1985. С. 217–224.

140. Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917–1920 гг.). М.: Мысль, 1968. 438 с.

141. Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (Начало XX в. – 1920 г.) М.: Мысль, 1977. 366 с.

142. Спирин Л.М. Россия, 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М.: Мысль, 1987. 334 с.

143. Сталин И.В. Беседа с сотрудником газеты «Правда» // Сочинения. Т. 4. С. 66–73.

144. Сталин И.В. Еще раз к национальному вопросу // Большевик. 1925. 30 июня.

145. Сталин И.В. Из доклада по национальному вопросу на III Всероссийском съезде Советов 15 января 1918 г. // Сочинения. Т. 4. С. 31–32.

146. Сталин И.В. Общие положения Конституции РСФСР // Сочинения. Т. 4. С. 79–80.

147. Сталин И.В. Одна из очередных задач // Соч. Т. 4. С. 74–78.

148. Тагиров И.Р. В борьбе за власть Советов (Октябрь и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале (июль 1917 – март 1918). Казань: Тат. кн. изд-во, 1977. 182 с.

149. Тишков В.А. О нации и национализме // Свободная мысль. 1996. № 3. С. 30–38.

150. Томан Б.А. За свободную Россию, за свободную Латвию. Латышские стрелки и красногвардейцы в первый год Советской власти. М.: Политиздат, 1975. 295 с.

151. Тормозов В.Т. Атаман Дутов: ”Я люблю Росси...” // Утро России. 1995.

152. Тормозов В.Т. Война и белое дело в судьбе Бориса Анненкова // История. Прилож. к газете “Первое сентября”. 1997. № 29.

153. Трайнин И.П. СССР и национальная проблема (По национальным республикам и областям Советского Союза). М.: Красная новь, 1924. 242 с.

154. Ушаков А.И. История гражданской войны в литературе русского зарубежья. Опыт изучения. М.: ИЦ «Россия молодая», 1993. 144 с.

155. Федюк В.П. Белые. Антибольшевистское движение на юге России. 1917–1918 гг. М., 1996. 156 с.

156. Хаптаев М.Т. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Бурятии. В 3-х ч. Улан-Удэ, Бурят. кн. изд., 1964.

157. Хаптаев М.Т. Бурятия в годы гражданской войны. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд., 1967. 264 с.

158. Цаликов А. Мусульмане России и федерация. Речи, произнесенные на Всеросс. мусульманском съезде в Москве 1–11 мая 1917 г. Пг.: Заря Востока, 1917. 32 с.

159. Цаликов А. Мусульманская фракция в Учредительном собрании. Речь на 2-м Всеросс. мусульманском съезде. Казань: Умид, 1917. 22 с.

160. Шаститко П.М. Ленинская теория национально-колониального вопроса. М., 1979.

161. Шевоцуков П.А. Страницы истории гражданской войны: Взгляд через 10-летия. Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1992. 191 с.

162. Шевоцуков П. Гражданская война. Взгляд через 10-летия // Свободная мысль. 1992. № 10. С. 74–84.

163. Шелестов Д.К. Новейшая историография гражданской войны в СССР // Вопросы истории. 1968. № 11. С. 152–162.

164. Шелохаев В.В. Национальный вопрос в России: либеральный вариант решения // Кентавр. 1993. № 2. С. 45–59; № 3. С. 100–115.

165. Шерман И.Л. Советская историография гражданской войны в СССР (1920–1931гг.). Харьков: изд-во Харьков. ун-та, 1964. 340 с.

166. Чистяков О.И. Формирование РСФСР как федеративного государства (1917–1922 гг.) // Вопросы истории. 1968. № 8. С. 3–17.

167. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М.: Наука, 1984. 580 с.

168. Эльцин В.Е. Крестьянское движение в Сибири в период Колчака // Пролетарская революция. 1926. № 2. С. 5–49; № 3. С. 51–82.

169. Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. М.: Воениздат, 1966. 384 с.

170. Этничность и власть в полиэтнических государствах: Материалы междунар. конф. 1993. М.: Наука, 1994. 230 с.

171. Якушев И.А. Очерки областного движения в Сибири // Вольная Сибирь. Т.4. Прага, 1928. С. 100–113; Т.6–7. Прага, 1929. С. 88–103.

Мемуары

1. Аргунов А. Между двумя большевиками. Париж, 1919. 47 с.

2. Белое движение: начало и конец. М.: Московский рабочий, 1990. 528 с.

3. Болдырев В.Г. Директория, Колчак, интервенты. Воспоминания. Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925. 562 с.

4. Болдырев В.Г. Из пережитого (1917–1922 гг.) // Сибирские огни. 1923. № 5. С. 111–126.
5. Борьба за власть Советов в Хакасии (1917–1923 гг.). Абакан: Хакас.кн.изд., 1961. 158 с.
6. Вологодский П.В. Из хроники антибольшевистского движения в Сибири. Харбин, 1924.
7. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). Пекин, 1921. Т. I. Ч. 1. 320 с.; Т. 2. Ч. 2–3. 606 с.
8. Гинс Г.К. Организация белой власти в Сибири // Начало гражданской войны. М.-Л.: ГИЗ, 1926. С. 372–390.
9. Заки Валиди Тоган. Воспоминания. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрок за национальное бытие и сохранение культуры. Кн.1. Уфа: Китап, 1994. 400 с.
10. Иванов В.Н. В гражданской войне (Из записок омского журналиста). Харбин, 1921. 137 с.
11. Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке. Воспоминания. Материалы. Документы. Пг., 1923. 183 с.
12. Кроль Л.А. За три года. Воспоминания, впечатления и встречи. Владивосток, 1922. 212 с.
13. Майский И. Демократическая контрреволюция. М.-Пг.; ГИЗ, 1923. 359 с.
14. Маргулиес М.С. Год интервенции. Кн.1. Берлин: Изд-во Гржебина, 1923. 364 с.
15. Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Из истории гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири. Ч. I–III. Белград, 1930–1931.
16. Милюков П.Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. – 528 с.
17. Парфенов П.С. (Петр Алтайский). Уроки прошлого. Гражданская война в Сибири. 1918, 1919, 1920 гг. Харбин, 1921. 172 с.

18. Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 гг.). Рига: Изд. М. Дидковского, 1930. 250 с.
19. Под огненным стягом. Воспоминания участников гражданской войны. М.: Политиздат, 1972. 416 с.
20. Ракитников Н.И. Сибирская реакция и Колчак. М., 1920. 38 с.
21. Раков Д.В застенках Колчака. Голос из Сибири. Париж, 1920. 47 с.
22. Сахаров К.В. Белая Сибирь. Мюнхен, 1923. 324 с.
23. Семенов А.Т. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. Дайрен, 1938. 228 с.
24. Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т.1. В революции (1917–1919). Тяньцзин, 1937. 286 с.
25. Третьяк И.Я. Партизанское движение в Горном Алтае 1919 г. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн.изд., 1933. 168 с.
26. Филатьев Д.В. Катастрофа белого движения в Сибири. 1918–1922. Впечатления очевидца. Париж: ИМКА-ПРЕСС, 1985. 142 с.
27. Штерн С. В огне гражданской войны. Воспоминания, впечатления, мысли. Париж, 1922. 197 с.

Авторефераты диссертаций

1. Алпатова И.С. Осуществление Коммунистической партией национальной политики в республиках Среднего Поволжья в 1917–1929 гг. (Анализ советской исторической литературы). Автореф. дис канд. ист. наук. Казань, 1990. 19 с.
2. Волгин А.П. Буржуазная пресса Сибири и колчаковщина. Автореф. дис канд. ист. наук. Томск, 1990. 17 с.
3. Глазов Л.М. Историческая роль КПСС в создании советской федерации (исторический опыт разработки и реализации концепции социалистического федерализма). Автореф. докт. ист. наук. Кировоград, 1990. 47 с.
4. Гарипова М.И. Советская историография гражданской войны в Сибири (конец 60–80-х гг.). Автореф. дис канд. ист. наук. Томск, 1991. 20 с.

5. Дариенко В.Н. Революция и контрреволюция на Юго-Востоке страны 1917–1920 гг. Автореф. дис ... докт. ист. наук. М., 1991. 49 с.

6. Елаев А.А. Возникновение национальной государственности Бурятии. Автореф. дис ... канд. ист. наук. М., 1993. 23 с.

7. Кривошеенкова Е.Ф. Гражданская война и военная интервенция: историко-партийные историографические проблемы. Автореф. дис ... докт. ист. наук. М., 1990. 30 с.

8. Кувырченков Н.С. РСДРП(б) в Великой Октябрьской социалистической революции: критический анализ западно-германской буржуазной историографии. Автореф. дис ... канд. ист. наук. М., 1990. 18 с.

9. Литаврин И.Ф. Борьба за установление и укрепление Советской власти в Горном Алтае (1917–1922 гг.). Автореф. дис ... канд. ист. наук. Киев, 1956. 18 с.

10. Марков А.Е. История революционного движения в национальных районах России в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую в 1917 г. Историография 1917–1990 гг. Автореф. дис ... канд. ист. наук. М., 1991. 26 с.

11. Наумова М.И. Национальная политика колчаковщины. Автореф. дис ... канд. ист. наук. Томск, 1991. 21 с.

12. Никитин А.Н. Источники по истории гражданской войны в Сибири и их использование в советской исторической литературе. Автореф. дис ... докт. ист. наук. Томск, 1992. 33 с.

13. Пахаев С.Я. Гражданская война в Горном Алтае (1918–1920 гг.). Автореф. дис ... канд. ист. наук. 1966. 20 с.

14. Шерстянников М.А. Идеино-политический и организационный крах меньшевиков в Восточной Сибири. Автореф. дис ... канд. ист. наук. 1979. 19 с.

15. Шиканов М.А. Сибирская контрреволюция на начальном этапе гражданской войны (октябрь 1917 – ноябрь 1918 гг.). Автореф. дис ... канд. ист. наук. Томск, 1989. 22 с.

16. Шиловский М.В. Сибирское областничество во 2-ой половине XIX – начале XX вв. Автореф. дис ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1992. 33 с.

Белое движение и национальный вопрос в России

Коллективная монография

*Под редакцией доктора исторических наук, профессора
Тормозова Виктора Тимофеевича, кандидата исторических
наук Письменского Алексея Геннадьевича*

Издается в авторской редакции
Компьютерная верстка И.Ю. Маслова
Дизайн обложки С.А. Петров

Подписано в печать 05.06.09 Формат 60х90/16

Усл. печ. л. 10,0

Тираж 500 экз. Заказ

0000.043.273.09/06.13

Издательство Современного гуманитарного университета

109029, Москва, ул. Нижегородская, д. 32,

корпус 6, комн. 206

Тел./факс: (495) 727-12-41, доб. 31-80

E-mail: edit@muh.ru